

**Алауханов Е. О.
Каирова Н. И.**

ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Учебное пособие

**Алматы
2008**

ББК 67.51я73
А 45

Рекомендовано к печати Ученым советом Академии МВД РК

Ответ. редакторы:

Квашиш В. Е. — заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор, университет МВД России.

Заринов З. С. — доктор юридических наук,
профессор Академии права и управления ФСИН МЮ РФ.

Рецензенты:

Абдрасулова К. Р. — доктор юридических наук, профессор
(Ташкентский государственный юридический институт).

Шестаков Д. А. — доктор юридических наук, профессор,
президент Санкт-Петербургского криминологического клуба.

А 45 Алауханов Е. О., Каирова Н. И.

Преступное насилие в отношении женщин
(уголовно-правовые и криминологические аспекты):
Учеб. пособие. — Алматы: Нур-пресс, 2008. — 230 с.

ISBN 9965-813-54 -X

Настоящее учебное пособие посвящено комплексному анализу общих положений, связанных с предупреждением корыстно-насильственных преступлений в отношении женщин.

Анализ преступности, личности преступников, причин и условий преступлений дается как в общем плане, так и применительно к конкретным видам преступлений. С этих же позиций рассматривается проблема предупреждения преступности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, специалистов в области криминологии, а также для всех читателей, интересующихся проблемами предупреждения преступности.

ББК 67.51я73

© Е. О. Алауханов, 2008.

© Н. И. Каирова, 2008.

© Нур-пресс, 2008.

ISBN 9965-813-54 -X

Содержание

Список обозначений и сокращений.....	4
Введение.....	5
Раздел 1. Научные аспекты исследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	10
1.1. Социально-правовая природа корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	10
1.2. Криминологическая характеристика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	41
Раздел 2. Роль межличностных факторов в механизме совершения корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин.....	53
2.1. Механизм корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	53
2.2. Личность преступников, совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин.....	69
2.3. Личностные особенности женщин, в отношении которых совершаются корыстно-насильственные посягательства.....	82
Раздел 3. Проблемы политико-правовой и социально-экономической защиты женщин от корыстно-насильственных посягательств.....	88
3.1. Факторы, детерминирующие совершение корыстно-насильственных преступлений в отношении женщин.....	88
3.2. Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	99
3.3. Уголовное наказание как средство предупреждения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	131
Заключение.....	144
Приложение.....	148
Список использованной литературы.....	149

Список обозначений и сокращений

АО — акционерное общество;
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет;
ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная комиссия;
ДВД — Департамент внутренних дел;
ДТС — Департамент технической службы;
ГОРРАЙОВД — городские, районные отделы внутренних дел;
ГОРРАЙЛИНОВД — городские, районные и линейные отделы внутренних дел;
ЗРК — Закон Республики Казахстан;
КПС и СУ — Комитет правовой статистики и специальных учетов;
КоАП — Кодекс об административных правонарушениях;
МВД — Министерство внутренних дел;
МОН — Министерство образования и науки;
МРП — месячный расчетный показатель;
ОВД — органы внутренних дел;
ОДН — отдел по делам несовершеннолетних;
ОМП — отдел миграционной полиции;
ОРД — оперативно-розыскная деятельность;
ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия;
РК — Республика Казахстан;
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;
СССР — Союз Советских Социалистических Республик;
США — Соединенные Штаты Америки;
СМИ — средства массовой информации;
СО — следственный отдел;
СУ — следственное управление;
УК — Уголовный кодекс;
УИП — участковый инспектор полиции;
УИТС — управление информационно-технической службы;
У(О)ОБ — управление (отдел) общественной безопасности;
У(О)КП — управление (отдел) криминальной полиции;
УСП — управление специальной полиции;
УДП — управление дорожной полиции;
УКУИС — Управление Комитета уголовно-исполнительной системы;
ЦКИ — Центр криминальной информации.

Введение

В последние годы на международном уровне серьезно начала рассматриваться проблема насилия в отношении женщин и детей. Во многих частях мира жестокое обращение с ними по-прежнему скрывается, отрицается, сводится к минимуму по своей значимости, к нему проявляется терпимость, и оно толкуется как приемлемые культурные нормы и традиции. Как пишет В. В. Лунеев, «...насильственные действия, которые в других условиях считались бы преступными, узакониваются, когда они совершаются в отношении женщин и детей в частной семейной сфере» [1. с. 192]. Следовательно, насилие в отношении женщин, в том числе и в сфере семейных отношений, представляет серьезную угрозу, прежде всего, правам человека [2. с. 46].

На основе исследования факторов, обуславливающих возникновение и распространение изучаемого явления, международно-правового опыта, сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию отечественного уголовного законодательства. Уменьшение проявлений преступного насилия имеет определяющее значение для построения парадигмы безопасности человека: мир дома, мир в семье, мир в обществе и государстве.

Борьба с преступными посягательствами по-прежнему должна рассматриваться в качестве одной из первоочередных общегосударственных задач. От ее решения в значительной степени зависят возможности выхода общества на качественно новый уровень развития, построения подлинно демократического и правового государства. Это неразрывно связано как с признанием высшей социальной ценностью личных прав и свобод человека, так и с надлежащей защитой принадлежащего гражданам имущества.

Современная правовая система продолжает ориентацию на укрепление законности, борьбу и предупреждение преступности. Однако, неуклонный рост преступности в XXI веке (статистические данные свидетельствуют, что преступность на 1 января 2006 г. составила 5 % — это 325 миллионов человек, в то время, как рождаемость составила всего 1,5 % — это около 100 миллионов), соответственно, усложнение задач борьбы с различными

видами преступности, активизация развития отраслей в криминологии и другие факторы требуют критического переосмысления используемых методов исследования правовых явлений.

За 2007 год в республике, согласно официальным статданным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры, зарегистрировано 128 064 преступления, что на 9,3 % меньше аналогичного показателя 2006 года (141 271). Кроме того, поставлено на учет 9572 преступления, по которым отказано в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в 2006 г. — 12 491).

По официальной статистике, за четыре года (2004—2007 гг.) на территории Казахстана зарегистрировано 153 178 преступлений в отношении женщин. Из этого числа преступлений:

- *убийство и покушение на убийство — 1 851 случай;*
- *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 1 418 случаев;*
- *причинение вреда здоровью средней тяжести — 2352 случая;*
- *истязание — 172 случая.* [2 «а», с. 22].

Уровень преступности на десять тысяч населения по сравнению с 2006 годом уменьшился и составил 83 преступления (92). Анализ, проведенный специалистами комитета Генпрокуратуры, свидетельствует об уменьшении преступлений, *совершенных в отношении женщин, с 40 394 до 35 034*, и в отношении несовершеннолетних — с 6488 до 6274. Из общего числа зарегистрированных доля тяжких и особо тяжких преступлений составляет 22,7 %. Наибольший индекс преступности имеет место в Восточно-Казахстанской (132 %), Павлодарской (130 %), Костанайской (109 %) областях и Алматы (117 %).

Цифры 2006 года свидетельствуют о повышении числа преступников (84 989 чел.) в сравнении с данными 2003—2005 гг. (80 932 чел., 73925 чел., 80 210 чел.). [3. с. 9].

За истекший период количество зарегистрированных умышленных убийств снизилось на 4,7 %, при этом практически каждое четвертое убийство совершено в семейно-бытовой сфере. Раскрываемость общеуголовных преступлений составила 63,4 % против 61 %. Ухудшился процент раскрытых преступлений в Атырауской, Южно-Казахстанской областях, Западном и Центральном транспортных регионах.

Приостановлены производством уголовные дела о 1 056 преступлениях.

Разыскивались органами следствия, дознания и суда в 2007 г. 8364 лица после избрания меры пресечения, в том числе 2 972, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Ввиду действия непреодолимой силы приостановлены дела о 25 преступлениях, из которых 6 — в Алматы, пять — в военном управлении, 4 — в Восточно-Казахстанской области, по 3 — в Акмолинской и Карагандинской областях и по 1 — в Астане, Жамбылской, Актыубинской и Западно-Казахстанской областях.

Снизилось общее количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и наркотического возбуждения, — на 8,7 %; на 15,8 % — количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления; на 7,4 % — совершенных несовершеннолетними; на 5,5 % — совершенных в группе. Обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, 73,3 % составляют безработные.

В общественных местах совершается каждое седьмое преступление, а на улицах, площадях, в парках, скверах — каждое десятое [4. с. 1].

В связи с этим обоснованное возмущение со стороны населения вызывают факты совершения корыстно-насильственных посягательств, при которых преступники наряду с незаконным завладением чужим имуществом или правами на него, причиняют вред здоровью потерпевших, вплоть до лишения их жизни.

Корыстно-насильственная преступность (грабеж, разбойные нападения, вымогательство), как прежде, занимает влиятельное место в ряду преступных посягательств, совершаемых на территории страны.

Так, в 2005 г. в Казахстане было зарегистрировано 146347 преступлений, из них:

- грабежи — 13 062 факта (8,9 %);
- разбой — 2 999 фактов (2,04 %);
- вымогательство — 1 045 фактов (0,7 %).

В свою очередь, в 2006 г. было зарегистрировано — 141 271 преступление, из них 2 473 разбоя (1,8 %), 12 602 грабежа (9 %), 1 034 вымогательства (0,8 %) [5. С. 16—17].

Приведенные статистические сведения являются отражением не только обострения криминогенной обстановки, но и острой

необходимости в научных разработках, использование которых позволит снизить уровень криминализации и виктимизации общества, удовлетворить потребности практики в рекомендациях по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Первоочередное внимание при этом, очевидно, должно быть уделено изучению проблем защиты от преступлений тех категорий населения, которые не всегда могут самостоятельно противостоять преступным посягательствам, достойно защитить свои законные права и имущественные интересы. Такой подход требует обратить особое внимание на случаи, когда жертвами корыстно-насильственных преступлений становятся женщины.

Углубленное изучение вопросов предупреждения данной категории преступлений с виктимологических позиций представляется достаточно перспективным, позволяя лучше понять природу корыстного насилия и выявить ранее неизвестные закономерности виктимного поведения женщин.

В связи с этим следует отметить, что Казахстан все еще относится к числу стран, где сведения о жертвах преступлений не представляются в единой форме, а именно, официальная статистика располагает лишь отрывочными и порой несопоставимыми друг с другом сведениями о потерпевших. Отсутствие качественных методик, позволяющих одновременно учитывать как сами факты, так и последствия совершения корыстно-насильственных посягательств при одновременном учете тендерных особенностей потерпевших, закономерно создало дефицит отечественных научных работ, где бы давалась полная картина состояния корыстно-насильственной преступности, за исключением некоторых работ (д.ю.н., профессор Е. О. Алауханов, к.ю.н. Муканов Р. Ж., к.ю.н. Н. З. Султанова, к.ю.н. С. Сапаралиева). В свою очередь, право первого комплексного исследователя в области корыстно-насильственной преступности принадлежит д.ю.н., профессору Е. О. Алауханову, выпустившему в 2005 г. монографию на тему «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений» (г. Санкт-Петербург) [6. с. 272].

Социальная значимость проблемы корыстно-насильственной преступности в отношении женщин, с одной стороны, и ее недостаточная разработанность с учетом современных требований, с другой, обусловили актуальность избранной темы, выбор объекта и предмета изучения, формулирование целей и постановку задач исследования, его теоретическую и практическую значимость.

В процессе написания учебного пособия были изучены и получили должную оценку труды таких советских и российских ученых, как Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, Ю. Д. Блувштейна, В. В. Векленко, Б. В. Волженкина, И. М. Гальперина, К. К. Горяинова, П. С. Дагеля, А. И. Долговой, З. С. Зарипова, К. Е. Игошева, И. И. Карпеца, В. Е. Квашиса, М. И. Ковалева, И. Я. Козаченко, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, С. Я. Лебедева, С. В. Максимова, Г. М. Миньковского, Э. Ф. Побегайло, В. П. Ревина, А. Б. Сахарова, О. В. Старкова, Д. А. Шестакова и др.

Помимо России в странах ближнего зарубежья (в частности, Узбекистан) данной темой исследований конкретно занимался и является основоположником узбекской школы проблем изучения корыстно-насильственной преступности д.ю.н., профессор Ю. М. Каракетов, новатором в области криминологических исследований выступает З. С. Зарипов, а также профессора К. Р. Абдрасулова, И. Исмаилов, М. Ю. Рустамбаев и др.

В свою очередь, кыргызский научный мир в области борьбы с преступным насилием представлен трудами таких ученых, как д.ю.н., профессора Б. Г. Тугельбаевой и д.ю.н, профессора Сыдыковой Л. Ч.

В Казахстане вопросы борьбы с преступностью были затронуты в работах Н. М. Абдирова, А. Н. Агыбаева, Т. К. Айтмуханбетова, Е. О. Алауханова, К. А. Бегалиева, Г. И. Баймурзина, И. Ш. Борчашвили, К. Ж. Балтабаева, У. С. Джекебаева, Н. О. Дулатбекова, А. Ш. Ещанова, Б. Ж. Жунусова, С. М. Иманбаева, Е. И. Каиржанова, М. С. Кемали, Р. Ж. Муканова, Г. С. Мауленова, А. Х. Миндагулова, С. С. Молдабаева, М. С. Нарикбаева, Б. М. Нургалиева, Е. А. Онгарбаева, Г. Ф. Поленова, И. И. Рогова, С. М. Рахметова, Г. Р. Рустемовой, А. А. Смагулова, Н. Н. Турецкого, Г. Д. Тленчиевой, К. Ш. Уканова и др.

Анализ степени разработанности корыстно-насильственной преступности позволил сделать следующие выводы:

- несмотря на количественный рост публикаций, до сих в отечественной криминологии существует большой дефицит комплексных работ, посвященных борьбе с корыстно-насильственными преступлениями;
- многие сформулированные положения в проведенных исследованиях являются дискуссионными, другие требуют дальнейшей разработки и теоретического обоснования в связи с рядом изменений отечественного законодательства.

РАЗДЕЛ 1.

Научные аспекты исследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

1.1. Социально-правовая природа корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

Познание природы правовых явлений помимо установления круга отношений, которые при этом подвергаются законодательному регулированию, требует также определения содержания и выявления юридических форм существования этих явлений как необходимой основы для раскрытия их сущности. Избрав в качестве объекта исследования корыстно-насильственные преступления, необходимо, прежде всего, очертить круг относящихся к ним деяний, основу каждого из которых составляет, во-первых, корысть, во-вторых, насилие.

Решение данной двуединой задачи, очевидно, значительно облегчалось, если бы, например, законодатель определил, какие посяательства следует считать корыстно-насильственными, или хотя бы то, что следует рассматривать в качестве корысти и насилия. Однако, содержание этих понятий ни в отечественном, ни в российском и зарубежном законодательстве не раскрывается.

Обратившись к толковым словарям, можно установить, что «корысть — это выгода, материальная польза», «корыстный — основанный на корысти или корыстолюбивый (чел.)» [7. с. 242, 314], а «насилие — это применение физической силы к кому-нибудь, принудительное воздействие на кого-нибудь или что-нибудь, притеснение, беззаконие, применение физической силы, действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное» [8. с. 7]. Такое весьма общее представление о том и другом, равно как и более тщательное исследование этимологии интересую-

щих нас терминов для исследования правовых аспектов проблемы корыстно-насильственного поведения, вряд ли будет достаточным.

Возможно, это обстоятельство стало решающим для высказывания мнения о том, что существование понятия «корыстно-насильственное преступление» вызывает большие сомнения.

Неизбежное в такой ситуации обращение к мнению ученых, в разное время специально изучавших соответствующие вопросы, позволяет выделить два основных подхода к феноменизации корыстно-насильственных посягательств:

1) первый заключается в выделении соответствующей группы деяний на основе анализа содержания правовых норм, то есть позиции законодателя в случаях, когда он использует соответствующие понятия в качестве нормоконструирующих элементов, например, в диспозициях уголовно-правовых норм;

2) второй подход основан на изначальном выявлении общественного (социального) и личностного (психологического) содержания корысти и насилия с последующим анализом имеющихся юридических конструкций, позволяющих относить те или иные деяния к корыстно-насильственным.

Если рассматривать корысть на индивидуальном уровне, она предстает как мотив или цель различных видов поведения, в том числе правомерного. Здесь вполне можно согласиться с С. Н. Абельцевым, для которого понятие «корысть» выглядит в двух аспектах — в узком и широком значениях. В широком понимании корыстные побуждения могут быть направлены на получение и общественно полезного результата. Корысть в узком понимании — это страсть к приобретению, наживе, добыче, стремление к извлечению материальной выгоды в самом широком смысле слова [9. с. 27].

Столь же обоснованны мнения специалистов, считающих, что «корысть как мотив совершения преступления означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-либо материальную выгоду, пользу» [10. с. 45], а как цель — отражает то, что посягательства направлены на приобретение чужих благ, имеющих материальную или имущественную окраску [11. с. 23]. С этой стороны *корысть* — это одна из важных составляющих субъективной стороны широкого круга преступлений, которая непосредственно связана с признанием того или иного деяния преступным по

правовой природе и корыстным по своей направленности. Однако требование о наличии у субъекта корыстного мотива нельзя понимать в том смысле, что для оконченного состава преступления с корыстной направленностью обязательно фактическое извлечение материальной (имущественной) выгоды.

На социальном уровне корыстные посягательства проявляют свою специфику в характере общественных отношений, в сферу которых они вторгаются. С позиций современной теории уголовного права речь должна идти о выявлении своеобразия объекта этих посягательств, что традиционно считается одной из самых обсуждаемых и дискуссионных проблем среди специалистов [12. с. 198], при этом Я. М. Брайнин объектом преступления считал то, на что посягает преступление [13. с. 169]. А. Н. Трайнин — то, чему причиняется или имеется попытка причинить ущерб [14. с. 120].

Наиболее оптимальной представляется мнение тех, кто объектом преступления признает то, на что посягает преступник и чему причиняется неустранимый или трудноустранимый ущерб либо имеется реальная угроза причинения такого ущерба. Ее разделяют большинство современных специалистов в области теории уголовного права.

Применительно к корыстным преступлениям устоявшейся является позиция ученых, которые считают объектом таковых собственность. Такие представления о корысти вполне согласуются с позицией современного законодателя, который относит основную массу посягательств, совершаемых с корыстной целью к хищениям [15. с. 45].

Собственность как совокупность отношений, обеспечивающих порядок обращения имущества (предметов, имеющих стоимостное выражение), является формой выражения неприкосновенности этого имущества, пределы которой очерчиваются, с одной стороны, соответствующими правами собственника, с другой стороны, определенными обязанностями тех, кто не является правообладателем имущества. Поэтому посягательства корыстной направленности по своей социально-правовой сути есть ярчайшее проявление нарушения неприкосновенности имущества.

Исследования в области человеческих отношений показывают, что насилие как социальное явление существовало всегда, во всех цивилизациях и общественно-экономических формациях,

менялись лишь объем и качественные свойства насилия, определяемые социальными процессами каждого конкретного исторического этапа развития общества. При этом, несмотря на то что проблема насилия как жизненно важного и неотъемлемого элемента общественного бытия постоянно подвергалась изучению многими науками, в частности, философией, медициной, психологией, социологией и др., само понятие «насилие» до настоящего времени также остается многозначным и дискуссионным, корни которого уходят в далекое прошлое [16. с. 9].

Содержание насилия до сих пор четко не определено законодателем, а в научной литературе на этот счет высказано множество суждений.

Вот лишь некоторые из определений насилия, в разное время предлагавшиеся специалистами:

- посягательства на телесную неприкосновенность, кои не оставляют за собой никаких постоянных видоизменений в организме потерпевшего, причиняют мимолетную боль или даже простое неприятное физическое ощущение [17. с. 47];
- все виды физического воздействия на другое лицо;
- общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли [18. с. 3];
- общественно опасное противоправное воздействие на организм и психику человека против и помимо его воли [19. с. 11];
- противоправное, умышленное, физическое и (или) психическое воздействие, направленное на другого человека против или помимо его сознания и воли, причинившее ему существенный вред либо создавшее опасность причинения такого вреда;
- внешнее со стороны других лиц умышленное и противоправное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий [20. с. 29];
- непосредственное физическое воздействие на личность, нарушающее ее телесную неприкосновенность и угрозы причинения вреда личности, содержание которого зависит от вида преступного посягательства;
- преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки (против или помимо) его воли путем энергетического (физического) или

информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека [21. с. 17];

- совершенное вопреки необходимого волеизъявления общественно опасное, противоправное, умышленное воздействие на физическую и (или) психическую сферу другого человека, в результате которого нарушаются права и свободы личности [22. с. 45];

- осознанное целенаправленное вредоносное воздействие на человека без необходимого согласия [23. с. 11].

Последнее из приведенных мнений, вобравшее в себя все основные признаки насилия, на которые указывают специалисты, представляется наиболее точно отражающим содержание и природу насилия. Вместе с тем, нельзя не указать на некоторые моменты, которые позволяют более четко очертить круг тех деяний, которые относятся к насилию.

Во-первых, им можно считать лишь действия, которые совершаются в отношении живых людей (не являются насильственными любого рода действия в отношении умерших людей).

Во-вторых, нельзя считать насильственными действия, совершенные не людьми, а также людьми, находившимися в бессознательном состоянии либо действовавшими без соответствующей цели.

В-третьих, в некоторых случаях насилием может считаться воздействие, которое оказывается с согласия того, кто его претерпевает (например, при наличии прямого запрета на такое воздействие законодателем).

В-четвертых, причинение фиксируемого вреда здоровью владельца имущества не является обязательным для признания конкретного акта поведения в качестве насилия.

Соответственно, сущность насилия заключается в посягательстве на личную неприкосновенность (человека), которая с традиционных юридических позиций предметно выступает как охраняемая (государством, близкими людьми, человеком) чья-либо жизнь, здоровье, психическое состояние, свобода и пр.

Такое понимание насилия вполне согласуется с требованиями современного законодательства, которое относит к насильственным широкий круг деяний, направленных на причинение человеку смерти, а также различного вреда здоровью. Как и в случае с собственностью, личная неприкосновенность включа-

ет, с одной стороны, соответствующие личные права конкретного человека, с другой стороны, определенные обязанности по недопущению вредоносного воздействия на этого человека (конкретных людей). Поэтому в большинстве случаев насилие — это еще и противоправное действие.

Насилие в отношении женщин усугубляется социальным давлением, главным образом:

- чувством стыда, не позволяющим женщинам сообщать об определенных актах, которые совершаются по отношению к ним;
- недостаточным доступом женщин к юридической помощи или защите;
- слабыми усилиями со стороны государственных органов и общественных организаций по распространению информации о существующих правовых нормах и обеспечению их соблюдения;
- малочисленностью просветительских и других мер по устранению причин и последствий насилия.

Все вышесказанное привносит в жизнь женщин чувства страха и отсутствия безопасности и является препятствием для реализации их стремления к достижению равноправия [24. с. 60].

Страх перед насилием служит постоянным барьером мобильности женщин и ограничивает их доступ к ресурсам и основным видам деятельности. Насилие в отношении женщин связано с высокими издержками в социально-экономической сфере и в здравоохранении как для каждого члена общества, так и для всего общества в целом и является одним из ключевых социальных механизмов, при помощи которых женщины вынуждают занимать подчиненное положение в иерархии общественных отношений.

На основании вышеизложенного **корыстно-насильственные посягательства** можно определить как **одновременное нарушение неприкосновенности чужого имущества и личной неприкосновенности правомерного обладателя данного имущества, то есть действия, которые нацелены на завладение чужим имуществом, сопряженные с вредоносным воздействием на обладателя этого имущества без необходимого согласия.**

При этом субъективно для того, кто совершает такого рода посягательство, корысть выступает в качестве цели, а насилие — средством для достижения данной цели (прим. авт. — с психологических позиций насилие как средство является «вторичной» целью рассматриваемого вида поведения).

Такое единство в форме сопряжения действий, одновременно направленных на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причиняющее материальный и личный ущерб владельцу этого имущества, составляет основу всех и каждого из корыстно-насильственных посягательств, обуславливая их общественную опасность и признание преступлениями [25. с. 67].

Таким образом, все корыстно-насильственные посягательства объединяет то, что их основным объектом выступает неприкосновенность чужого имущества (в форме собственности), а личная неприкосновенность (жизнь, здоровье, личная свобода) играет роль дополнительного объекта. Соответственно, если вести речь о насильственно-корыстных посягательствах, то статусные функции перечисленных объектов следует поменять местами (примером может служить убийство из корыстных побуждений).

Многие исследователи пытаются выявить реальные формы проявления корыстного насилия посредством обращения к законодательству, ища различия в формулировании тех или иных составов, даже в их наименованиях. Если использовать такой подход, то можно заметить, что на «бытовом» и даже на законодательном уровне корыстно-насильственные посягательства получали разные названия: бандитизм, грабеж, разбой, вымогательство, нападение, татьба и пр. [26. с. 611] Столь же разнообразны были и оценки данных деяний.

По В. И. Далю грабеж — это «грабить... отымать силою, ... отбирать разбоем, явно, не воровством...». Грабитель — «обирающий людей силою, разбойник, хищник». Грабеж — насилие, действие грабителя, хищничество...», «разбой — набег и разгром вольничею...» [27. с. 229—231].

Обращаясь к историческим источникам, отметим, что институты социальной и правовой защиты женщин (девушек) от преступных посягательств складывались на всем процессе развития человеческой цивилизации.

В древних первобытных обществах не было иного разделения труда, кроме разделения по полу и возрасту. На мужчинах лежали обязанности, связанные с применением физической силы — это охота и защита от врагов, то есть проникновение во внешний, опасный мир. Женщина занималась более «легкой» работой — собирательством и приготовлением пищи, осуществ-

ляла уход за детьми, что требовало постоянного ее нахождения в доме [28. с. 29—34].

Исторически это разделение закрепились в том, что осуществляемые вне дома функции стали мужской прерогативой, и личность мужчины реализовывалась, как правило, в общественном «служении». Домашняя же работа была отнесена к компетенции женщины, и ее личность формировалась в узких рамках семейных обязанностей. В результате этого женщина воспринималась всеми культурами не как самостоятельная личность, а как «вторичное» социальное существо в контексте семейных отношений, всегда зависимое от мужчины, в частности, от отца, мужа, опекуна. Поэтому насилие в отношении женщин, в том числе и его преступные формы, имело свою опору и развивалось главным образом в институтах брака, и моральное право мужчины контролировать и наказывать свою жену и детей, применяя физическую силу, просуществовало почти до XX века.

В обычном праве казахов не существовало особого юридического понятия имущественных преступлений. Почти все виды преступлений против имущественных отношений обозначались одним названием «*ұрлық*» (воровство). Слово «*ұры*» у казахов обозначает «вор». Разбой (*шабу*) и грабеж (*тонау*), хотя фактически и были известны в казахском обществе, но эти термины не имели современного значения. Так, например, под разбоем подразумевалось всякое вооруженное нападение на аулы, насильственный захват имущества, угон скота и увод людей в плен.

Согласно нормам «Жеты-жаргы» Тауке-хана и по позднейшим нормам обычного права за воровство, сопровождаемое с насилием, убийством, наказывали как за воровство и насилие, за воровство и убийство. «*Кто сделал и воровство, и убийство вместе, тот и платит за два преступления*» [29. с.45].

На основании подобных норм обеспечивалась наказуемость **разбоя** в обычном праве казахов. Поэтому при освещении норм уголовного обычного права, предусматривавших преступления против имущественных отношений, по словам Т. Культелеева, разбой не выделяется как отдельный вид преступления [30. с. 46].

Понятие «**грабежа**» (тонау) в обычном праве казахов также строго не различалось от понятия разбоя и кражи. Н. И. Гродеков писал, что «...у киргизов нет особых слов для выражения понятий воровства и грабежа. **Ұрлық** — воровство или грабеж, **ұры**

— вор, разбойник, и вообще преступник, *ұрыламақ* — красть, *тартыб алмақ* — отнимать, грабить» [31. с. 12].

В свою очередь, на Древней Руси князья считали вполне нормальным собирать дань с народов и княжеств, которые были слабее в военном отношении и не могли оказать должного сопротивления набегам сопредельных народов, а открытое изъятие имущества иногда даже считалось проявлением своеобразной отваги и мужества и не всегда влекло за собой уголовное наказание, считаясь лишь «гражданской неправдой».

Первые примеры достаточно отчетливого законодательного регулирования вопросов, связанных с корыстно-насильственными посягательствами, мы можем найти в «Русском законе» [31. с. 15].

По договорам Олега и Игоря признавались преступлениями явное отнятие вещи (грабеж), дружинное похищение (разбой). При этом по русскому уголовному праву грабеж не выделяется из имущественных преступлений и именуется «татьбой» [32. с. 310].

В «Русской Правде» (IX—XII вв.), считающейся основным древнерусским источником права, упоминается о разбое, который, по оценкам специалистов, на данном историческом этапе практически неотличим от грабежа [32. с. 321].

«Царский Судебник» (1550) к «лихим» преступлениям относил разбой и грабеж. В соответствии с «Псковской Судной грамотой» (1467 г.) предусматривалась ответственность за разбой, который включал в себя посягательство на личность, и грабеж, предполагающий открытое насильственное изъятие имущества [32. с. 72].

По «Всекаяжескому» Судебнику (1497) в качестве имущественных преступлений выделяются татьба и разбой. Согласно Уставной Онежской грамоте (1526) и Губной Соль-Галицкой грамоте (1540) разбойником считался заведомо лихой человек. Царский Судебник (1550) к категории «лихих» преступлений относил разбой, грабеж, а также отдельные виды татьб (повторную, церковную и головную). Грабеж при этом причислялся к разряду менее тяжких преступлений [33. с. 22].

Существенное значение для регулирования отношений, возникающих при совершении корыстно-насильственных деяний, имели первые кодифицированные уголовно-правовые акты, принятые в XVIII веке.

В XVIII веке в период ханского управления даже барымта и прочие самоуправные действия назывались «разбоем» — «жау шапты» (враги напали или враги захватили). По известным нам отрывочным положениям «Жеты-жаргы» Тауке-хана кража и грабеж влекли за собой одинаковые наказания.

В соответствии с Артикулом Воинским Петра I (1715), содержащим главу «О зажигании, грабительстве и воровстве», кража и грабеж относились к категории имущественных преступлений. Грабеж понимался как вымогательство и самовольный захват имущества. При этом выделялись два вида грабежа: совершенный с оружием, наказуемый, как разбой, и без оружия. Воровством в соответствии с Императорским Указом «О суде и наказании за воровство разных родов» (1781) признавались грабеж, кража и мошенничество. При этом совершившим грабеж признавался тот, кто «на сухом пути или на воде на кого нападет или остановит, страдая действием, как-то: орудием или рукою, или иным чем, или словом, или кого уронит и нахально ограбит, или что отнимет, или дать себе принудит, или воспользуется страхом от пожара, или от потопа, или от иного случая, или темнотою кого ограбит, или отнимет у кого деньги, или сымет с кого платье, или с повозок, или с корабля пожитки, или товары или иное движимое имение» [34. с. 323].

Обычное право казахов знало понятия дозволенного и недозволенного хищений.

Так, например, в Ереже Чарского съезда биев 1885 г., к дозволенным хищениям относилась *барымта*, воровство имущества деда или дяди внуками и племянниками, имущества отца сыном и т.д., за совершение которых — не наказуются и имущество не возвращается.

Несмотря на суровое отношение казахского народа к воровству и жестокие нормы обычного права, предусматривавшие ответственность за него, оно являлось довольно распространенным явлением.

Предметом воровства в казахском обществе в большинстве случаев являлся скот. Кража других предметов было редким явлением. Скотокрадство в основном совершалось профессиональными ворами — конокрадами, зачастую находившимися под покровительством господствующего класса. Казахские байы с целью мести, междоусобной вражды или из других корыстных соображений сами нередко организовывали скотокрадство, особенно конокрадство.

По нормам обычного права казахов, действовавшим в 30-х годах XIX века, строгость наказания за воровство различалась в зависимости от характера предмета и цены украденного, повторности и от того, совершено оно одним человеком или группой лиц.

Так, согласно нормам «Жеті-жарғы», за хищение скота назначался «*аип*» в размере трех тогузов, а за хищение других предметов «*аип*» взыскивался до трехкратного размера действительной стоимости украденного предмета.

В обычном праве казахов установление ответственности за грабеж мы находим в «Сборнике казахского адата» (1824). Именно в них присутствовали некоторые разграничения понятия грабежа от понятия кражи. По нормам обычного права *под грабежом* подразумевался всякий насильственный захват чужого имущества, не подпадающий под понятия «*барымты*», а также организованные вооруженные нападения на аул и т.п. В свою очередь, кража и грабеж влекли за собой одинаковые наказания.

Кража же, прежде всего, получила свою характеристику и законодательное закрепление через понятие «воровство», которое не различалось и от гражданского правонарушения. В законодательстве царского правительства и в некоторой дореволюционной буржуазной литературе существовало утверждение, что якобы казахи не различали воровство от гражданских правонарушений. По этим соображениям царское правительство «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г., «Положением по управлению оренбургскими киргизами» 1844 г., «Временными положениями» 1867—1868 гг. и некоторыми другими законодательными актами относили к «исковым» все дела, связанные с воровством, совершаемым среди казахского населения.

Взгляды царского правительства на воровство, имевшее место среди казахов, составляли часть его общих взглядов на казахский народ, якобы находившийся на крайне низком уровне общественного развития. Эти взгляды нашли свое отражение в работах некоторых авторов, преимущественно у царских чиновников.

Так, например, А. Р. Витевский, П. О. Рычков и другие без разбора голословно заявили о том, что у казахов воровство и разбой «не считается за порок», что казахи воровство рассматривают как «удальство» и «подвиг» [35. с. 54].

Вместе с тем, казахский народ с суровой беспощадностью карал воров.

В. И. Даль приводит один достоверно известный ему пример, относящийся к I половине XIX века. «В одном ауле киргиза соседнего рода,— писал В. И. Даль,— который подполз высматривать и выжидать удобного для воровства, часа, избивши его нагайками в один биток, посадили связанного по рукам и ногам, позднюю осенью, в мороз по шею в воду. Его вытащили из воды только на другое утро, когда находившийся там случайно с отрядом офицер наш приказал вынуть труп мученика. Но он, к всеобщему удивлению, был еще жив, тело его побагровело и посинело...» [36. с. 54].

Обычно под грабежом понималось ограбление одного или двух людей, находившихся в пути следования. «Так, под словом грабеж,— говорится в сборнике казахского адата, опубликованном во II половине XIX века Л. Баллюэком,— киргизы разумеют те эпизоды хищнической жизни, когда хищничество ограничивается ограблением одного или двух путников, пробирающихся из одних аулов в другие, и называется тонау, т.е. отобрание платья и лошади под путником». Под понятие грабежа также подходили отдельные случаи, когда виновный, ворвавшись в чужой дом, насильственно захватывал имущество собственника.

Отличительной чертой грабежа являлось применение насилия. Но если насильственный захват имущества сопровождался нанесением ран, то наказание назначалось за два преступления, т.е. за грабеж и нанесение ран. По нормам обычного права, действовавшим в первой половине XIX века, грабеж влек меньшее наказание по сравнению с кражей.

Так, в «Сборнике казахского адата» 1824 г. говорится, «...кто на пути кого ограбит вооруженною рукою, то ограбленное возвращается сполна и сверх того платит в штраф лошадьми халат» [37. с. 61].

Не только обычное право казахов, но и древние юридические памятники некоторых других народов ответственность за грабеж устанавливали слабее, чем за кражу. Исследователи истории права различных народов объясняют это положение тем, что на более ранних этапах развития классового общества, когда государственный аппарат был недостаточно развит, «каждый полагался на свои личные силы, тайный вор возбуждал гораздо большее отвращение и более казался опасным, чем тот, кто от-

крыто шел к своей цели». Возможно, на ранних этапах развития классового общества такого рода взгляды имели место у отдельных народов, и эти взгляды являлись причинами меньшей наказуемости грабежа по сравнению с кражей.

Т. Култылеев писал, что в этом вопросе исследователи истории права не учитывают еще одну важную особенность грабежа как уголовно-наказуемого деяния. В условиях патриархально-феодальных отношений у различных народов грабеж обычно совершался большими группами людей и сопровождался набегами на соседние племена или на другие общины с захватом в крупных размерах чужого имущества, угоном скота, насилием над личностью и т.д. Зачастую грабеж носил характер межродовой распри и феодальных войн. У казахов, киргизов, туркмен и некоторых других народов Центральной Азии грабеж в прошлом переплетался с *«барымтой»*, т.е. с самовольным осуществлением потерпевшей стороны права мести над обидчиками» [38. с. 63].

Грабежом, как и барымтой, занимались те, кто располагал достаточной силой и средствами. Казахские феодалы, уверенные в безнаказанности своих действий, насильственно захватывали зимовки, скот и другое имущество у крестьян-середняков и бедняков. Такого рода ограбления не преследовались в уголовном порядке. Грабеж, совершенный большими группами людей на почве феодальной междоусобицы, также не преследовался в уголовном порядке, а решался превосходством сил враждующих сторон или на собраниях общин. В условиях патриархально-феодальных отношений почти каждый случай грабежа приводил к массовому преследованию виновного потерпевшей стороной, а поэтому совершение его в одиночку было редким явлением.

Составители «Сборника казахского адата» 1824 г., говоря о меньшей наказуемости грабежа по сравнению с кражей в нормах казахского обычного права, вероятно, имели в виду именно того рода грабеж, совершаемый отдельными лицами.

Таким образом, меньшую наказуемость грабежа по сравнению с кражей, на наш взгляд, надо объяснить не только воззрениями на грабеж как на сравнительно менее опасное преступление, но и его классовым и политическим характером при патриархально-феодальном строе у различных народов.

В связи с присоединением Казахстана к Российской империи и принятием Устава М. Сперанского (1822) дела, в которых разбирался грабеж, были изъяты из подсудности суда биев и

переданы общеимперским судам. При этом в законодательстве царского правительства различались понятия грабежа, совершаемого с насилием и без него. Грабеж, совершаемый без насилия, т.е. открытое похищение чужого имущества, подлежал разбирательству суда биев.

Под влиянием изменений, происшедших в области социально-экономических отношений в Казахстане, приведших, в частности, к ликвидации междоусобиц, и под воздействием уголовного законодательства царизма к началу II половины XIX века грабеж, совершаемый большими группами людей, стал редким явлением среди казахского населения. Со II половины XIX века грабеж стал проявляться, главным образом, в виде открытого похищения чужого имущества с применением или без применения насилия, совершаемого одним или несколькими лицами. Вместе с тем в обычном праве казахов стало четко различаться понятие грабежа от понятия кражи.

В «Сборнике казахского адата», опубликованном во II половине XIX века П. Маковецким, указывалось: «...насилие как составляющий отличительный признак грабежа. Выделяется у киргизов в самостоятельное преступление, влекущее за собой отдельное наказание. Некоторые различия имеются, впрочем, и в названиях: грабитель называется *«зорлауши»*, т.е. берущий силой, а похищающий вещь тайно *«ұры»*, т.е. вор» [39. с. 77].

Таким образом, отличительными признаками грабежа от кражи по нормам обычного права стали насилие и открытый характер похищения.

Наказуемость грабежа по нормам обычного права II половины XIX века была установлена не слабее, а иногда даже строже, чем за совершение кражи. В «Сборнике казахского адата», опубликованном во II половине XIX века Л. Баллюэком, говорится: «...в случае открытия (т.е. грабежа) наказывается верх возвращенного и отобраение из-под всех ограбивших хищников лошадей, равно оружия и платья с них, тогузами: из которых один идет в пользу ограбленного, один — в хандык и один — в бийлик, жасаул-ақы и дауче ге жип-кесер. Затем взыскивается вознаграждение или суюнча в пользу того, кто открыл хищника».

Обстоятельствами, увеличивающими строгость наказания за грабеж, являлись ночной грабеж вооруженным путем и у однородцев.

Наряду с хищениями имущественного характера, по обычному праву казахов, предусматривалась уголовная ответственность за похищение женщин.

Широкое распространение похищения женщин получило в условиях патриархально-феодалного строя. У различных народов похищение или увоз женщины для вступления с нею в брак рассматривалось как опасное действие, нарушающее установленный общественный правопорядок и семейные права феодалов. В уголовно-правовых памятниках различных народов, относящихся к эпохе феодализма, предусматривалась строгая ответственность за похищение или увоз женщины.

По обычному праву казахов похищение женщины влекло за собой строгое наказание, приравненное к наказанию за изнасилование женщины. Похищение как без согласия, так и с согласия женщины, но помимо воли ее родителей, мужа или опекуна, считалось одним из самых тяжких преступлений в области семейно-брачных отношений.

Уголовно-правовые нормы защищали не личную свободу женщины, а права ее родителей, мужа или опекуна. Это подтверждается тем, что увоз женщины для вступления в брак, даже с согласия ее, считался наказуемым действием. Любое несогласие рассматривается как против воли самой женщины, т.е. с применением насилия в отношении женщины.

Вместе с тем, не считалось преступлением похищение (увоз) вопреки воле женщины, но с согласия ее родителей, мужа или опекуна.

Такое положение являлось одним из ярких проявлений правовых взглядов господствующих классов общества на женщин, рассматривавших ее как вещь, собственность мужчины. Похищение женщины приравнивалось к изъятию у мужчины (отца или мужа) какой-то части его собственности.

Казахский ученый Т. Культелеев глубоко и всесторонне проанализировал исторические корни феномена похищения женщины, следствием неравенства женщины с мужчиной сложилось представление, согласно которому женщина не имела права распоряжаться по своему усмотрению своей физической и моральной свободой. А ее судьба решалась родителями, мужем, опекуном, которые по своему усмотрению могли разрешить или запретить женщине (девушке) выйти замуж за того или иного человека, либо отказаться от предложения. В конечном итоге

женщина была приравнена к вещи, имуществу и ее похищение расценивалось как причинение ущерба законной собственности ее родителей, мужа или опекуна [40. с. 79].

Другой известный казахский ученый А. М. Мамутов, исследуя исторические корни похищения женщины, подверг детализированному исследованию само понятие похищения, представив его возможные различные проявления. «Похищение — отмечал он, — понятие родовое, в нем имеются виды, которые между собой разнятся, и эти различные виды также возникли в древности» [41. с. 77].

А. М. Мамутов, укрепляя свою позицию ссылками на исследования Н. Изразцова, писал «...получившие огромные масштабы факты похищения женщин на Востоке коснулись и казахов» [42. с. 78].

Исследователь обычного права казахов Н. Изразцов отмечал: «...всякий насильственный увод считается за оскорбление всего рода, к которому принадлежат родители похищенной, и сопровождается набегами, барымтой, а иногда и резней, и так до тех пор, пока девушка не будет выручена и обида не отомстится» [43. с. 80].

Как видно, похищение в прошлом считалось посягательством не на свободу и достоинство женщины, как правильно заметил Н. Изразцов, а посягательством на достоинство родителей и обидой всему роду.

Ученые Н. С. Таганцев, С. Л. Фукс и другие, проводившие исторические исследования особенностей регламентации ответственности за похищение женщины в обычном уголовном праве казахов, обращают внимание на то обстоятельство, что похищение женщины приравнивалось к изнасилованию.

Так, профессор Фукс С. Л. в контексте вышеприведенных рассуждений писал: «...нет необходимости подробно останавливаться на том, что похищение, увоз девушки или замужней женщины в казахском праве почти ничем не отличается от изнасилования. Это, впрочем, вытекает из существа данного способа приобретения жен, к которому малосостоятельные люди прибегали довольно часто, не имея средств к уплате огромных сумм калыма» [44. с. 79].

«Нужно отметить, однако..., — писал С. Л. Фукс, — что в отличие от права франков, которое при похищении свободной женщины не видело вовсе разницы между похищением вопреки

воле женщины и с ее согласия, казахское право придавало факту согласия женщины очень большое значение, меняющее уголовно-правовые последствия похищения» [45. с. 79].

Так, по законам Тауке-хана в записи А. И. Левшина, «увезший чужую жену без ее согласия наказывался взысканием куна или смертью. При согласии же жены похититель мог даже удержать ее, заплатив мужу калым, т.е. возместив стоимость похищенного и в качестве штрафа «доставив ему сверх того девицу без калыма» [46. с. 84].

После присоединения Казахстана к России произошли «существенные изменения в уголовном праве Казахстана в XIX веке. Сфера действия уголовных норм казахского обычного права постепенно сужалась. Вместо них царизм вводил нормы уголовного права империи или специально установленные для колониальных народов уголовно-правовые нормы с повышенной против обычного права санкцией».

Данное обстоятельство подтверждается, например, А. И. Левшиным, который в своей научной работе «Описание киргиз-кайсацких орд и степей 1832 г.» пишет, что в законах, действовавших на территории Казахстана, был закреплен состав преступления, содержание которого гласит: «увезший чужую жену без ее согласия наказывается смертью или взысканием куна, а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель может удержать ее, заплатив мужу калым и доставив ему, сверх того, девицу без калыма» [47. с. 72].

Другой пример, в «Собрании киргизских законов и положений на оные Омского временного комитета 1842 г.» определен следующий состав преступления: «кто чужого человека украдет и продаст, то платит виновный обиженному полных полтора куна» [48. с. 77].

Другая норма о похищении содержится в ст. 1581, «за насильственное похищение женщины замужней» виновный подвергался наказанию по статье, предусматривающей покушение на изнасилование (ст. 1529 и ст. 1530 Уложения).

Понятие похищения женщины в Царском Уложении охватывает широкий круг деяний. Так, например, ст. 1582 предусматривает случай, «когда похищение замужней женщины было не насильственное, а учинено с ее согласия, то за сие похититель и похищенная, по жалобе мужа ее, подвергаются заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев...» [49. с. 37].

На данном этапе на территории Казахстана основными действующими уголовными законами стали императорские уголовные уложения 1885—1903 гг., но преступления, в том числе и похищение женщин, по-прежнему рассматривались и разрешались на основе обычного права.

Из этого следует, что обычное право, несмотря на действие уголовного уложения, не теряло свою актуальность.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) под разбоем понималось: «всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящемуся у него имущества, нападение, когда оное учинено открытою силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья, или свободы лица или лиц, подвергавшихся нападению» (ст. 2129) [50. с. 15].

Под грабежом в соответствии с отделением вторым главы третьей раздела XII Уложения понималось: «во-первых, всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что сии угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья, или свободы такого лица; во-вторых, всякое, хотя без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества, в присутствии самого хозяина или других людей» (ст. 2139).

Отдельная ответственность устанавливалась за грабеж «во время пожара, наводнения или при ином каком-либо несчастном случае...».

Таким образом, решения вопросов регламентации ответственности за похищение в Царских Уложениях и в нормах обычного права казахов ориентировались на строгий учет интересов обеих сторон — и царского правительства, и особенностей местных нравов и обычаев казахов.

Для оценки под историческим углом зрения процесса возникновения и последующего становления уголовного законодательства об ответственности за похищение человека приведенные исторические сведения в своей совокупности представляют особый повышенный интерес в силу того, что раскрывают механизм перехода норм обычного (адатного) права казахов в систематизированное уголовное законодательство.

В «Уголовном уложении» (1903) все корыстные имущественные посягательства его составители подразделяли на воровство, разбой, вымогательство и шантаж [51. с. 850]. При этом, например, под разбоем понималось «похищение чужого движимого имущества с целью присвоения посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ст. 589).

Очередной этап определения форм корыстно-насильственных посягательств был связан с развитием отечественного уголовного законодательства после Октябрьской революции (1917).

С первых дней Советской власти были отменены прежние уголовно-правовые акты, а на смену им принимались новые, но с ярко выраженным классовым характером и приоритетом охраны народной собственности. При этом первые советские Уголовные кодексы (1922 и 1926 гг.) унаследовали идею Уложения 1903 г. о разделении правовой охраны государственной и частной собственности, относя грабеж и разбой к «похищениям». Здесь грабеж определялся как открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или владеющего им, но без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего», а разбоем стало считаться открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем. Совершение разбойного нападения группой лиц рассматривалось как бандитизм. Бандитизм в уголовно-правовом значении определялся как занятие грабежом и разбоем.

Понятия разбоя, грабежа стали охватываться более общим понятием — «похищение», что предполагало, в первую очередь, противоправное изъятие чужого имущества. По УК РСФСР 1922 г. ответственность за преступления против собственности объединялись главой VI «Имущественные преступления».

Под разбоем по ст. 184 УК понималось «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем». Совершение разбоя группой лиц квалифицировалось как бандитизм вплоть до принятия УК РСФСР 1926 г.

Грабеж в соответствии со ст. 182 УК РСФСР определялся как «открытое похищение чужого имущества в присутствии лица,

обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над его личностью». Насильственный грабеж в УК 1922 г. («соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего») был выделен в качестве самостоятельного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 183 УК.

По УК РСФСР 1926 г. разбой определялся как «открытое с целью завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего» (ч. 1 ст. 167 УК).

В 1926 г. в соответствии с Конституцией СССР и основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик II сессией ВЦИК XII созыва был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. Он практически оставил без изменения понятия грабежа и разбоя, данные в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.

Доктрина уголовного законодательства того периода отнесла вымогательство «в общую группу — преступное приобретение чужого имущества» наряду с кражей, грабежом, разбоем, но в статус «примыкающего к насильственному похищению, как имеющего с ним одновременно общие (угрозы насилия над личностью) и различные (осуществление угрозы в будущем и специфика предмета посягательств) черты» [52. с. 254].

По постановлению Президиума Верховного Суда СССР «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» от 8 января 1942 года «...кражи, совершенные неоднократно, группой лиц или лицами, ранее судимыми за хищение или при иных отягчающих обстоятельствах или кражи личного имущества граждан во время воздушного налета врага, при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, эвакуированных граждан в пути или в прежнем месте жительства, квалифицировалось по аналогии по ст. 59-3 УК РСФСР (бандитизм) и по соответствующим статьям союзных республик» [53. с. 134].

Существенное значение для развития законодательства, направленного на борьбу с корыстно-насильственными посягательствами, сыграли Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 года и «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 года.

Применительно к посягательствам на государственную собственность по Указу «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» понятие «хищение» становится родовым понятием не только к тем случаям, когда способом противоправного завладения социалистическим имуществом является использование должностного положения, но и тайное, открытое, а также разбой [54. с. 207—210].

В Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июля 1947 г. было дано новое определение кражи: «... тайное или открытое похищение имущества граждан», в результате чего понятие грабежа утратило свое прежнее значение. Разбоем же стало считаться нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия. В качестве отягчающих квалифицирующих обстоятельств признавались насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, угрозой смертью или тяжким телесным повреждением, а равно совершение преступления шайкой или повторно.

Этим же Указом была установлена ответственность за разбой в отношении личного имущества (ст. 2) и недонесение о таком разбое (ст. 3), что впоследствии было подкреплено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г., в котором имеется прямое указание следующего содержания: «... по смыслу Указа от 4 июня 1947 г. умышленное обращение в свою собственность государственного или общественного имущества независимо от форм и способов его совершения, должно рассматриваться как хищение». Следует отметить, что судебное толкование понятия хищение, применяя термины «форма» и «способ», предусматривает именно умышленное обращение в свою собственность и ничего не говорит об изъятии имущества.

В 1959 г. был принят новый Уголовный кодекс Казахской ССР. В отличие от ранее действовавших уголовно-правовых актов, данный Кодекс не только выделил в качестве самостоятельных видов преступлений грабеж и разбой, но и разделил ответственность за корыстно-насильственные посягательства на социалистическую и личную собственность.

Таким образом, в УК Казахской ССР корыстно-насильственные преступления были представлены в виде ряда «раздвоенных» составов, которые предусматривали различную ответс-

твенность за посягательства в зависимости от принадлежности имущества к личной и иным видам собственности.

В настоящее время (по УК РК 1997 г.) к числу корыстно-насильственных посягательств можно бесспорно отнести:

1) грабеж — открытое хищение чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 178 УК РК);

2) разбой — нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 179 УК РК);

3) вымогательство — требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких (ст. 181 УК РК).

Сходными с вышеназванными по природе преступлениями являются хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 255 УК), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 260 УК РК), хищение либо вымогательство радиоактивных материалов (ст. 248 УК РК).

В нормативном постановлении № 6 Верховного суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 23 июня 2006 г. в п. 16 сказано, что «Уголовный кодекс предусматривает специальные составы вымогательства: вымогательство радиоактивных материалов (ст. 248 УК РК), оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 255 УК РК), наркотических или психотропных веществ (ст. 260 УК РК). При совершении этих видов вымогательства дополнительной квалификации по ст. 181 УК не требуется» [55. с. 3].

Анализ ст.ст. 178, 179, 181 УК РК позволяет представить объективную сторону корыстно-насильственных преступлений в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

**Сведения об объективных признаках
корыстно-насильственных посягательств, указанных
в диспозициях ст. ст. 178—179 и ст. 181 УК РК**

Объективные признаки корыстно-насильственных преступлений		Ст. 178 УК РК	Ст. 179 УК РК	Ст. 181 УК РК
1.	Открытость	+	+	+
2.	Нападение	—	+	—
3.	Требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера	—	—	+
4.	Изъятие (и удержание) чужого имущества	+	—	—
5.	Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья	+	—	+
6.	Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья	+	—	+
7.	Незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище	+	+	—
8.	Применение насилия, опасного для жизни или здоровья	—	+	+
9.	Угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья	—	+	+
10.	Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия	—	+	—
11.	Причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего	—	+	+
12.	Угроза применения насилия уничтожения или повреждения чужого имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких	—	—	+

Легко заметить, что единственным общим из сформулированных законодателем объективным признаком для составов рассматриваемых корыстно-насильственных посягательств является открытость действий виновного, то есть совершение хищения в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, либо когда лицо, совершающее преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет.

Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо, в т.ч. близкие родственники виновного приняли меры к пресечению хищения чужого имущества (например, требовали прекратить эти противоправные действия), то ответственность виновного за содеянное наступает за грабеж (ст. 178 УК РК).

Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако, виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия, как разбой (ст. 179 УК РК).

В связи со спецификой конструирования диспозиций ст.ст. 178—179 УК РК, соответственно говорящих о «нападении» и «требовании», которые должны осуществить виновные, высказаны различные мнения относительно подлинной природы данных посягательств, в частности, о возможности признания «первичности» насилия и «вторичности» корысти.

Что касается нападения, то применительно к бандитизму в качестве такового судам предложено рассматривать «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения».

Согласно другим рекомендациям Пленума Верховного Суда Республики Казахстан «в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное

должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием».

Нетрудно заметить, что в каждом из этих случаев и нападение, и насилие толкуются как средства для достижения корыстной цели, как явление, вторичное по отношению к достижению преступного результата.

Очевидно, в данном случае можно говорить либо о несовершенстве законодательной техники, либо о неудачном толковании понятия «нападение» применительно к рассматриваемым нормам уголовного законодательства.

Если отождествить нападение с насилием, то по справедливому замечанию В. В. Векленко, утрачивается смысл той части диспозиции ст. 162 УК (*прим. авт. — ст. 179 УК РК*), которая говорит о применении насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [56. с. 101]. Поэтому совершенно оправданным представляется высказанное в литературе мнение о том, что диспозиция ст. 179 УК РК должна быть изложена в редакции, исключающей термин «нападение».

В этом смысле столь же конструктивно неудачной представляется диспозиция ст. 181 УК РК, в которой определение вымогательства должно быть раскрыто через понятие «хищение». Это во многом снимет проблему квалификации различных корыстно-насильственных посягательств.

Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, тогда как при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем. В то же время следует иметь в виду, что если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, то при наличии реальной совокупности преступлений эти действия должны дополнительно квалифицироваться, в зависимости от характера примененного насилия, как грабеж или разбой.

Применительно к рассматриваемым составам (ст.ст. 178—179 УК), законодатель подразделяет насилие на два вида:

1. Насилие, опасное для жизни и здоровья.

К нему относится насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а так-

же причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. По ч. 1 ст. 179 УК РК следует квалифицировать нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья, или с угрозой непосредственного применения такого насилия.

Если в процессе нападения (ст. 179 УК РК) потерпевшему умышленно причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом разбоя и дополнительной квалификации по ст. 104 и ст. 105 УК РК не требует. В этих случаях содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 179 УК РК, если отсутствуют отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 этой статьи.

Если в ходе разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, что повлекло за собой наступление его смерти по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений — по п. «б» ч. 3 ст. 179 УК РК.

Если умысел виновного был направлен на совершение разбойного нападения или вымогательства и в процессе совершения этих преступлений при применении насилия виновный умышленно его лишил жизни, то содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений по п. «з» ч. 2 ст. 96 УК РК и соответствующей части ст. 179 УК РК или ст. 181 УК РК [57. с. 180—183].

2. Насилие, не опасное для жизни или здоровья.

В качестве его следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела:

- место и время совершения преступления;
- число преступников;
- характер предметов, которыми преступники угрожали потерпевшему;
- субъективная сторона восприятия угрозы;

- совершение каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствующих о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п.

Если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить (например, оставление связанного потерпевшего в холодном помещении, лишение его возможности обратиться за помощью).

Нетрудно заметить, что в вышеперечисленных случаях ни законодатель, ни правоприменитель не проводят разделения между насилием, которое опасно для жизни, и насилием, которое представляет опасность лишь для здоровья человека. Однако, о таком разделении, имеющем принципиально важное значение, речь идет, в частности, в ст. 32 УК РК, определяющей условия правомерности необходимой обороны.

Так, при защите от посягательства, которое было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, обороняющемуся предоставляются практически безграничные возможности причинения вреда посягающему. Определение того, какое насилие можно считать опасным для жизни, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме, так как от этого напрямую зависят возможности женщин — потенциальных жертв корыстно-насильственных посягательств, готовых самостоятельно защищать свое имущество, а также жизнь и здоровье, не прибегая к помощи посторонних.

В связи с этим вполне оправданным является деление насилия в зависимости от *его опасности для жизни потерпевшего (ей)* на три вида:

1) насилие, опасное для жизни (воздействие, которое направлено на причинение вреда здоровью, вызывающее состояние, угрожающее жизни, которое может закончиться смертью, в том числе телесные повреждения, а также заболевания и патологические состояния);

2) насилие, опасное для здоровья, но не представляющее опасности для жизни (воздействие, которое направлено на причинение такого вреда здоровью, которое само по себе не может привести к смерти);

3) насилие, не опасное для здоровья (воздействие, которое не направлено на причинение вреда здоровью).

Данная классификация насилия в перспективе вполне может быть использована в качестве основы для дифференциации ответственности лиц, совершающих корыстно-насильственные посягательства. Более того, можно было бы учитывать не только характер воздействия, но фактически наступившие последствия.

Таким образом, законодательная дифференциация ответственности виновных может быть осуществлена в зависимости не только от размера причиняемого имущественного вреда, но и характера опасности воздействия, оказываемого на потерпевшего.

Данный подход, на наш взгляд, вполне отвечал бы требованиям справедливости: лица, которые при совершении корыстно-насильственных преступлений применили насилие, опасное для жизни, должны нести большую ответственность по сравнению с теми, чье насильственное воздействие создавало опасность лишь для здоровья, либо не представляло опасности для здоровья.

Анализируя объективную сторону корыстно-насильственных посягательств, также нельзя не обратить внимание на то, что **законодатель «уравнивает» ответственность лиц, фактически применивших то или иное насилие, и тех, кто лишь угрожал им.** Такая позиция законодателя также представляется не совсем обоснованной. Ведь не несут равной ответственности те, кто совершает убийство (ст. 96 УК РК), и те, кто лишь угрожает таковым (ст. 112 УК РК).

Угроза при корыстно-насильственных преступлениях должна быть реальной, а также содержать в себе возможность или неизбежность немедленного применения соответствующего воздействия или в течение небольшого промежутка времени и, естественно, служит средством обеспечения хищения имущества потерпевшего либо иных лиц, а также его удержания.

Формой выражения угрозы может быть самой различной:

- устной;
- письменной;
- жестами;
- демонстрацией предметов и т.д.

При этом должны оцениваться в совокупности все обстоятельства дела:

- время совершения преступления;

- количество нападавших;
- их (его) физические данные;
- характер предметов, используемых преступником;
- содержание действий виновного, которые должны реально восприниматься жертвой как потенциально опасные для своей жизни и здоровья.

Иначе говоря, для признания угрозы в качестве нормообразующего элемента корыстно-насильственных посягательств она должна быть реальной, наличной и персонифицированной, на что справедливо указывало множество авторов, специально исследовавших проблему угроз в уголовном праве [36. с. 15].

Как уже отмечалось, объективная сторона корыстно-насильственных посягательств не исчерпывается лишь деянием, но и предполагает учет наступивших общественно опасных последствий. Реальная тяжесть последствий, т.е. ущерб, причиненного конкретным преступлением, представляется одним из важных факторов, обуславливающих общественную опасность преступления, меру возможного наказания за него. В этой части можно отметить, что законодатель дифференцирует ответственность виновных в зависимости от того, превышает ли стоимость похищаемого имущества 500 МРП (крупный размер). Такой подход вполне оправдан и должен, по-нашему мнению, сохраняться и в будущем.

Еще одним признаком объективной стороны рассматриваемых деяний является причинная связь между деянием и последствиями. Она выступает как необходимое условие уголовной ответственности в материальных составах преступлений.

Причинная связь — объективно существующая связь между действием и последствием, при котором первое с необходимостью порождает второе.

Существуют три критерия причинной связи, которые необходимо установить применительно к составам корыстно-насильственных посягательств.

Первый — критерий временной, т.е. действия с корыстной целью совершения должны по времени предшествовать причинению ущерба собственнику или иному законному владельцу имущества.

Второй — критерий возможности, что означает, что при определении наличия причинной связи следует установить, мог-

ли ли действия виновного повлечь причинение материального ущерба или по своему характеру причинить его не могли.

Третий — критерий неизбежности, который предполагает установление того факта, что именно конкретные действия виновного причинили ущерб собственнику или иному владельцу имущества.

Субъектом рассматриваемых преступлений является физическое лицо, совершившее данное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. Согласно ст. 15 УК РК возраст, с которого наступает уголовная ответственность за совершение грабежей, разбоев и вымогательств, установлен в 14 лет.

Каждое из рассматриваемых преступлений **является умышленным**, при совершении которого вина преступника выражается только в виде прямого умысла. Совершая их, виновные сознают общественно опасный характер своих целенаправленных действий, предвидят общественно опасные последствия этих действий в виде нанесения ущерба собственнику или иному лицу и желают наступления такого ущерба. В этом проявляется единство сознания и воли виновного, являющееся необходимым условием наличия субъективной стороны грабежа и разбоя.

Что касается **цели**, то соответствующие требования законодатель выразил в п. «в» ч. 3 ст. 179 УК РК, согласно которой повышенную уголовную ответственность должны нести лица, которые совершили разбой «с целью хищения имущества в крупном размере».

Аналогичный подход, как представляется, должен быть применен и при формулировании положений о размере причиняемого ущерба в меньшем или сходном размере, в том числе при совершении грабежа. Это позволит решить весьма важную практическую задачу, которая заключается в возможности выбора предмета доказывания при совершении корыстно-насильственных преступлений. Им может стать либо размер похищаемого имущества либо цель похищения имущества в том или ином размере.

Расширив, таким образом, возможности усиления уголовной ответственности за корыстно-насильственные преступления, можно создать предпосылки для общепреventивного воздействия уголовного закона.

Редакционно данное требование к цели совершаемых деяний должно быть выражено в единственном числе, а именно «с целью хищения имущества в крупном размере».

Установление *мотива* имеет важное значение для выявления причин и условий, способствующих его совершению, которые необходимо устранить. Сам мотив не относится к обязательным признакам субъективной стороны рассматриваемых преступлений.

Таким образом, те формы корыстно-насильственных посягательств, при которых действия виновных ограничиваются лишь угрозами насилием, а также насилием, не опасным для здоровья, можно было бы именовать «грабежом», а посягательства, сопряженные с насилием, опасным для жизни, в свою очередь, называть «разбоем».

Это, в свою очередь, будет в большей мере отвечать потребностям уголовно-правовой борьбы с данной категорией преступлений, в том числе, добиться большей ясности в понимании требований закона об условиях правомерной защиты от корыстно-насильственных посягательств.

Оценивая квалифицирующие обстоятельства, которые применительно к рассматриваемым составам играют роль отягчающих, следует заметить, что их наличие позволяет решить важнейшую теоретико-прикладную задачу — обеспечить на законодательном уровне дифференциацию уголовной ответственности виновных, учесть различную общественную опасность того или иного проявления корыстного насилия. Изучение роли, равно как и содержания этих обстоятельств, может составить предмет самостоятельного уголовно-правового и криминологического исследования.

Тем не менее, нельзя не заметить, что законодатель безразлично относится к тому, кто является жертвой корыстно-насильственного преступления, кому принадлежит имущество и кто непосредственно подвергается насилию. Поэтому выделение из общего числа корыстно-насильственных преступлений тех, где потерпевшим и жертвой выступает женщина, имеет не столько уголовно-правовую, сколько криминологическую значимость. Криминологической характеристике данных посягательств, совершаемых на территории нашей республики, посвящен следующий подраздел.

1.2. Криминологическая характеристика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

В юридической литературе для описания совокупности определенной группы преступлений употребляется понятие «криминологическая характеристика преступности». В общеупотребляемом смысле под характеристикой принято понимать описание главных свойств, признаков чего-либо.

Всякая характеристика должна отражать существенные свойства, особенности, природу исследуемого объекта в целом или какие-то определенные, присущие ему стороны и закономерности, которыми он отличается от других объектов [59. с. 765].

Каждая из характеристик содержит определенный набор элементов, т.е. определенную структуру. Так, в теории уголовного права основными элементами уголовно-правовой характеристики выступают объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Состав преступления представляет собой своеобразную информационную модель преступления определенного вида, которая образуется в результате обобщения признаков всех преступлений данной разновидности [60. с. 50]. Если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава, соответствует ему, то в действиях этого лица имеется состав преступления. «При расхождении хотя бы одного признака,— пишет В. Н. Кудрявцев,— основание для уголовной ответственности отсутствует».

Криминологическая характеристика — это «совокупность данных (достаточная информация) об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном особо опасном деянии, используемых для их предупреждения. Существенным моментом криминологической характеристики является всестороннее и полное понимание такого социального феномена, как преступность, что выступает необходимым условием его успешного контроля и залогом эффективной деятельности по профилактике преступности» [61. с. 75].

Как справедливо отмечает В. Э. Эминов, познание преступления, всех его признаков необходимо для разработки профилактических мер. Поэтому криминологическая характеристика является исходным этапом для оптимизации процесса разработки и реализации мер профилактики преступлений [62. с. 211—212].

В структуру криминологической характеристики преступлений В. Е. Эминов включает три группы признаков:

1) криминологически значимые признаки преступления (причины преступления, объект и механизм преступления, преступник, мотив и цель, виктимогенные факторы (потерпевший); последствия преступления);

2) данные, раскрывающие криминологическую ситуацию (данные, характеризующие криминологическую ситуацию совершения преступления, среду проявления преступного деяния, социально-экономические условия и т.п.);

3) признаки, определяющие специфику деятельности по предупреждению преступлений (выбор объектов и субъектов предупреждения преступлений, методов и средств профилактики, источники информации о признаках криминологической характеристики преступлений).

Как нам представляется, данная структура криминологической характеристики является довольно полной и детальной, но в то же время не совсем удачной.

Во-первых, В. Э. Эминов сам считает не вполне обоснованным использование в структуре некоторых учебников и программ по криминологии смещения понятий, в частности, включение в общее понятие «криминологическая характеристика» деятельности по предупреждению преступлений [63. с. 210—211].

Во-вторых, в данной характеристике нет четкого выделения элементов криминологической характеристики, а отдельные элементы отнесены одновременно к разным группам. Например, в первую группу включен механизм преступления. Наряду с этим, ко второй группе отнесены ситуация совершения преступления, среда проявления преступного акта [64. с. 212].

Представляется, что данные аспекты характеризуют различные стороны механизма совершения преступления, в связи с чем должны находиться в одной группе. Аналогичным образом должны быть отнесены к одной группе причины преступления, данные, характеризующие криминологическую ситуацию совершения преступления, социально-экономические условия и т.п.

Существуют и другие подходы, но практически все авторы сходятся в том, что анализ любого вида преступности, выделяемого на основании того или иного критерия, предполагает обязательное исследование, как минимум, трех ее составляющих: уровня, структуры, динамики соответствующей группы преступлений [65. с. 3].

На основании таких данных можно проанализировать причины роста или снижения количества совершения преступлений, определить приоритетность проведения профилактических мероприятий. Не являются исключением из этого общего правила и корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении женщин.

Говоря о месте корыстно-насильственной преступности в Казахстане, следует заметить, что на ее долю в среднем приходится 11,6 % от общего числа регистрируемых посягательств. Она по-прежнему занимает влиятельное место в ряду преступных посягательств, совершаемых на территории страны [66. с. 5].

Так, в 2006 г. в Республике Казахстан было зарегистрировано 2 473 разбоя, 12 602 грабежа, 1 034 вымогательства. Количество данных преступлений по сравнению с 2005 г. увеличилось: разбой на 0,3 %, за исключением вымогательства и грабежа, снизившись соответственно на 0,1 % и 0,1 % [67. с. 101]. Однако, эти цифры не могут существенно повлиять на разрядку оперативной обстановки в стране.

Учитывая небольшую долю вымогательств в структуре корыстно-насильственной преступности, существенно сужающую возможности статистически значимого анализа данной категории преступлений, в дальнейшем оценке будут подвергаться лишь наиболее распространенные категории посягательств: грабежи и разбои, совершаемые в отношении женщин.

Несмотря на то что в 1998—1999 гг. было зафиксировано относительное снижение количества совершаемых преступлений корыстно-насильственной направленности, начиная с 2000 до 2003 гг., тенденция стала противоположной. Ежегодный прирост, например, разбоев стал составлять от 1 % (в 2000 г.) до 2 % (в 2003 г.). Для грабежей соответствующие показатели изменялись от 1,5 до 2 %.

Таким образом, можно утверждать, что ранее отмечавшаяся тенденция снижения корыстно-насильственной преступности применительно к наиболее распространенным видам соответствующих посягательств в настоящее время утрачена.

Устанавливая количество и другие криминологические характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин на территории Казахстана, следует заметить, что данная процедура неизбежно связана с расчетом известных статистических показателей. Здесь нельзя не указать

на ряд обстоятельств, существенно затруднявших получение требуемой информации.

Существующие официальные формы учета совершаемых корыстно-насильственных преступлений содержат весьма ограниченную информацию о тех, кто стал жертвой того или иного преступления. В отличие от карточки Ф.1.0. (на выявленное преступление) и Ф.2.0. (на лицо, совершившее преступление), информация о жертве преступления, в частности, о ее гендерных особенностях, практически нигде не находила должного отражения. Такая ситуация не только оказывает негативное влияние на состояние аналитической работы правоохранительных органов, которые по существу были и до сих пор лишены возможности анализировать в должном объеме ситуации, возникающие при совершении преступлений, где потерпевшим является женщина, но и заметно затрудняет научный анализ соответствующих статистически фиксируемых процессов.

Соответствующий пробел был частично компенсирован обращением к другим методам получения информации: опросам, экспертным оценкам, изучению документов.

Среди последних наибольшую ценность представляли базы данных УИТС (ЦКИ) ДВД-ДВДТ, некоторые аналитические материалы, которыми располагали страховые компании и медицинские учреждения, куда обращались потерпевшие от корыстно-насильственных преступлений.

Однако, как показали опросы, далеко не все граждане обращались в данные учреждения, в том числе и при совершении в отношении их насильственного грабежа и (или) разбоя, а также вымогательства. Поэтому определенная часть информации о фактически совершенных преступлениях осталась неизвестной, а соответствующие посягательства могут быть отнесены к ряду латентных.

В научной литературе довольно устойчивым является мнение о том, что уровень латентности снижается при повышении степени тяжести совершаемых преступлений [68. с. 3]. Во многом данные представления обоснованны, так как факторов, которые влияют на уровень латентности, пожалуй, не меньше, чем собственно детерминант преступных посягательств. Вполне можно согласиться с тем, что латентность грабежей на порядок выше той, которая может быть установлена для разбоев.

Однако, для теории и практики исследования «скрытой» преступности наибольшую ценность представляет распределение. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в зависимости от *круга лиц, осведомленных о совершенных корыстно-насильственных посягательствах*, их можно разделить на несколько групп:

1. Преступления, о которых знает только преступник и потерпевшая.

К этой категории преимущественно относятся посягательства, в процессе совершения которых виновный применял либо психическое воздействие (в форме угроз), либо физическое воздействие, причинившее незначительный физический или материальный вред.

Исследование показало, что основную массу таких преступлений образуют посягательства, в процессе которых виновной стороной не был причинен крупный ущерб (свыше 500 МРП), либо предметом похищения стали легко заменимые вещи (чаще всего, ими являются сотовые телефоны), а также когда не был причинен вред здоровью, потребовавший обращения за помощью в медицинское учреждение. Среди этих преступлений также преобладают посягательства, которые были совершены при обстоятельствах «диффамирующего» характера, что обычно связано с сильным алкогольным опьянением жертвы, ее вызывающим поведением или крайне небрежным отношением к хранению похищенного.

2. Преступления, о которых осведомлены преступник, потерпевшая и близкие им люди.

Анализ показал, что немалое число потерпевших, ставших жертвами корыстно-насильственных посягательств, не всегда скрывают факт совершенного преступления, стремятся поделиться о происшедшем с родственниками и иными близкими людьми. Это помогает преодолеть стресс, который обычно возникает при совершении преступления или после него, преодолеть страх очередного нападения, получить советы по поводу того, каким образом можно уберечься от аналогичного преступления. Скрыть совершенное преступление, зачастую, не удается, если потерпевшей причинен крупный ущерб, а также когда она подверглась сильнейшему физическому воздействию, приведшему к причинению вреда здоровью (даже при отказе от обращения в медицинское учреждение).

3. Преступления, о которых осведомлен широкий круг лиц, за исключением представителей тех органов, которые вправе осуществлять прием заявлений по факту совершенного преступления.

К числу последних в соответствии с приказом № 6 Генерального прокурора Республики Казахстан «О приеме, регистрации, учете и рассмотрении заявлений, сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях, происшествиях» от 10 декабря 2003 г. относятся: органы предварительного следствия и дознания, прокуроры, следователи (дознаватели), сотрудники оперативных подразделений, осуществляющих ОРД, а также иные должностные лица, уполномоченные в соответствии с порядком, установленным УПК РК и иными нормативно-правовыми актами, осуществлять прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлениях [69. с. 45].

4. Преступления, о которых осведомлены, в т.ч. органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять прием заявлений, но в силу тех или иных причин не нашедшие отражение в официальной отчетности.

Здесь речь идет, прежде всего, об укрытых от регистрации преступлениях, а также посягательствах, по факту совершения которых проводятся ОРМ (в основном, с целью установления факта преступления, а также лиц, ставших жертвами этих преступлений).

Наряду с общими факторами латентности нельзя не указать и на тот факт, что даже в случае регистрации факта совершения преступления некоторые его параметры могут остаться неизвестными (количество участников совершенного преступления, размер фактически причиненного материального ущерба и др.).

Опрос сотрудников ОКП и СО ГОРРАЙЛИНОВД, УКП и СУ ДВД показал, что при первоначальной регистрации довольно часто вышеназванные обстоятельства остаются скрытыми от внимания тех, кто осуществляет прием соответствующего заявления. Это бывает даже в случаях причинения потерпевшим тяжкого вреда здоровью, когда они ввиду причиненной травмы не могут дать четких пояснений относительно обстоятельств происшедшего, например, о количестве нападавших при разбое [70. с. 765].

Опросы граждан показали, что лишь ¼ женщин из числа жертв корыстно-насильственных преступлений обращаются в

полицию. Еще реже это делают те, кто ранее уже был жертвой какого-либо преступления, но не добился должного реагирования со стороны уполномоченных на то органов или должностных лиц [71. с. 50].

Наименьшей латентностью среди корыстно-насильственных посягательств обладают разбои, а также преступления, сопряженные с незаконным проникновением в жилище.

Структурное соотношение отдельных видов корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин, выглядит следующим образом. При этом основную массу совершаемых грабежей представляют деяния, в процессе совершения которых виновные не ограничиваются открытым завладением (удержанием) похищаемого имущества, стремясь тем или иным образом воздействовать на потерпевших. Чаще всего, это происходит в форме угроз насилием либо фактическим применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Несколько по-иному квалифицировались разбои, совершенные в отношении женщин. Действия основной массы, совершившей разбой в отношении женщин, были квалифицированы по ч. 1 ст. 179 УК РК и ч. 2 ст. 179 УК РК, будучи совершенными группой лиц по предварительному сговору либо с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Одним из важных направлений в изучении корыстно-насильственной преступности является изучение совершаемых посягательств по месту их совершения, что обычно связывается с понятием «географии преступности» [72. с. 75].

Такое исследование, позволяющее установить закономерности территориального распределения преступности, является важной предпосылкой для разработки наиболее эффективных мер профилактической направленности, сконцентрировать внимание правоохранительных органов на тех объектах, которые выглядят наиболее «привлекательными» для преступников, с одной стороны, и где появление потенциальных жертв является наименее желательным, с другой.

Естественно, что полученные сведения должны быть использованы и для лучшей расстановки сил и средств, в частности, ГОРРАЙОВД, которые должны обеспечить максимально быстрое реагирование на каждый случай криминального поведения.

Изучение географии преступности может включать в себя самые различные аспекты: от территориального распределения

преступности по областям страны до соответствующих распределений применительно к отдельным населенным пунктам, микрорайонам, жилищным комплексам, крупным зданиям и сооружениям и пр.

Наибольший практический интерес, конечно же, представляет изучение особенностей географии преступности в границах области, а также конкретных населенных пунктов. Такие данные могут быть оперативно востребованы правоохранительными органами и имеют, кроме того, повышенную виктимологическую ценность.

Чаще всего, корыстно-насильственные посягательства в отношении женщин совершаются в городской местности, в особенности, в крупных городах. Что корыстно-насильственные посягательства — это, прежде всего, проблема крупных населенных пунктов, не раз указывали в своих работах А. А. Курашвили [73. с. 207—212], В. И. Гладких, А. В. Борбат и Г. Х. Шабанов [74. с. 44], а также С. А. Шоткинов [75. с. 30].

В процессе установления места совершения отдельных видов корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин нами было выявлено, что наиболее криминогенными являются улицы, дворы домов, остановки общественного транспорта, подъезды домов, торговые предприятия, включая уличные торговые киоски [76. с. 45].

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что корыстно-насильственные посягательства, совершаемые в отношении женщин — это преимущественно уличные преступления (*прим. авт.* — 62 % преступлений совершаются вне домов, зданий и сооружений). Среди последних наиболее виктимными являются подъезды многоквартирных домов, а также квартиры и дома, где проживают потенциальные жертвы, лифты, а также торговые предприятия. Очевидно, что мероприятия виктимологической направленности должны осуществляться с учетом такого распределения посягательств по месту их совершения.

Важное значение для анализа любой из категорий преступлений, как известно, имеет установление времени их совершения.

Наши исследования показали, что данные преступления весьма неравномерно распределяются как по временам года, так и в течение суток. Сравнительно стабильным является лишь время совершения преступлений, связанных с завладением имущества из квартир.

Из этого следует, что основная масса преступных деяний в отношении женщин совершается в вечернее и ночное время, с 19 часов вечера до 24 часов ночи. Это связано с возможностью незаметно скрыться с места преступления. Кроме того, в подразделениях полиции в указанное время находится только дежурная смена, которая не успевает реагировать на сообщения одновременно о нескольких преступлениях. В остальное время суток совершается относительно равное количество подобных деяний.

Таблица 2

Распределение корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении мужчин и женщин, в зависимости от времени года и суток (в % к итогу)

Категории потерпевших	Время совершения преступлений (час.)				
	0-6 час.	7-12 час.	13-18 час.	19-24 час.	Всего
Мужчины	10	23	45	22	100 %
Женщины	19	21	18	42	100 %
Категории потерпевших	Время года				
	весна	лето	осень	зима	Всего
Мужчины	14	60	14	12	100 %
Женщины	11	53	18	8	100 %

Важной характеристикой преступности является степень ее организованности, характер и масштабы объединения нескольких лиц для совершения преступлений. Специалисты отмечают, что грабежи и разбои часто совершаются группами преступников, причем, нередко, специализирующихся именно на этих видах преступлений. Когда жертвой преступления становится женщина, такие группы по численности обычно не превышают 3 человек. На преступные группы численностью 5 человек и более приходится менее 10 % корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин.

Преступные группы для совершения подобных преступлений формируются в основном в составе 2—5 человек из лиц мужско-

го пола молодого и среднего возраста. Среди участников организованных групп высока степень взаимосвязей. Почти в каждой группе часть ее участников состояла в близком родстве, остальных объединяли ранее совершенные корыстные преступления, совместное распитие спиртного и азартные игры. Незанятость является принципиально важным условием участия в деятельности преступной группы. Срок преступной деятельности группы варьируется в диапазоне от нескольких дней до нескольких месяцев и даже лет.

Как показывают наши исследования, численность групп положительно коррелирует (+ 0,82) с продолжительностью их существования — чем больше ее состав, тем продолжительней является преступная деятельность. Причиной тому, скорее всего, является организованный характер деятельности многочисленных групп, изначально нацеленных на совершение большого количества посягательств. Группы малочисленные обычно «ограничиваются» совершением 1—3 преступлений, что происходит в течение достаточно короткого времени (иногда — в течение недели).

Малочисленные группы более устойчивы (по составу участников) и имеют более обширную «географию» преступной деятельности. В группах, насчитывающих более пяти участников, обычно выделялись в общем составе два или три наиболее активных члена, которые брали на себя организаторские функции. Действия других участников ограничивались исполнением преступных замыслов и опосредовано содействовали преступлению.

Среди основных обстоятельств, оказывающих влияние на совершение преступления, является наличие соучастников. В половине разбоев и грабежей с незаконным проникновением в жилище это обстоятельство имело важное значение. Групповой характер совершения преступления, как правило, повышает степень его общественной опасности по сравнению с аналогичной деятельностью преступника-одиночки.

Для лиц, совершающих корыстно-насильственные преступления, характерно стремление к совместным действиям. В последние годы тенденция к росту групповых корыстно-насильственных преступлений заметно усиливается, особенно среди несовершеннолетних и молодежи. Как показывают исследования С. Б. Бимурзина, 80 % преступлений несовершеннолетних совершаются в группе [77. с. 84].

Такое положение, на наш взгляд, объясняется заметным омоложением грабителей и разбойников, выбирающих преступление как способ добычи денег и опасное развлечение, а также ростом профессионализма среди преступников, развитием специализации в криминальном мире. Преступники молодого возраста чаще всего выступали в роли непосредственных исполнителей грабежей и разбоев с незаконным проникновением в жилище, а лица старшего возраста — их организаторами.

Согласно исследованиям А. С. Чокморовой, среди лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность, из числа взрослых преступников:

- 30 % — 20—25-летние;
- 27 % — 25—30-летние;
- 21 % — 30—40-летние;
- 17 % — 18-летние;
- 5 % — 40—50 летние.

Среди данного контингента преступников 93 % составляют мужчины. Если же судить об образовательном уровне взрослых организаторов (подстрекателей и т.д.), то из них имеют:

- среднее образование — 29 %;
- неполное среднее образование — 21 %;
- неполное высшее образование — 20 %;
- среднее-специальное образование — 19 %;
- высшее образование — 11 %.

Данные А. С. Чокморовой указывают, что большая часть взрослой половины преступных групп ранее вела антиобщественный образ жизни. Так, около 65 % из них не работали и не учились, 37 % — ранее совершали административные правонарушения, а 29 % из них были ранее судимы [78. с. 130].

В подавляющем большинстве грабежей и разбоев лидерство в группе совпадало с ролью организатора, инициатива совершения преступления принадлежала лидеру группы; организаторы, как правило, неоднократно судимы.

Из общего числа групповых грабежей, совершаемых в отношении женщин, на долю совершенных в жилищах, помещениях и иных хранилищах приходится лишь 9 % посягательств, разбоев — 25 %.

Основной арсенал грабителей (разбойников) составляет холодное оружие («заточки», финские ножи, кухонные и перочинные ножи), кастеты, газовое оружие (пистолеты и револьверы), а также средства защиты травматического действия («Стражник»,

«Оса», «Удар» и т.д.). При этом редки случаи применения огнестрельного оружия (1 %). Имеет место угроза применения насилия с использованием макета оружия (7 %).

Психическое насилие применялось в 41 % случаев грабежей и разбоев с незаконным проникновением в жилище. Как правило, оно состояло в угрозе убийством потерпевшей либо угрозе причинения тяжкого вреда здоровью. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью детей, родителей или близких родственников потерпевшей встречались реже.

Криминологическое значение имеет предмет посягательства. Предметом посягательств, совершаемых вне квартир, чаще всего были деньги — 63 %, сотовые телефоны — 46 %. Украшения из драгоценных металлов и другие драгоценности (кольца, цепочки) привлекали преступника в 23 % ситуаций. При совершении преступлений из квартир весьма естественную долю похищенного составляют одежда, обувь, меховые изделия и другое имущество потерпевшей, видео- и аудиотехника, а также другая дорогостоящая бытовая техника. Преступники также редко «обходят» вниманием различные продукты питания и спиртные напитки. Всего 5 % составили такие, на первый взгляд, привлекательные для преступника вещи, как предметы искусства, антиквариат (ценные картины, редкие книги, иконы, старинная мебель, столовое серебро и пр.) [79. с. 24].

В качестве особенностей обращения с имуществом, которым удается завладеть в ходе грабежа или разбоя, следует отметить, что оно используется преступниками почти сразу же после совершения преступления. Такого рода использование обычно проявляется в трате имущества на собственные нужды, а также в продаже по сниженным ценам на вещевых рынках городов. Случаев вывоза имущества за пределы той административно-территориальной единицы, где было совершено преступление, нами в процессе изучения приговоров установлено не было.

Учитывая, что выявленные нами особенности совершения корыстно-насильственных преступлений в отношении женщин носят распространенный (массовый) характер, достаточно устойчивы и влияют на состояние и структуру всей преступности, данную совокупность вполне можно рассматривать как один из видов региональной преступности.

Чтобы понять истоки ее современного состояния, обратимся к личностным факторам, которые привели к совершению данных посягательств.

РАЗДЕЛ 2.

Роль межличностных факторов в механизме совершения корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин

2.1. Механизм корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

Каждое преступление может быть рассмотрено как разновидность человеческой деятельности, являющейся формой волеизъявления, которая выражена в определенных действиях, способ выполнения которых обусловлен как особенностями личности, так и внешними обстоятельствами. Корыстно-насильственное преступление — это всегда активное поведение, которое облечено специфическим «смыслом», существо которого заключается в достижении корыстной цели наряду с оказанием на владельца имущества (материальных благ) определенного психологического или физического воздействия. Как и всякое иное умышленное поведение лица, оно «разворачивается» во времени и пространстве, представляя собой процесс взаимодействия ситуационных (социальных) факторов с относительно постоянными личностными характеристиками [80. с. 6—7].

В случае совершения любого преступления для криминологов важно получить ответ на вопрос о том, почему тот или иной человек совершил противоправные действия, в чем причина такого поведения, которое всегда имеет внешнюю и внутреннюю стороны.

Внешняя сторона — это действия, направленные на завладение чужим имуществом, внутренняя — совокупность психологических состояний и процессов. Взаимодействие этих сторон и обстоятельств специалисты называют механизмом преступного поведения [81. с. 101].

По сути дела, речь идет о сложной, развернутой цепочке причин и следствий, в которой переплетаются субъективные и объ-

ективные элементы. Попытаемся подвергнуть анализу каждую из этих составляющих механизма корыстно-насильственных преступлений.

Среди внешних характеристик рассматриваемой категории посягательств, первое, что привлекает внимание,— это открытость совершаемых действий. При идентификации того, совершено ли деяние открыто, можно либо раскрыть содержание понятия «открытость», либо «тайность», имея в виду, что данные слова являются антонимами. В этой связи А. И. Бойцов, определяя признаки тайности применительно к хищениям, указывает на то, что соответствующее деяние должно быть совершено:

- в отсутствие кого бы то ни было;
- в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, но незаметно для них;
- в присутствии указанных лиц, наблюдающих изъятие имущества, но не понимающих характера совершаемых действий и значения происходящего;
- в присутствии каких-либо лиц, наблюдающих действия преступника, понимающих и правильно оценивающих их характер, но не обнаруживающих себя, благодаря чему преступник остается в убеждении, что он действует тайно;
- в присутствии каких-либо лиц, наблюдающих действия преступника, понимающих и правильно оценивающих их характер и не скрывающих своего присутствия, но не являющихся для преступника посторонними в том смысле, который позволял бы говорить об открытости его действий [82. с. 45—46].

Такой подход представляется довольно удачным.

Нередко преступники тщательно изучают объект нападения, обстановку и условия, в которых им предстоит действовать (39 %). Они выясняли материальное состояние намеченной жертвы, ее образ жизни, распорядок дня, режим работы, интересы, места хранения денег и других ценностей. Изучению подвергаются также условия охраны квартиры: вид сигнализации, линии проводки кабелей, способы открытия кодового замка; при этом изготавливались слепки ключей, подбирались отмычки.

Рассматривая с этих позиций корыстно-насильственные посягательства, совершаемые в отношении женщин, следует отметить, что во всех выявленных нами случаях открытость проявлялась, как минимум, в том, что о совершенных преступлениях всегда знали его жертвы (женщины), причем они находились в

состоянии, позволявшем отчетливо осознавать, что в отношении их происходит противоправное деяние.

Как следует из результатов изучения уголовных дел, потерпевшие при этом понимали, какие цели преследуют преступники, могли реально оценить характер оказываемого на них воздействия, включая угрозы, которыми зачастую сопровождалось физическое воздействие (причинение боли, нанесение телесных повреждений различной тяжести). Кроме того, в 12 % случаях свидетелями совершаемых посягательств были (помимо самих преступников) также посторонние граждане: знакомые и даже близкие родственники.

Таким образом, в большинстве случаев совершения корыстно-насильственных посягательств потерпевшие-женщины находились «один на один» с преступником (ми) и выбор способа их поведения в такой ситуации зависел только от владельцев изымаемого имущества. Здесь нельзя не заметить, что в подавляющем большинстве случаев (93 %) женщины пытались не только высказывать свои возражения (кричать, призывать к помощи, просить не лишать их имущества), но и сопротивляться насильственному изъятию находящегося у них имущества посредством причинения боли преступнику (царапаться, бить по лицу, рукам, щипаться, наносить удары ногами, использовать при сопротивлении имеющиеся при себе предметы).

Характеризуя способы совершения корыстно-насильственных преступлений, нельзя обойти вниманием вопрос об использовании виновными средств совершения преступления. Это важно еще в силу прямого учета в качествеотягчающего квалифицирующего обстоятельства, в частности, использование при совершении преступлений рассматриваемой группы оружия и иных предметов.

В связи с этим следует заметить, что преступники для достижения своих целей также не столь часто использовали специально приспособленные орудия совершения преступления. Возможно, как раз и отсутствие таковых и привело к выбору в качестве жертв преступления именно женщин, а не мужчин. Между тем, как показывает практика, использование, в частности, оружия и иных предметов, их заменяющих, является достаточно типичным при совершении разбоев.

При нападении с проникновением в жилище преступники наиболее часто прибегают к причинению телесных повреждений

путем избиения, нередко используя в качестве орудий нападения подобранные на месте его совершения предметы (ножи, доски, тяжелые предметы, находящиеся в квартире потерпевшего и т.п.). Для того чтобы преодолеть сопротивление или проявление нежелательных для преступника действий, потерпевших после избиения чаще всего связывали либо закрывали (в ваннных комнатах, туалетах, кладовках).

Одной из отличительных особенностей поведения женщин в таких ситуациях, как нам удалось установить, является то, что лишь в десяти случаях женщины пытались защитить себя и свое имущество посредством использования имевшихся на месте преступления предметов. Каждый из этих случаев связан с совершением преступлений в помещениях.

При защите личной и имущественной неприкосновенности женщины чаще всего использовали предметы, находившиеся в карманах одежды, а также в сумочке. Самый распространенный прием, который использовали потерпевшие, заключался в попытке отобрать похищаемое имущество и им нанести удар преступнику (дамской сумочкой, ключами, пакетом с имуществом). Такого рода способы защиты, очевидно, отражают повышенную эмоциональность женщин, претерпевающих насилие, что затрудняло оценку возможностей использования других способов защиты от грабителей и разбойников. Случаи применения женщинами более эффективных средств защиты (например, газового оружия, острых предметов) были единичны.

Сбыт похищенного, как правило, осуществляется по заранее достигнутой договоренности с «заказчиком», либо производится по отработанным каналам с привлечением постоянных посредников — сбытчиков.

Изучение уголовных дел показало, что завладение имуществом путем разбоя, чаще всего, связано с применением как психического, так и физического насилия. Практически во всех изученных преступлениях виновные угрожали потерпевшему насилем, опасным для жизни или здоровья, при этом в 65 % случаев они в той или иной мере реализовали свои угрозы.

Ранее мы уже подвергли анализу особенности мест совершения преступления, указав на наиболее виктимные участки местности, где могут быть совершены корыстно-насильственные посяательства. К этому следовало бы добавить, что наиболее вероятно совершение преступлений по мере передвижения

потенциальных жертв с уличного пространства в собственное жилье (дом или квартиру). Условно можно говорить о том, что возвращение домой женщины в три раза опаснее по сравнению с тем, когда она уходит из дома. Риск женщины, не ставшей жертвой ограбления либо разбоя на остановке общественного транспорта или в торговом предприятии (магазине, киоске), подходя к собственному дому (во дворе), возрастает трехкратно, он сохраняется на том же уровне при входе в подъезд, а при нахождении в квартире — вновь возрастает (в два раза).

С субъективной стороны, механизм преступления, функционируя в развернутом или свернутом (сжатом) виде, включает различные эмоциональные состояния, реализует волю и сознание субъекта, однако и эмоции, и воля, и сознание преступника направлены (в умышленном преступлении) на достижение антиобщественных целей, и их содержание противоречит общепринятым социальным ценностям и установкам. В этом специфика генезиса преступления, в отличие от обычных человеческих поступков, которая позволяет определить схему корыстно-насильственного воздействия.

Следует заметить, что первые попытки схематического описания преступного поведения появились еще в 70-е годы прошлого столетия.

Модель В. В. Лунеева характеризуется четким выделением элементов (этапов) развития и проявления мотива преступления, которые, по мнению автора, составляют «внутренний стержень генезиса преступного поведения».

Этих этапов девять:

- формирование и актуализация потребности или другого детерминанта;
- возникновение и становление конкретного мотива;
- целеобразование или выбор цели;
- выбор путей, средств, способов достижения цели;
- прогнозирование возможных действий, желательных и нежелательных последствий, в том числе и возможного уголовного наказания;
- принятие решения действовать;
- осуществление контроля и коррекции действий;
- анализ наступивших последствий, сравнение достигнутого с желаемым;
- раскаяние или выработка защитного мотива [83. с. 4].

Как видно, прослеживались все звенья (этапы) механизма преступного поведения.

Схема В. В. Лунеева представляет несомненный познавательный интерес и достаточно точно отражает последовательность элементов, образующих генезис преступного поведения, но она является слишком общей и отражает многовариантность преступного поведения.

Еще ранее и несколько по-иному механизм преступного поведения увидели Ю. М. Антонян и Ю. Д. Блувштейн. Достоинство их мнений не только в том, что в ней указаны условия формирования личности, но и обозначены обратные связи.

Согласно первой модели, не только преступник воздействует на объект, когда совершает преступление, но и само содеянное им в порядке обратной связи влияет на его личность. Равным образом преступник оказывает обратное влияние и на факторы, формирующие его личность (семья, школа и др.), а также на конкретную жизненную ситуацию (например, создавая выгодные условия для своей преступной деятельности).

Во второй модели авторы попытались детализировать представления и о личности преступника, и о ситуации. Они выделили три типа личности:

- 1) лица с глубокой антиобщественной установкой;
- 2) лица без стойкой антиобщественной установки, но поддающиеся отрицательному влиянию малой социальной группы, к которой они принадлежат;
- 3) случайные (ситуативные) преступники.

Ими же выделены два вида ситуаций:

- благоприятная для совершения преступления;
- неблагоприятная, препятствующая ему.

Но данный подход не позволяет учитывать количественные параметры кримиогенных ситуаций.

Ряд математических моделей, в том числе и в криминологии, создали Г. А. Аванесов, В. А. Леванский, В. А. Минаев, Д. О. Хан-Магомедов и другие ученые [84. с. 15]. К сожалению, упомянутые модели не всегда могут быть использованы для анализа корыстно-насильственного преступного поведения, но они позволили обосновать принципиальную допустимость перевода закономерностей индивидуального преступного поведения логико-математический уровень, что уже весьма важно.

Анализ механизма корыстно-насильственного поведения включает исследование процесса взаимодействия двух основных составляющих: личности и корыстно-насильственного поведения. При этом основным направлением анализа личности преступника должно, очевидно, стать изучение причин и условий образования кримиогенных качеств личности, их взаимосвязь между собой, влияние на составляющие механизма преступного деяния. Этот процесс позволит в полной мере выявить кримиогенные показатели, которые привели человека к преступлению и способствовать увеличению вероятности при индивидуальном криминологическом прогнозировании.

На заре развития криминологии исследователи, наблюдая приверженность отдельных людей к занятию конкретным преступным промыслом, стали искать причины этого в биологических особенностях людей. Основоположником такого подхода (антропологической школы) является Ч. Ломброзо, который на основе установления связи между внешностью (антропомом) преступников и совершаемых ими деяний высказал предположение о том, что в основе преступного поведения лежит врожденное, а не приобретенное человеком в процессе его формирования [85. с. 84].

Последователи Ч. Ломброзо пытались объяснить такой подход на основе использования все более новых данных медицины, усматривая причины преступного то в дефектах генетического порядка и нервной системы, то в плохой наследственности, то в наличии лишней хромосомы и пр.

Одновременно с биологическим направлением в криминологии возникла теория о том, что человек совершает преступления не потому, что он генетически к этому предрасположен, а потому, что общество вынуждает совершать его преступления. Представителями указанной школы являются Ф. Лист, Э. Ферри, М. В. Духовской, И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, М. Н. Гернет. По их мнению, склонность к совершению преступлений у каждого индивидуума зависит только от существующих в обществе обычаев, привычек, морали, нравственного уровня, быта, состояния образованности [86. с. 121].

Новую концепцию предложил Э. Дюркгейм, который считал, что человек совершает преступления, находясь в состоянии социальной аномии. Складывается ситуация, при которой индивидууму невозможно получить законным путем определенные ценности и тогда он отрицает правила и стремится их добыть

любыми способами [87. с. 71—73]. Р. Мертон дополнил учение Э. Дюркгейма тезисом о том, что причиной аномии может служить противоречие между целями, которые пропагандирует общество, и приемлемыми в нем средствами [88. с. 6—7].

В XX веке ученые-криминологи искали социальные типы преступников в различных слоях общества, что во многом было обусловлено существующими в это время трудностями идеологического плана. Указанную позицию первоначально поддерживали такие ученые-криминологи, как А. А. Герцензон, полагавший, что криминологу незачем погружаться в глубинную сущность личности, искать биологические истоки поведения [89. с. 101].

Социальную обусловленность преступности настойчиво доказывали В. Н. Кудрявцев, И. И. Карпец, Н. П. Дубинин [90. с. 45—46] и т.д. Учение о личности преступника было развито в книгах Н. С. Лейкиной, которая считала, что «психофизиологические особенности человека преломляются через социально-психологические условия и, будучи опосредованными, последними влияют на поступки» [91. с. 4]. Несколько иной точки зрения придерживался И. С. Ной, считавший, что только состав из экономических, идеологических, социальных, биологических признаков дает реакцию, называемую преступлением [92. с. 67].

В дальнейшем криминологи стали искать компромисс между социологическими и биологическими признаками при изучении личности преступника. Этому предшествовала прошедшая на страницах научной литературы и в СМИ весьма эмоциональная дискуссия. В итоге, спорящие стороны сошлись на некоторых особенностях: многие биосоциальные характеристики (пол, возраст, особенности нервной системы, психологические аномалии и др.) играют определенную роль в преступном поведении, но лишь, будучи опосредованными социальными факторами [68. с. 67]. До настоящего времени в науке нет однозначного мнения о влиянии физиологических факторов в качестве причинного комплекса на совершение преступлений. По нашему мнению, достаточно верное решение и видение этой проблемы предложено Г. А. Аванесовым, который говорит: «...когда речь идет о причинах преступлений (да и преступности в целом), и биологическая проблема, и социальная имеют полное и равное право на существование» [94. с. 121].

Под физиологическими причинами субъективного характера нами понимаются следующие моменты:

- нервная деятельность человека;
- психические заболевания;
- физическая конституция человека.

В определенных ситуациях данные причины все же следует рассматривать лишь в качестве условия совершения преступлений, вернее, становления человека на путь преступления. Типы психики людей, названные знаменитым физиологом И. И. Павловым, очевидно, нужно применять за отправную точку при рассмотрении личности изучаемой категории преступников. Темперамент не подвержен воспитанию, но поскольку данный вопрос лучше осветили бы медики, а не юристы, мы приведем разные точки зрения этой проблемы.

Ю. М. Антонян считает, что наиболее характерной чертой корыстных и корыстно-насильственных преступников является импульсивность поведения и низкий самоконтроль, которые могут приводить к внезапным агрессивным действиям [95. с. 152], что же касается нервной деятельности, «...многие имущественные преступления, помимо собственно корыстных мотивов, детерминируются потребностью к игре, риску, постоянной потребностью участвовать в различного рода операциях, контактах, испытать острые ощущения, включиться в эмоционально возбуждающие ситуации. Они получают психологическое удовлетворение в самом процессе преступной деятельности, что имеет для них самостоятельное значение. Возникающие в этот период ощущения и переживания для них чрезвычайно важны и обладают поэтому большой мотивирующей силой» [96. с. 288—289].

На преступное поведение значительное влияние оказывают психические аномалии, которые, с одной стороны, существенно затрудняют усвоение субъектом нравственных и правовых норм, а с другой — препятствуют адекватному восприятию и оценке складывающихся жизненных ситуаций; сами по себе эти аномалии не выступают в качестве мотивов преступлений, но значительно влияют на поведение и образ жизни [97. с. 89].

Принято считать, что социальной среде, определяющей человеческое поведение, принадлежит главная роль, если при этом не учитывать постоянное взаимодействие человека со средой и не принимать во внимание психологию, мировоззрение и интересы. В основе индивидуального преступления причинно проявляется как ситуация, так и негативные психологические деформации, принявшие форму общественно опасной установки личности.

При всех сущностных различиях у изученной группы эта установка с наибольшей очевидностью реализовалась в стремлении и готовности к удовлетворению индивидуальных интересов и потребностей (часто примитивных и гиперболизированных) любым, но большей частью преступным путем. Как уже отмечалось, внешние факторы действуют опосредованно, через черты характера, волевые и эмоциональные качества, ценностно-нормативные характеристики сознания, потребностно-мотивационную сферу.

Волевые признаки — сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности и поведения, обеспечивающая преодоление трудностей при достижении цели, созданные субъектом дополнительные побуждения к внешним или внутренним действиям, обладающим недостаточной мотивацией. Волевые действия у индивидуума выполняют две взаимосвязанные функции: побудительную (обеспечивающую активность) и тормозную (проявляющуюся в ее сдерживании, и поэтому наблюдающуюся в ситуациях выбора равных по значимости мотивов и целей, порождающих борьбу мотивов, при отсутствии у субъекта актуальной потребности в действии, при наличии внешних и внутренних препятствий) [98. с. 56—57].

Воля является одной из важнейших субъективных составляющих, так как непосредственно связана с поведенческими актами, лежит в основе мотивации любого умышленного поведения. Как показало проведенное исследование, в основе корыстно-насиловственных преступлений в отношении женщин преимущественно лежали проблемные ситуации, в которых оказывались виновные (62 %), в основном обусловленные желанием приобрести дополнительные материальные блага и удовлетворить потребности в приобретении одежды, продуктов, а также алкогольных напитков и наркотиков.

Как известно, в основе любой человеческой деятельности лежат потребности, которые определяют, в чем нуждается личность. От уровня сформированных потребностей зависит ценностная ориентация и общая поведенческая направленность человека. Потребности, стимулирующие преступную деятельность, далеко не всегда асоциальны, они могут носить и положительный характер с точки зрения морали. Например, стремление улучшить свое материальное положение присуще как законопослушным гражданам, так и преступникам [99. с. 20]. Однако

пути и формы реализации этого стремления у них различны, преступник выбирает криминальный способ.

Изучение мотивов помогает выявлению устойчивых побуждений к преступному поведению, раскрытию его мотивационной сферы. Изучение уголовных дел и данные опроса осужденных (200 чел.) исправительного учреждения КА-168/2 (г. Актюбинск) УКУИС по Актюбинской области Министерства юстиции Республики Казахстан позволило определить наиболее характерные потребности, удовлетворение которых было достигнуто путем преступных действий. Среди таких потребностей наиболее часто встречаются следующие:

- приобретение денег, престижных вещей, модной одежды (69 %);
- удовлетворение потребностей в алкоголе и наркотиках (36 %);
- поднятие своего авторитета в глазах ровесников и друзей (18 %) [100. с. 67].

Рассмотренная группа потребностей свидетельствует, прежде всего, о корыстной мотивации преступлений. В системе мотивов, регулирующих человеческое поведение, далеко не все мотивы одинаково значимы, действенны и устойчивы. У одной категории людей мотивы носят относительно устойчивый характер, создавая стройную иерархическую структуру, у другой — легко меняются в процессе жизни, опыта или под влиянием ситуации. Под влиянием социальной среды и личностных качеств мотив образует особое свойство субъективного характера, в котором фокусируются ведущие жизненные тенденции личности [101. с. 56].

Как показывают многочисленные исследования в области преступной мотивации, мотивы далеко не всегда осознаются виновным.

Так, 12 % преступников, совершивших грабеж, не смогли ответить на вопрос, зачем они это сделали. Обосновали свое поведение состоянием опьянения 72 % респондентов. Пытаясь объяснить свои действия, преступник, как правило, не осознает истинную их причину. Более того, те объяснения, которые он высказывает, в основном носят оправдательный характер и направлены на смягчение наказания. Истинные мотивы преступного поведения лежат глубоко в психике человека, часто их довольно сложно выявить. Объяснения самого преступника не всегда дают полную информацию. С детского возраста у человека формируется психоэмоциональная и ценностно-нравствен-

ная основа бессознательных мотивов. Их роль всегда ограничена рамками среды, в которой находится личность. Такая зависимость, приобретая порой жесткий характер, начинает управлять поведением личности в той степени, в которой человек не осознает ее существования.

Корыстно-насильственные посягательства можно условно назвать полимотивированными преступлениями: корысть определяет цель посягательства, а воздействие в форме насилия является средством. Источником же, детерминирующим такого рода действия, является не только корысть, но и другие мотивы, например, самоутверждение, в том числе путем подавления другой личности. Все эти мотивы, включая корыстный, не всегда являются равнозначными, один или несколько выступают в роли ведущих, другие — дополнительных.

Оценивая поведение лиц, совершающих рассматриваемую категорию преступлений, следует заметить, что в большинстве случаев речь может идти о заранее запланированных действиях (в том числе связанных с выбором конкретной жертвы по полному признаку). Во-первых, виновные стремились действовать в определенной ситуации (выбор места, времени), которая, по их мнению, снижала риск быть задержанным за совершение преступления, во-вторых, увеличивала вероятность успешности совершаемых действий ввиду того, что жертва не могла оказать сопротивления, а достижение преследуемой цели могло быть обеспечено за счет угроз или незначительного причинения личного вреда потерпевшей.

В ходе проведенного анализа уголовных дел было установлено, что решение о совершении преступления у большинства виновных было заранее обдуманно, 11,9 % — постоянно готовы; 10,7 % — приняли решение внезапно без участия ситуации; 3,6 % — в связи с создавшейся ситуацией. Умысел на совершение общественно опасных действий возник под влиянием окружения у 38 %, самостоятельно — у 19 %, под влиянием тяжкого стечения обстоятельств — у 16,6 %, остальные осужденные затруднялись оценить причины возникновения умысла.

Почему некоторые преступники выбирают именно этот вид хищения имущества, а не кражу, хотя, казалось бы, кража обладает рядом «преимуществ» по сравнению с грабежом и разбоем? Кроме того, она является менее опасным преступлением, поэтому менее строго наказуема. Как правило, при кражах не нужна

большая физическая сила, поскольку нет необходимости преодолевать сопротивление потерпевшего.

Однако, как показывает практика, грабеж и разбой с незаконным проникновением в жилище значительно «выгоднее» кражи. Дело в том, что в последние годы значительно расширился социальный слой так называемых «новых казахов» (коммерсантов, фермеров, руководителей предприятий, служащих иностранных фирм, банков, представителей шоу-бизнеса и др.), обладающих большими материальными ценностями (валютой, ювелирными изделиями, современной дорогостоящей аудио- и видеоаппаратурой, ценными предметами и антикварными вещами).

В ситуации повышенной криминогенной опасности эти лица предпринимают различные способы охраны, как себя, так и своего жилища: приобретают бронированные двери, сложные замки, сейфы, устанавливают сигнализацию и т.п. Эти приспособления являются непреодолимым или весьма существенным препятствием для преступников, на их проникновение в квартиру уходит много времени. При грабеже и разбое с незаконным проникновением в жилище под угрозой применения насилия или уже после предпринятых насильственных действий хозяин квартиры вынужденно отдает преступникам ценное имущество.

Немаловажное обстоятельство, способствующее совершению исследуемых видов преступлений — относительная доступность и легкость обогащения. Если смотреть объективно, с учетом логики преступника, то совершение нападения с незаконным проникновением в жилище кажется ему более перспективным, чем совершение других преступлений. В результате одного или нескольких налетов грабитель добывает средства, которые вор в состоянии похитить в течение нескольких лет или всей своей преступной карьеры. Риск же оказаться пойманным у вора гораздо больше, чем у грабителя или разбойника. Связано это не с тем, что вор может быть менее профессионален, а с тем, что, нередко, его можно задержать в момент совершения преступления, а налетчик становится известным правоохранительным органам лишь в результате целенаправленной оперативной работы.

Раскрываемость грабежей и разбоев с незаконным проникновением в жилище обычно составляет около 50 % [102. с. 230]. Именно поэтому даже при неблагоприятной ситуации для совершения преступления преступники, как правило, шли на совершение грабежей и разбоев.

Познание механизма преступного поведения не будет полным, если обойти вниманием анализ *ситуаций* [103. с. 42], которые возникают при совершении корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин. Среди множества оснований, которые могут быть использованы для выделения таковых, особый интерес представляет деление, в основе которого лежит личностное восприятие виновным обстоятельств совершения преступления.

Исходной позицией в формировании криминогенной ситуации является поведение лица в сложившейся обстановке, его взаимодействие с личностью преступника. Виктимогенная ситуация является сходной с криминогенной и жизненной. Наибольший интерес представляет выработанное психологической и юридической науками понятие конкретной жизненной ситуации, под которой подразумевается определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент [104. с. 38]. В криминологическом смысле — это событие или состояние, которое приводит к преступному результату вследствие умысла или неосторожности.

Таким образом, ситуация всегда предшествует преступлению.

В связи с этим можно выделить 4 вида ситуаций, обуславливающих принятие виновным решения на совершение корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин.

1) провоцирующая. Основу таких ситуаций образует демонстративно-вызывающее поведение потерпевшей, которое выражается в предоставлении ей возможности виновному увидеть ее дорогую одежду, драгоценности, современный мобильный телефон, автомобиль, наличие большой суммы денег, множество кредитных карточек, отсутствием личной охраны или лиц, способных оказать поддержку в случае такого посягательства, незащищенность жилья жертвы и пр. Такая ситуация определяется также обстоятельствами места, времени, физическим состоянием жертвы и преступника.

Так, в г. Актюбинске в марте 2005 г. в 18 час. 00 мин. гр-н П., 1983 г.р., находясь в троллейбусе № 4 в пути следования увидел у находящейся в нетрезвом состоянии гр-ки К. сотовый телефон «Simens-A35». Выйдя на остановке «Парк им. А. С. Пушки-

на» вместе с гр-кой К., Н. потребовал отдать ему под угрозой насилия телефон и имеющиеся деньги, после чего засунул руки в карман шубы потерпевшей, забрал телефон и деньги в сумме 2500 тенге, тем самым совершив грабеж, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РК (у/д № 0515000310023) [105. с. 45].

2) удобная. Данная ситуация может определяться временем, местом и предполагаемой прибылью от посягательства на жертву. Преступления при такой ситуации совершаются обдуманно, с предварительной подготовкой, тщательным изучением характеристик, свойств и особенностей жертвы, располагая для этого значительным периодом времени. Это, как правило, тщательно готовящиеся преступления, действия виновных направлены на сокрытие его следов и своего участия в нем, что представляет повышенную общественную опасность. Результаты изучения судебной практики показывают, что в удобной ситуации совершается значительное количество уличных корыстно-насильственных преступлений.

Так, гр-н А., 1979 г.р. в июне 2006 года около 13 час. 00 мин., находясь в автомобиле марки «Мицубиси-Галант» (г/н А 050 КРМ), на перекрестке пр. Ташкентской и ул. Есенберлина г. Алматы сильно сжал руку гр-ки А., сидевшей на переднем пассажирском месте и незаконно завладел золотым кольцом гр-ки А., применив насилие, не опасное для жизни и здоровья. Кольцо впоследствии виновным было продано (№ 05007202) [106. с. 79].

3) нейтральная. Для этой ситуации характерными являются бездействие и безразличие к выполнению своих служебных обязанностей сотрудников служб безопасности, правоохранительных органов и других подразделений охраны и обеспечения безопасности, а также бездушное отношение к происходящему со стороны обычных граждан.

Преступление может совершаться в общественном месте, на глазах многих людей, когда их своевременное вмешательство могло бы воспрепятствовать этому. Такая ситуация порождает чувство безнаказанности со стороны посягающих и возникновению страха у многих жертв. В качестве факторов, способствующих совершению преступления при нейтральной ситуации, следует назвать возникающее в большинстве случаев у граждан, чувство незащищенности, а также отсутствие должной правовой пропаганды населения и т.д.

4) затрудняющая. Совершение преступлений при данной ситуации свидетельствует, с одной стороны, о наличии навыков

и умения отдельных лиц по защите своей личности и собственности, о формирующейся системе защиты личности и собственности в новых социально-экономических реалиях, а с другой — о постоянном совершенствовании своих навыков и способов совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений со стороны преступного элемента.

Наличие охранных структур, в т.ч. личной охраны отдельных граждан, зданий и сооружений, усиление их техническими средствами, подбор и расстановка кадров, правовая пропаганда и т.п. значительно уменьшают возможность граждан стать жертвами преступлений, однако, изученные нами материалы уголовных дел говорят, что даже при таких условиях возможно совершение краж, грабежей и разбоев.

Случаи совершения преступлений имеют место в результате халатности, небрежности, самонадеянности, неосмотрительности, когда охранно-защитные меры «не срабатывают» в результате элементарных нарушений правил несения службы сотрудниками охраны и неправильной эксплуатации данных средств. В качестве примера такой ситуации могут служить обстоятельства совершения следующего вымогательства.

Так, в апреле 2003 года гр-н К., 1981 г.р., и гр-н Г., 1988 г.р., предварительно договорившись завладеть имуществом гр-на С., 1982 г.р., потребовали от него передать им принадлежащие отцу гр-на С. 150 тыс. тенге, нанося при этом потерпевшему удары по голове и телу. Затем обвиняемые К. и Г., причиняя физическую боль потерпевшему С., стали угрожать последнему сжечь его дом, а также убить. При этом обвиняемые К. и Г. продолжали требовать от гр-на С. передачи им денег. Восприняв угрозу убийством и уничтожением дома как реальную потерпевший пошел домой и передал через знакомых преступникам требуемую сумму денег, которые последние использовали по собственному назначению (у/д № 0315000310023) [107. с. 5].

Особенности ситуаций, в которых совершаются корыстно-насильственные посягательства, тесно связаны с особенностями личности тех, кто является виновным и жертвой таких посягательств.

2.2. Личность преступников, совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин

Эффективная борьба как с преступностью в целом, так и с отдельными криминальными проявлениями, вряд ли может быть успешной, если не выяснить, почему то или иное лицо(а) совершило(и) преступление и почему именно данный вариант криминального поведения оказался для человека предпочтительным. Ответ на данный вопрос во многом связан с решением проблемы личности преступника.

При этом следует отметить, что **личность преступника, совершившего преступление**, является объектом пристального изучения многих наук юридического профиля. Будучи объектом изучения разных отраслей юридических дисциплин, лицо, совершившее преступление, обозначается различными терминами. В уголовном праве изучается «субъект преступления», в уголовном процессе оперируют понятиями «подозреваемый», «обвиняемый» и «подсудимый», в уголовно-исполнительном праве фигурирует понятие «осужденный». Как отмечается учеными, обращавшимися к данной проблеме, такое разграничение характеризуется различным содержанием элементов юридического статуса в системе правовых отношений либо иными существенными признаками характеристики преступника. Личность преступника изучается и теорией оперативно-розыскной деятельности. Посмотрим, с каких позиций она раскрывается в криминологии для последующего их сравнения.

В криминологии выделение преступников из всей массы людей производится, прежде всего, на основе юридического критерия, а именно — факта совершения лицом преступления. В связи с этим под личностью преступника ряд авторов понимают личность человека, умышленно или по неосторожности совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом [108. с. 117].

В то же время А. И. Алексеев под личностью преступника понимает «совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение». То есть, для личности преступника более общим, родовым понятием служит «личность с негативно отклоняющимся поведением» [109. с. 84—91].

Как отмечают многие криминологи, изучение личности преступника подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью [110. с. 51—53].

Отмечается, что обобщение данных о лицах, совершающих преступления, типизация этих лиц позволяют точнее прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы.

Следует отметить, что проблема личности преступника является довольно сложной. Сложность проблемы предопределяет и существование разных точек зрения. Одни криминологи считают, что нет никакой практической или теоретической ценности в общем понятии «личность преступника». Все лица, совершившие преступления, имеют только одно общее свойство, при том юридического порядка: каждый из них нарушил закон. А для этого достаточно традиционного и очень точного по своему содержанию понятия «субъект преступления».

Другие криминологи, говоря о недостаточности понятия «субъект преступления» для целей криминологического анализа, подчеркивают необходимость изучения различных особенностей лиц, совершивших преступления, для понимания причин и механизма преступного поведения [111. с. 154].

Как отмечает С. И. Курганов, с одной стороны, включение в это понятие каких-то особых, присущих только преступникам свойств, фактически ведет к морально-психологической форме ломброзианства. С другой — если характеризовать его только одним признаком — виновностью в совершении преступления, то нельзя разграничить понятие «личность преступника» с понятием «субъект преступления». Но «субъект преступления» — понятие уголовного права, оно используется для определения оснований уголовной ответственности. Личность преступника — криминологическое понятие, оно используется для изучения причин преступления [112. с. 52—56].

Поэтому в понятие «личность преступника» должны включаться криминологически значимые свойства, т.е. такие особенности личности, которые в совокупности с иными обстоятельствами обусловили бы совершение преступления. Изучение личности преступника должно позволить выявить свойства личности, которые могут быть объектом профилактического воздей-

ствия, а также социальные условия, которые сформировали бы данные свойства.

Обычно, признавая определяющую роль всей совокупности общественных отношений в формировании личности преступника, криминологи не имеют однозначного подхода в определении понятия «личность преступника». Одни ученые при определении личности преступника основной акцент делают на социальном факторе.

Так, Б. В. Коробейников, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский личность преступника определяют как «систему социально-демографических, социально-ролевых, социально психологических свойств личности» [113. с. 12—16].

Другие авторы в структуре личности преступника, наряду с социально-политическим фактором, отмечают также психологические и физические признаки.

Так, П. С. Дагель писал, что личность преступника — это совокупность социально-политических, психологических и физических признаков лица, совершившего преступление [114. с. 38].

Аналогичной точки зрения придерживаются и Ю. М. Анто-
нян, В. П. Голубев, Ю. Н. Курдюков [115. с. 8].

Вторая точка зрения нам представляется более правильной, так как ее авторы, помимо социально-политических признаков, в структуре личности отмечают наличие психологических и физических признаков лица. Личность преступника также индивидуальна, как и личность любого человека, а индивидуальность каждой личности в основном выражается в ее психологических и физических признаках.

В связи с этим возникает важная как в наглядном, так и в практическом отношении задача выделения указанных социально значимых особенностей, свойств или характерных признаков личности преступника. Подход криминологов к данному вопросу довольно разнообразен.

Например, д.ю.н., профессор И. Ф. Кузнецова ведет речь о характеристике личности преступника, выделяя социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступников [116. с. 10]. В другой работе она говорит о системе личности преступника, в которую включает социально-демографическую, социально-ролевую (функциональную) и социально-психологическую подсистемы [117. с. 16].

В. С. Четвериков включает в нее следующие подсистемы (признаки): биофизиологические, социально-демографические,

психологические, нравственные, социально-ролевые, уголовно-правовые и криминологические [118. с. 58].

Другие ученые для этой цели используют понятие структуры личности преступника. Личность представляет собой не набор отдельных, изолированных свойств, а систему взаимосвязанных качеств, иерархию и определенное взаимодействие различных элементов, имеющих определенную структуру. В первом приближении личность может рассматриваться как структурная целостность биогенных, социогенных и психогенных компонентов, что дает основание для выделения биологической, социальной и психологической структур личности, изучаемых соответственно биологией, социологией и психологией.

Личностный подход в психологии основывается на том положении, что при объяснении любых психических явлений личность выступает как совокупность воедино связанных внутренних условий, через которые преломляются все внешние условия [119. с. 51—56].

А. И. Алексеев в структуру личности преступника включает следующие элементы:

1. *Социально-демографические признаки*: пол, возраст, социальное, семейное и должностное положение, профессиональная принадлежность, уровень материальной обеспеченности, наличие или отсутствие постоянного места жительства и др.

Уголовно-правовые признаки: данные о виде совершенного преступления, его мотивации, формах вины, единоличном или групповом характере преступной деятельности, уголовном прошлом и т.д. Можно сказать, что в этих признаках в личностном виде (в «привязке» к личности преступника) отражаются характеристики, свойства преступности, ее отдельных видов (групп), а также конкретных преступлений.

2. *Нравственные свойства и психологические особенности*. Эта группа признаков, нередко, подразделяется на подвиды, в частности выделяется потребностно-мотивационная сфера (потребности и влечения, интересы, мотивы), ценностно-нормативные характеристики сознания (взгляды, убеждения, ценностные ориентации) [120. с. 248]. Психологические особенности анализируются применительно к интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферам и т.д. [121. с. 84—91].

Некоторыми учеными в качестве самостоятельного элемента структуры личности преступника выделяются проявления в различных сферах общественной жизни.

Структура личности преступника должна соответствовать общей структуре личности, под которой он понимает соотношение основных сфер личности, формирующихся в конкретной деятельности и проявляющихся в ней:

а) потребностно-мотивационная сфера (мотивы, потребности, интересы);

б) ценностно-нормативная (ценностные ориентации, установки, нормы, убеждения);

в) функционально-ролевая (социальные позиции, статусы, роли, функции) [122. с. 5].

Иными словами, структура личности показывает нам ее срез в трех аспектах:

— психологический,

— социально-психологический;

— социологический.

Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что когда формулируются абстрактные понятия личности преступника или структуры личности преступника, то, как видно из вышеизложенного, эти понятия характеризуются довольно полно и разнопланово. При описании отдельных видов преступников раскрываются и отдельные специфические особенности.

Например, А. М. Абрамов отмечает, что при описании личности мошенников существенную роль играет ряд социально-демографических характеристик:

— соотношение места проживания преступников с местом совершения ими преступления;

— степень их социальной занятости;

— состояние рецидива совершения преступлений;

— поведенческая характеристика личности [123. с. 64].

Как справедливо отмечает Б. С. Волков, «процесс формирования личности — это процесс усвоения индивидом опыта общественной жизни». Аналогичной точки зрения придерживаются и другие специалисты. Мы также исходим из того, что понятие личности преступника нельзя рассматривать в отрыве от общесоциологического понятия человеческой личности. Формирование личности — сложный диалектический процесс, который включает в себя три основных элемента:

1) объективный, не зависящий ни от воспитателя, ни от воспитуемого, — это воздействие социально-исторического процесса развития общества, материальных и иных условий жизни человека;

2) сознательное, целенаправленное, более или менее систематическое воздействие на личность, рассчитанное на достижение определенного результата (личность с заранее заданными социальными качествами);

3) сама личность, ее социальная активность и собственная деятельность, направленная на формирование себя самой в соответствии с требованиями общества, коллектива [124. с. 6].

Изучение личностных особенностей любой категории преступников связано с установлением, прежде всего, их распределения по *половому (гендерному)* признаку. Выявление данных особенностей в данном случае представляет повышенный интерес еще и по той причине, что жертвами рассматриваемой категории преступлений являются женщины. Соответствующий анализ показал, что среди тех, кто совершает корыстно-насильственные преступления в отношении женщин, в двенадцать раз чаще встречаются мужчины, чем женщины.

Характерной чертой участия женщин в совершении этих преступлений является то, что почти все из них были признаны виновными в совершении насильственного грабежа. Подавляющее большинство преступниц никогда не были замужем, при совершении преступления находились в состоянии алкогольного опьянения, выполняя роль исполнителя, а сами преступления были совершены ими в вечернее или ночное время.

Небезынтересным обстоятельством также является то, что половина из всех рассматриваемых преступлений совершались женщинами в составе малочисленной (до 3 человек) преступной группы, лидером которой признавался мужчина. При этом, как следует из материалов уголовных дел, идея материального обогащения чаще всего принадлежала женщинам, хотя это и не было выражено в призывах совершить соответствующее преступление. Чаще всего, женщины выражали мнение относительно того, что «нужны деньги», «не на что выпить», «нужно срочно позвонить» и пр. В группах женщины также выполняли функции пособников, завлекали жертву в ловушку, помогали соучастникам скрыться с места происшествия, сбывали похищенное и т.д.

Проведенное исследование подтвердило известное мнение о том, что корыстно-насильственные преступления в основном совершаются лицами молодого возраста. Наивысшую криминогенную активность проявляют лица в возрасте от 18 до 24 лет (37 %). Можно выделить наиболее криминогенный возрастной

период — от 18 до 40 лет. По мнению социологов, человек только к 25 годам достигает полной социальной зрелости, обладая той степенью развития личности, которая характеризуется физической, психической и социальной зрелостью индивида.

Можно утверждать, что значительная часть лиц, совершивших грабежи, представляет собой полностью сформировавшиеся личности с явно выраженной антиобщественной установкой. Остальная часть преступников более молодого возраста хотя и имеют тенденции к преступной ориентации, однако способны измениться в лучшую сторону.

После 40 лет вероятность совершения корыстно-насильственных преступлений в отношении женщин падает и становится минимальной к 50 годам. Такое неравномерное распределение преступников в возрастном отношении вызвано не только специфическими особенностями самого преступления, но и характером данных деяний. Часто рассматриваемые преступления совершают лица, склонные действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций. Они редко обдумывают свои поступки, быстро и непосредственно реагируют, хотя затем раскаиваются в совершенных преступных деяниях.

Существенное влияние на поведение личности оказывает ее *семейный статус*, наличие супружеских конфликтов, нравственно-психологический климат в семье, что вполне согласуется с мнением специалистов, изучавших влияние семьи на стремление совершать преступления [125. с. 124—132]. Поэтому семейное положение занимает важное место среди остальных социально-демографических признаков личности преступника. Криминогенная атмосфера в семье, неправильные условия воспитания могут стать, как известно, первоначальным этапом в формировании личности преступника [126. с. 45]. Благополучная семья несет ряд положительных моментов, являясь мощным фактором, сдерживающим преступления.

Изучение уголовных дел позволило выявить следующую картину семейного положения преступников, совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин: 81,2 % осуждаемых на момент совершения преступления были холосты (не замужем), каждый десятый — имел собственную семью (в том числе 2 % — детей).

Иначе говоря, наиболее вероятно ожидать корыстно-насильственного преступления в отношении женщин можно от тех, кто не связан семейными узами, не имеет жены (мужа) и детей.

Другим важным элементом, характеризующим личность, является **уровень имеющегося образования**.

Получение образования неразрывно связано с культурно-нравственными установками и принципами личности, на базе которых формируются основные интересы, стремления, корректируются желания и потребности. Это, несомненно, связано с развитием или формированием чувства ответственности за свои поступки, возникновением чувства долга, уважительного отношения к закону и другому человеку. Конечно, далеко не всегда высокий уровень образованности соответствует высокой нравственности, однако, как нам кажется, способность лица оценить самого себя как образованную личность, несомненно, препятствует формированию негативного поведения. Образованность способствует расширению выбора вариантов поведения человека в экстремальных ситуациях, что помогает избежать проявлений импульсивного характера под воздействием сложившихся обстоятельств.

Более половины совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин имели неоконченное среднее или среднее образование, значительно реже — среднее специальное; высшее образование имели менее 1 % преступников. Как показало исследование, у большинства изученных преступников отсутствовало желание повысить свой культурный и образовательный уровни.

Приведенные распределения вполне закономерно предопределили род занятий рассматриваемой категории осужденных, который, как известно, напрямую связан с имеющимся у того или иного человека образовательного уровня. Исследование показало, что подавляющее большинство осужденных за корыстно-насильственные преступления на период, когда они совершили преступление, являлись лицами без определенного рода занятий, в том числе безработными. На втором (по численности) месте находятся те, кто был занят производственной деятельностью, на третьем — учащиеся, на четвертом — служащие и т.д.

Характерной особенностью тех, кто работал, является наличие у них профессии невысокой квалификации (они имели среднее профессиональное образование), часто меняли место работы. Выборочное установление размера общего рабочего стажа у этих лиц показало, что в среднем в три раза меньше того, каким они могли бы обладать (с учетом возраста и времени получения

профессионального образования). Причиной таких различий явилось как отсутствие большого стремления к занятию общественно полезным трудом, так и малые возможности найти работу, соответствующую характеру полученного образования: многие из предприятий, где работала исследуемая категория лиц, по различным причинам прекратили свое существование.

Род занятий тех, кто не был занят постоянным общественно полезным трудом, в основном был связан с разовыми заработками без оформления документов, отражающих их трудовую деятельность, а также досугом, который сопровождался активным злоупотреблением спиртными напитками, а также наркотиками.

Настораживающим моментом является то, что каждый пятый, совершивший грабеж или разбой, когда-либо состоял на учете в полиции, каждый десятый состоял на учете на момент совершения преступления. Это позволяет говорить о недостаточности контроля со стороны уполномоченных должностных лиц, а также слабого позитивного влияния на виновных со стороны педагогов (в отношении несовершеннолетних), родителей, а также родственников, которые прямо либо косвенно знали о характере времяпровождения исследуемых.

Таким образом, при прогнозировании любого из корыстно-насильственных преступлений, которые могут быть совершены в отношении женщин, наиболее вероятно ожидать его со стороны тех, кто лишился работы либо сам не желает заниматься общественно полезным трудом в любой из его форм (производственная деятельность, учеба, служба и пр.).

Важное место в характеристике личности преступника отводится его социальному положению. Это позволяет выявить структурный состав преступников по роду занятий, определить, в каких социальных слоях наиболее высока концентрация криминогенных лиц. Полученные результаты могут быть весьма полезными в подготовке предупредительных мероприятий. При этом необходимо учитывать культурный уровень, потребности, интересы преступника и многое другое.

Не вызывает сомнений, что поведение людей взаимосвязано с тем социальным положением, которое они занимают в обществе. Речь идет о субъективном восприятии личностью своей конкретной социальной роли и предъявляемых к ней ожиданий. Неудовлетворение собой, внутренний дискомфорт, противоречия

между самооценкой и оценкой окружающих, ведет к неприятию и боязни среды, к повышенной тревожности и обеспокоенности. Подобные ощущения приводят к эмоциональному срыву, нередко, его выражением становится преступление. Исследование показало, что половина преступников ранее отбывали наказание, из них подавляющая часть — за совершение тяжких преступлений.

Что касается уровня материальной обеспеченности преступников, то он (ввиду отсутствия у большинства постоянных источников дохода) был не высок. Тем не менее, как удалось установить, лишь единицы признанных виновными стояли на соответствующем учете в службе занятости как безработные. Из материалов уголовных дел можно установить, что лишь малая часть осужденных при нахождении на свободе постоянно голодали, тогда как при этом постоянно употребляли алкогольные напитки, а некоторые — наркотические средства. Более того, некоторые имели в собственности или в пользовании по доверенности автотранспортные средства, иногда посещали бары, закусочные, столовые и даже дорогие рестораны.

В процессе исследования мест и условий проживания осужденных было установлено, что основная масса преступников располагается возле центральных районов города, досуговых центров, торговых объектов, промышленных предприятий, промышленных зон и так называемых «спальных районов». Установлено, что в местах компактного и массового жительства рабочих, крестьян, т.е. на территориях, прилегающих к вокзалам, заводам, фабрикам, сельскохозяйственным предприятиям, проживала основная масса виновных. В районах с улучшенной планировкой, либо в центре города, либо в частных домовладениях с большой жилой площадью проживало лишь 12 % осужденных. Оставшиеся проживали в частном доме, общежитии.

В целом, на процесс мотивации грабежей, особенно на групповую мотивацию, решающее влияние оказали такие негативные черты, как паразитизм и негативизм. Эти черты присущи грабителям несовершеннолетнего возраста. Искаженные потребности в общении, аморальное проведение досуга, стремление утвердиться в группе с противоправной ориентацией в сочетании с извращенным пониманием эталона мужественности — все это создает почву для групповой, преступной деятельности несовершеннолетних.

Следует сказать еще об одной особенности поведения грабителей. Весьма значительное число этой категории преступников систематически употребляют алкогольные напитки. В состоянии алкогольного опьянения преступление совершили 73 % преступников. Стремление добыть деньги на спиртное или на удовлетворение других негативных потребностей было особенно характерным [127. с. 66]. Одна из характерных особенностей лиц, совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин, — это стремление к паразитическому образу жизни, отсутствие какой-либо определенной профессии, постоянного места работы, определенного места проживания.

Как отмечалось выше, для лиц, совершающих рассматриваемые деяния, характерно стремление к совместным действиям. В связи с этим следует сказать, что важное положение занимают социально-психологические мотивы, выражающиеся в стремлении утвердить себя в неформальной социальной среде, в преступной группе.

Мотив утверждения в социальной группе присущ и несовершеннолетним. В последнее время прослеживается тенденция к омоложению преступников, совершающих умышленные преступления. Некоторые исследователи считают, что несовершеннолетние налетчики чаще всего совершают преступления не столько из корысти, сколько по «детским» мотивам, из озорства или любопытства либо по мотивам самоутверждения (заработать авторитет среди сверстников, продемонстрировать свою ловкость и силу), либо в целях приобретения престижных вещей, модной одежды [128. с. 308].

Грабительский «вкус» у несовершеннолетних преступников существенно не поменялся. Как и 10 лет назад основными предметами посягательств для них служит импортная одежда, радио- и видеоаппаратура, музыкальные инструменты, вино-водочные и табачные изделия, деньги, сотовые телефоны, изделия из драгоценных металлов, валюта. Это свидетельствует о повышенной общественной опасности и об отсутствии сдерживающих начал у этой категории преступников.

Для полноты портрета грабителя важны и другие, характеризующие его аспекты. Важную криминологическую информацию содержат данные о ролях, распределенных между соучастниками и иные данные, которые могут пополнить наши представления о личности преступника. Оценка обстоятельств совершения

грабежей может быть более глубокой, если провести социально-психологический анализ всего события в целом. Исследование, опирающееся на знание закономерностей групповой психологии, должно охватывать изучение роли каждого из участников преступления и отношений между ними. Обычно знание внутригрупповых отношений, имевших место до начала грабежа, нужно по той причине, что выполнявшиеся в предпреступный период роли почти полностью совпадают с теми, которые исполняются соучастниками во время совершения преступного посягательства [129. с. 91—92].

Как подчеркивают Ю. М. Антонян и В. В. Гульдан, наличие психических аномалий предопределяет особенности реагирования на конкретные жизненные ситуации. Поводами, ускоряющими преступные действия, могут выступать ничтожные обстоятельства, которые другими людьми обычно не принимаются во внимание [130. с. 56]. В основной своей массе преступники не испытывают чувство вины за содеянное, сознавая при этом, что они нарушили уголовный закон [131. с. 121]. Им чуждо раскаяние, истинное признание вины — явление чрезвычайно редкое. Тем не менее, в ходе следствия или в стадии судебного разбирательства обвиняемые, нередко, признают себя виновными, чаще всего в надежде на смягчение наказания. Исследование показало, что только 24 % осужденных за грабежи сожалеют и раскаиваются в содеянном, хотя их раскаяние скорее формальное признание фактических обстоятельств события с оттенком сожаления о неблагоприятных последствиях. Они далеки от истинного покаяния и не считают себя виновными в полном смысле этого слова.

Остальная часть преступников безразличны к своему поведению, не признают вину или признают ее частично, оправдывая свое поведение объективными обстоятельствами, действиями или личностью потерпевшего. Однако, даже в том случае, когда лицо осуждает свои действия, оно в то же время полностью отвергает корыстный характер своего деяния, объясняя собственное поведение желанием напугать жертву либо проучить ее за дерзкое или демонстративное поведение.

Как показало исследование, группу лиц, осужденных за корыстно-насильственные преступления, отличают отрицательные и социально неодобряемые черты характера; положительные черты характера присутствуют в значительно меньшей степени. Почти у каждого третьего исследуемого отмечалось преоблада-

ние злобности, наглости; у каждого пятого — жадность, цинизм, эгоизм, мстительность, а также такие затрудняющие социальное общение черты, как эмоциональная неустойчивость и высокомерие.

Из социально одобряемых и положительных черт наиболее распространена общительность, только у каждого восьмого проявлялась доброта, доверчивость, бескорыстие. Приведенные данные свидетельствуют об отрицательных (нежелательных) индивидуальных особенностях многих обследуемых, серьезных упущениях в их нравственном воспитании.

Характерологические особенности отдельных разновидностей лиц исследуемой группы отличались следующими показателями: среди возрастной группы 20—25 лет чаще отмечались смелость, агрессивность, цинизм, эгоизм, мстительность, общительность. У лиц возрастной группы от 16 до 19 лет — грубость, лживость, лень, эмоциональная неустойчивость, замкнутость, доверчивость, жадность.

Исследование показывает, что в структуре интересов сферы изучаемой группы ведущая роль принадлежит элементарным потребностям (еда, секс). Для подавляющего большинства характерно наличие духовной бедности и извращенных потребностей, выражающихся в алкогольной и наркотической зависимости, в «праздном образе» жизни. Анализ собранных данных показал, что к наиболее распространенным видам антиобщественного поведения изученных лиц до совершения преступлений относилось: систематическое пьянство, наркомания, совершение преступлений, не повлекших уголовной ответственности или уголовного наказания, мелкое хулиганство, иные нарушения общественного порядка

Характерно, что редкий грабитель или разбойник обладает низким уровнем самооценки — у большинства она существенно завышена, уровень притязаний гораздо выше и способностей, и возможностей, которые виновный может достичь в процессе правомерной деятельности. Можно сказать, что совершение грабежа или разбоя в отношении женщин служило своеобразной формой удовлетворения своих личных амбиций, позволяло приобрести психологическую уверенность. Феноменизирующим признаком последней являлось, в частности, избивание женщины-жертвы корыстно-насильственного посягательства.

Изучение личности преступников, совершающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин, было

неполным без учета их уголовно-правовой характеристики, которая в первую очередь предполагает получение сведений о наличии у них *судимости*. Соответствующий анализ показал, что большая часть интересующей нас категории граждан систематически совершали однородные преступления, не попадая в поле зрения правоохранительных органов.

Следует заметить среди тех, кто не в первый раз был привлечен к уголовной ответственности за совершение рассматриваемой группы посягательств, большая часть ранее привлекалась к ответственности за корыстные либо насильственные преступления, а также за корыстно-насильственные посягательства. Можно, таким образом, говорить о том, что у многих осужденных за грабежи и разбои «корни» их преступного поведения находятся в предыдущей преступной деятельности, которая могла иметь как корыстную, так и насильственную направленность. Именно такие лица посягают на женщин, лишая их имущества и причиня моральные и физические страдания.

2.3. Личностные особенности женщин, в отношении которых совершаются корыстно-насильственные посягательства

К настоящему времени уже сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что знания о личностных качествах потерпевших не менее важны, чем аналогичные знания о преступнике. Всестороннее изучение личности жертвы, играющей важную роль в механизме корыстно-насильственных посягательств, позволяет лучше понять природу совершенного преступления, определить справедливую меру ответственности виновного в преступлении, а также установить причины и условия, способствовавшие его совершению [132. с. 8]. Без учета сведений о жертве преступления, значительной доли преступлений, трудно добиться успеха в решении не только теоретических, но и сугубо практических задач по предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений, индивидуализации наказания в процессе его назначения и последующего исполнения.

Что касается понятия «жертвы», то анализ соответствующих законодательных и научных источников позволяет прийти к вы-

воду, что оно является весьма емким и имеет множество значений. Например, в п. 1—2 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» под «жертвой» признается лицо, которому индивидуально или коллективно причинен вред, включая телесные повреждения и моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление основных прав в результате действия или бездействия, независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой [133. с. 6]. В данное понятие включаются близкие родственники непосредственной жертвы, а также лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам.

Изучая человека, которому преступлением причинен физический, имущественный или материальный вред, многие ученые-юристы говорят о «жертве» в виктимологическом аспекте, как о лице, пострадавшем от неправомерных действий других лиц, собственного поведения, отрицательных жизненных обстоятельств либо несчастного случая, которому причинен экономический, социальный, телесный, психологический и моральный вред, как непосредственный, так и отдаленный. Применительно к жертве преступлений также используются иные юридические понятия, такие как: «потерпевший от преступления» [134. с. 71] и «пострадавший от преступления» [135. с. 34].

Уголовно-правовой аспект признания лица пострадавшим существует независимо от его процессуального закрепления и определяется фактом причинения вреда одним индивидом другому.

Обязательными условиями для признания лица пострадавшим должны быть:

- а) наличие общественно опасного деяния;
- б) наступление последствий в виде вреда (материального, физического, морального или иного);
- в) причинно-следственная связь между деянием и наступившим последствием.

Таким образом, представляется обоснованным признание пострадавшим лица, которому причинены моральный, физический, имущественный вред, эмоциональные страдания, либо имел место существенное ущемление его основных прав и свобод.

В отличие от понятия «пострадавший» понятие «потерпевший» имеет уголовно-процессуальное и, в зависимости от правовых последствий правонарушения, гражданско-процессуальное и административно-процессуальное значение.

В ч. 1 ст. 12 УПК РК указывается, что «орган, ведущий уголовный процесс, обязан охранять права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе, создавать условия для их осуществления, принимать своевременные меры к удовлетворению законных требований участников процесса [136. с. 7]. Термин «потерпевший» упоминается в УПК РК в ст.ст. 15, 33, 34, 36, 38, 75, 119, 214, 237—239, 244 и др.

С вступлением в действие в 2000 г. нового Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях несколько расширилось применение понятия «потерпевший» и в административном праве.

Так, ранее в данной отрасли права (КоАП КазССР) оно упоминалось лишь в ст. 25 и ст. 34. В новом же Кодексе оно используется чаще (ст. 585, ст. 593, ст. 603 и ст. 658). Этот факт указывает на то, что законодатель значительно больше внимания стал уделять потерпевшему как участнику уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях, расширяя его права и обязанности. Понятие «потерпевший» упоминается также в ст.ст. 9—10 и ст. 18 ГК РК, а также в ст. 53 УК РК, ст. 67 УК РК, ст.ст. 352—354 УК РК, ст. 356 УК РК.

Появление жертвы преступления по общему правилу предшествует появлению потерпевшего, поскольку возникновение данной процессуальной фигуры в уголовном судопроизводстве связано с особым постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. К примеру, ст. 75 УПК РК (1997 г.) определяет потерпевшего как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании гражданина потерпевшим оформляется в виде мотивированного постановления следователя (дознавателя), судьи. В данном случае «потерпевший» как физическое, так и в определенных случаях — юридическое лицо выступает в качестве категории процессуальной с присущими ему правами. В случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель (ч. 12 ст. 75 УПК РК). Лицо, признанное потерпевшим от преступления, в соответствии с новым УПК РК, наравне с правами (такими, как право давать показания по делу

на родном языке, иметь представителя, знать о предъявленном обвиняемому обвинении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, проводимых по его ходатайствам, знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела, участвовать в судебном разбирательстве дела в суде первой инстанции и в заседаниях судов вышестоящих инстанций, приносить жалобы на действия дознавателя, следователя, прокурора, суда, знакомиться с протоколами судебного заседания и подавать на него возражения, обжаловать приговор суда), несет ответственность и осуществляет ряд обязанностей (являться по вызову в правоохранительные органы, давать показания по уголовному делу). За отказ или за дачу ложных показаний потерпевший в соответствии со ст. 352 и ст. 353 УК РК может быть подвергнут уголовному преследованию. Наравне с этим, УПК РК (ч. 2 ст. 115 УПК РК) допускает в качестве доказательств показания потерпевшего, который, в свою очередь, может быть допрошен (ст. 119 УПК РК) о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в т.ч. о своих взаимоотношениях с подозреваемым (обвиняемым).

Довольно активное развитие в нашей стране получила виктимология — наука о жертве («*viktima*» — *жертва* и «*logos*» — *учение*), которая преимущественно занята познанием особенностей лиц, пострадавших от преступных посягательств. В категорию жертв, нередко, попадают лица, которые, имея дома значительные материальные ценности, злоупотребляют спиртными напитками и на этом основании их квартиру посещают посторонние лица.

Если говорить об образовательном уровне потерпевших, то он незначительно выше образовательного уровня преступников. В возрасте 25—29 лет жертвами грабежей стали 33,3 % лиц. Менее виктимными являются лица в возрасте от 13 до 17 лет и от 18 до 24 лет.

Взаимоотношение жертвы с преступником характеризуется различными ситуациями, предшествующими совершению преступления. Незнакомыми с преступником на момент совершения преступления были 94,6 % жертв преступлений. При этом корыстно-насильственные преступления совершались с использованием незначительного повода и при сложившейся неблагоприятной ситуации, способствующей такому посягательству.

Проведенный выше анализ позволяет выделить несколько категорий жертв корыстно-насильственных посягательств.

Первую группу составляют лица из так называемых **«маргинальных групп»**, психологически готовых к совершению преступлений и поведение которых способствует осуществлению по отношению к ним преступного посягательства. Поведение инициативных жертв чаще всего носит положительный характер, хотя и не исключает совершения в отношении их посягательства. Активные жертвы могут быть охарактеризованы как люди, поведение которых указывало на активное принятие мер по защите своего имущества (установка охранных систем, сигнализации, укрепление дверей, окон и т.п.). Кроме того, такие женщины стараются следить и за своей физической подготовленностью, что позволяет им в случае необходимости оказать отпор нападающим.

Еще одна категория жертв — **небрежные**. В. И. Полубинский характеризует подобное поведение жертвы как пассивную форму провокации, выражающуюся в небрежных, неосторожных действиях потенциальной жертвы создающей благоприятную возможность для совершения преступником противоправных деяний, не принимающих надлежащих мер предосторожности и др. [137. с. 467—468].

Судя по ответам, 37 % осужденных при осуществлении своих преступных замыслов надеялись или даже были уверены в том, что их жертвы не будут обращаться за помощью в правоохранительные органы, еще 10 % из них надеялись или были уверены в том, что их просто не смогут найти после завершения противоправного акта.

В ходе исследования было выявлено, что потерпевшие после совершения в отношении их действий криминального характера, как правило, несвоевременно обращаются или вообще не обращаются в полицию с сообщением о совершенном преступлении. Так, только 15 % опрошенных работников правоохранительных органов указали, исходя из практических наблюдений, что пострадавшие обращаются в органы охраны правопорядка немедленно после совершения в отношении их преступных действий, 65 % — отметили, что пострадавшие заявляют о происшедшем в течение суток, а еще 20 % — что потерпевшие оттягивают момент информирования правоохранительных органов о факте преступного посягательства до двух суток, недели и более.

Каждый второй из респондентов, заявивших, что за последнее полгода они сами либо члены их семьи подвергались какому-либо преступным посягательствам, в правоохранительные органы по данному поводу не обращался. Этих пострадавших следует отнести к разряду латентных жертв. Удельный вес (51 %) последних является высоким показателем латентности, с учетом которой следует определять общий уровень виктимизации населения.

Характеризуя личность потерпевших от корыстно-насильственных посягательств, нельзя не заметить, что особыми личными данными эти женщины не обладали, но в их поведении было то, что в значительной мере повлияло на их виктимизацию. Речь, главным образом, идет о том, что данные люди обращали на себя внимание грабителей и разбойников своим внешним видом (богатая одежда, дорогая парфюмерия, наличие сотового телефона, дорогой сумочки), а также неосторожным поведением в криминогенных ситуациях (в одиночку шли в ночное время по темной улице, заходили в неосвещенные подъезды, долгое время стояли на остановках общественного транспорта, несли с собой объемные пакеты с вещами или продуктами, носили обувь на высоком каблуке, затрудняющем передвижение и пр.).

Лишь в 5 % из изученных нами случаев совершения корыстно-насильственных посягательств за пределами жилых зданий вышеуказанные признаки поведения были безразличны для грабителей и разбойников.

Что же касается жилых помещений, которые подвергаются ограблению либо разбойному нападению, то в данном случае определяющим обстоятельством служат свойства объекта посягательства (его защищенность, наличие требуемого имущества, по возможности, отсутствие жертвы посягательства и пр.). Анализ этих особенностей в значительной мере посвящен следующий раздел работы.

РАЗДЕЛ 3.

Проблемы политико-правовой и социально-экономической защиты женщин от корыстно-насильственных посягательств

3.1. Факторы, детерминирующие совершение корыстно-насильственных преступлений в отношении женщин

Исходя из теории детерминизма, всякое явление детерминировано, то есть его существование так или иначе взаимосвязано с существованием других явлений, которые находятся с ним в определенном взаимоотношении [138. с. 70]. Характер этих отношений находится в диапазоне от рождения до уничтожения, за исключением тех случаев, когда связь между явлениями отсутствует. С позиций статистики в таких случаях имеет место корреляция, наличие которой является основой для установления наиболее важного вида связи между причинно-следственными явлениями.

Взаимоотношение причины и следствия обычно рассматривается, прежде всего, с точки зрения их временной последовательности. Положение о том, что причина во времени предшествует следствию — не вся истина, а лишь часть ее. Другая часть истины заключается в том, что причина может существовать как причина лишь одновременно со своим следствием — пока нет следствия, причина не является действительной причиной. Нельзя, например, называть преступниками тех, кто не совершил ни одного преступления, кто обоснованно не признан виновным в его совершении. Следствие делает причину именно причиной, т.е. между ними всегда существует взаимодействие. Таким образом, причина присутствует как причина лишь одновременно со своим следствием, а в следствии есть то, что раньше было в причине и в то же время следствие есть нечто новое по отношению к самой причине.

Любое следствие является результатом многих обстоятельств. Правда, не все они играют одинаковую роль. Одни из них создают лишь реальную возможность появления следствия, а другие активно превращают возможность появления следствия в действительное следствие. Поэтому первые рассматриваются как условия, а вторые как причина. Причину следует отличать от повода, представляющего собой какое-либо внешнее обстоятельство, помогающее развязать действие причины. В этом смысле повод — случайность. Следствие не может быть случайным по отношению к причине, поэтому характер следствия в одинаковых условиях с необходимостью определяется характером причины. Характер следствия, в разных условиях, вызываемого одной и той же причиной, будет определяться характером условий.

Криминологи, говоря о причинах и условиях преступности, используют такие понятия, как «детерминанты преступности» и «криминогенные факторы и ситуации», охватывающие эти причины и условия и определяющие те явления и процессы, которые представляют собой ее истоки, корни [139. с. 58—91].

Основываясь на таком представлении о детерминантах преступности, криминологи выделяют широкую группу факторов, существенно влияющих на состояние и тенденции преступности:

- демографические;
- экономические;
- факторы, характеризующие уровень жизни;
- идеологические;
- психологические;
- внутренние закономерности преступности как социального явления (речь идет, в частности, об увеличении доли корыстно-насильственных преступлений, криминализации ряда отраслей бизнеса и т.д.);
- возможности общества по выделению сил и средств на борьбу с преступностью, а также статус участников этой борьбы [140. с. 71].

Система факторов, детерминирующих корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении женщин, чрезвычайно сложна.

Механизм их влияния на преступность также очень сложен, что, однако, не исключает возможности выделения трех групп факторов: криминогенных, виктимогенных и антикриминогенных.

По своему характеру среди криминогенных детерминантов особо выделяются причины и условия преступности в целом (общие причины), причины и условия видов преступности и групп преступлений, причины и условия совершения отдельных (конкретных) преступлений.

Под причиной понимается явление (или совокупность взаимосвязанных явлений), которое порождает преступность как следствие. По мнению криминологов, «не существует какой-то общей, основной, главной причины, которая исчерпывающе объясняет происхождение преступности в конкретных условиях во всем ее разнообразии» [141. с. 78—79]. Таковыми являются противоречия во всех сферах общественной жизни: политической, социальной, экономической, правовой и др.

Непосредственные причины и истоки виновного поведения преступников находятся в конкретной личности, совершающей преступление. В противном случае отсутствуют основания вменения вины и, соответственно, совершенное деяние не может рассматриваться как преступление. Другими словами, никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не стали внутренними детерминантами человеческой деятельности. Иначе человек не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как является лишь пассивным звеном в причинной цепочке, игрушкой в роковом сцеплении внешних сил и обстоятельств, приведших к отрицательным последствиям [142. с. 180].

В юридической литературе подчеркивается, что причиной преступления служит субъективный фактор — дефекты психологии индивидуумов, социальных общностей, а социальные факторы, обуславливающие формирование криминогенной психологии, выступают как условие преступности [143. с. 330]. Другими словами, причина создает возможность определенного следствия, для наступления которого необходимы условия, выступающие как социальное явление, которое хотя и не порождает другое явление, но в той или иной степени способствует его порождению и существованию.

Среди криминогенных детерминант особо выделяются причины и условия преступности в целом (общие причины), причины и условия видов преступности и групп преступлений, причины и условия совершения отдельных (конкретных) преступлений. По мнению криминологов, «не существует какой-то общей,

основной, главной причины, которая исчерпывающе объясняет происхождение преступности в конкретных условиях во всем ее разнообразии» [144. с. 394].

Одно из первых мест в системе факторов, порождающих корыстно-насильственные преступления в отношении женщин, должно быть отведено *причинам экономического характера*. Существующие в обществе противоречия, связанные с распределением материальных благ и расслоением на этой почве различных групп населения, служат благодатной почвой для корыстно-насильственных посягательств. Законно приобретенное имущество, как правило, является результатом общественно полезной деятельности людей. Но желание владеть собственностью возникает и у тех, кто не принимает участия в ее создании законным путем. Неспособность человека завладеть желаемым имуществом законным путем приводит его на путь преступления, если нет возможности противостоять этому противоречию. Возникает конфликт между объективно существующим материальным миром и субъективными качествами отдельного человека, индивидуума, о которых будет сказано ниже. Что же касается экономической стороны этого вопроса, то в результате нашего исследования выяснилось, что многие лица, совершающие грабежи и разбои, находились на такой стадии материального состояния, что это заставляло их идти на совершение тяжкого преступления для получения средств к существованию. Ведь основная их часть не имела постоянного места работы. Источником для существования стало совершение преступлений.

Н. Н. Геденов в начале века писал, что «во всех случаях краж и грабежей доминирующая роль принадлежит факторам чисто экономического характера... Все прочие факторы преступности, как социального, так и биологического характера, являются ничем иным, как отражением могучего и всепоглощающего экономического фактора» [145. с. 7].

С указанным положением можно согласиться в полной мере.

В середине 60-х годов нынешнего века отечественная криминология предполагала только изучение конкретных причин, способствующих совершению преступлений, что вызвало вполне обоснованную критику со стороны отдельных специалистов. В частности, профессор Н. А. Стручков писал, что «...преступность лишь в главном, в основном, в конечном итоге обусловлена определенными причинами. Между тем, действие этих причин

зависит от целого ряда обстоятельств...» [146. с. 83]. Относительно недавно такая позиция стала общепризнанной, и в учебниках говорится, что криминология изучает причины преступности и условия, ей способствующие. Н. Ф. Кузнецова указывает, что причины и условия объединяются родовым понятием «криминогенные детерминанты».

Рассматривая *недостаточную эффективность деятельности органов внутренних дел* по предупреждению и раскрытию корыстно- насильственных преступлений, следует оговориться, что не всегда эта деятельность может быть условием совершения преступления, и не всегда возможно обнаружить зависимость данного условия с теми последствиями, которые оно за собой влечет. Непринятие мер по нейтрализации причин и условий совершения преступлений, отсутствие должного контроля за лицами, склонными к антиобщественной деятельности, недостатки в ходе ведения следствия выступают в качестве обстоятельств, способствующих совершению преступлений, обусловленных несовершенством работы ГОРРАЙОВД. На недостаточно высоком уровне остается оперативное обслуживание мест сбыта похищенного, концентрации криминогенного элемента и возможного совершения преступлений. В снижении активности и наступательности ОРМ, утрате профессионализма и творчества в работе аппаратов криминальной полиции не последнюю роль играют социально-правовая незащищенность работников полиции, слабая материально-техническая база органов внутренних дел и, как следствие, текучесть кадров, утрата профессионального ядра, непомерно возросшие нормы нагрузок на оперативный состав.

Среди условий, влияющих на рост преступлений, немаловажное место занимают низкие результаты их *раскрываемости*. Безнаказанность показывает профессиональную беспомощность правоохранительных органов и служит причиной утраты к ним доверия значительной части населения. Вследствие этого нарушается крайне необходимая органам внутренних дел связь с населением в процессе борьбы с преступностью, что также осложняет оперативную обстановку.

Виктимогенные факторы — это факторы, которые обуславливают то, что жертвой корыстно-насильственных преступлений становятся женщины. Эти факторы непосредственно связаны с причинами этих преступлений, зачастую являются произ-

водными от них, что свидетельствует о близости этих явлений. Факторы корыстно-насильственной преступности определяются территориальными условиями, структурой населенных пунктов, взаимоотношениями между различными слоями и группами населения, существующей системой виктимологической профилактики, криминогенной ситуацией.

Анализируя вопросы виктимологической характеристики корыстных и корыстно-насильственных преступлений, мы указывали, что лицо становится жертвой преступления не только под воздействием виктимогенных факторов, но и в результате сложившейся на этот момент виктимогенной ситуации, которая протекает в определенном месте и времени.

Исходной позицией в формировании криминогенной ситуации является поведение лица в сложившейся обстановке, его взаимодействие с личностью преступника. Виктимогенная ситуация является сходной с криминогенной и жизненной. Наибольший интерес представляет выработанное психологической и юридической науками понятие конкретной жизненной ситуации, под которой подразумевается определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент [147. с. 27—28]. В криминологическом смысле — это событие или состояние, которое приводит к преступному результату вследствие умысла или неосторожности. Таким образом, ситуация всегда предшествует преступлению.

Содержание жизненной ситуации наряду с объективными элементами охватывает и ее субъективные стороны. При исследовании на уровне конкретных видов преступлений выделяется ограниченный круг значимых обстоятельств, охватывающих наиболее типичные жизненные ситуации. Объективное ядро любых ситуаций, как полагают некоторые криминологи, в качестве постоянных величин составляют следующие пять элементов:

- 1) предмет преступного посягательства;
- 2) место совершения преступления;
- 3) время суток;
- 4) время года;
- 5) климатические условия [148. с. 38].

Виктимогенной ситуации может предшествовать проблемная ситуация, которая рассматривается как совокупность обстоятельств, требующих незамедлительного принятия решения. Та-

кое решение как выход из создавшейся ситуации может быть как правомерным, так и преступным, что во многом определяется правосознанием личности и поведением жертвы. Характеристика возникающей связи «ситуация — жертва», имеет большое значение для установления причин преступления как фактор, неразрывно связанный с человеческим сознанием.

Применительно к виктимологическому аспекту исследования выделяются следующие ситуации:

- личностные особенности потерпевших;
- характер их взаимоотношений с преступником;
- поведение потерпевшего.

В условиях обострения социально-экономической и политической обстановки в стране в целом, в отдельных ее регионах отмечается рост уличной корыстно-насильственной преступности. Это обуславливает необходимость осуществления дальнейших исследований причинных зависимостей преступности в связи с происходящими в обществе изменениями.

Таким образом, к числу факторов, относящихся к причинному комплексу, способствующему совершению уличных корыстно-насильственных преступлений, относится и виктимное поведение жертв. Анализ такого поведения потерпевших позволяет более глубоко разобраться в том, почему совершаются преступления в сфере уличного пространства, какие лица чаще становятся жертвами этих преступлений, каков механизм отношений «преступник-жертва», и на этой основе выработать меры виктимологической профилактики. Поэтому представляется вполне обоснованным посвящение этому вопросу самостоятельного подраздела в данной работе.

На качественный характер уличной корыстно-насильственной преступности оказывает влияние снижение порога моральных и нравственных ценностей, маргинализация определенной части населения, рост числа стрессовых ситуаций, ослабление различных форм социального контроля, негативное влияние социальной среды. Под воздействием объективно сложившихся и других социальных противоречий создаются условия для формирования и действия самых разнообразных внутренних мотивов к совершению уличного насилия: корысть, стремление к удовлетворению своих внутренних потребностей, стремление к самоутверждению любыми способами и т.д.

Для большого количества людей стало обычным делом решать межличностные конфликты насильственным путем, без

обращения к соответствующим правоохранительным органам и предусмотренным законом процедурам. Это подтверждают и результаты проведенного нами опроса населения. Так, на вопрос: «К кому вы обратитесь за помощью, если возникнет угроза вашей безопасности на улице?», только 39 % опрошенных граждан выбрали полицию. Другие в такой ситуации будут решать проблему самостоятельно — 34 %, обратятся за помощью к прохожим, знакомым, друзьям или родственникам — 15 %, попробуют использовать для предотвращения угрозы иные меры — 12 % [149. с. 78—79].

Межличностные конфликты в сфере уличного пространства, возникающие на почве неудовлетворительного социального бытия человека и отношений, складывающихся вследствие этого, опасны тем, что возникают неожиданно, но как результат накопления недовольства в течение длительного периода времени, и потому трудно распознаваемы и тем более предупреждаемы, что приводит, в конечном счете, к насильственному преступлению. То, что мы называем стрессами, возникает, как правило, именно на почве неудовлетворенности социальным бытием. Очевидно, что микросоциальные и межличностные конфликты есть выражение негативного течения социальной жизни людей, и именно в ней и в этих конфликтах коренятся причины значительного % уличных корыстно-насильственных посягательств.

Разнообразные межгрупповые и внутригрупповые отношения, складывающиеся между людьми в их ближайшем социальном окружении, межличностные отношения, включающие отношения в семье, между близкими и знакомыми, нередко приводят к столкновению между ними на почве их интересов и устремлений, в конечном итоге, нередко, выливаются в острые конфликты, которые также служат питательной средой и стимулом к уличному насильственному посягательству.

Причины уличных корыстно-насильственных деяний, как нам представляется, следует искать и в социально-экономических отношениях, так как противоречия, связанные с несбалансированностью хозяйственного механизма, пороками и недостатками экономического планирования, а также системой распределительных отношений и проблемой дефицита денежных средств, находят свое отражение и в преступных проявлениях на улицах городов. Экономические отношения затрагивают практически каждого члена нашего общества. А общество, в котором грубо

нарушаются права человека, расплачивается быстрым ростом и крайними проявлениями преступности, в том числе и на улице. Следует отметить, что экономические причины повлияли на сближение корыстной и корыстно-насильственной мотивации уличных посягательств. Так, если раньше уличные грабежи и разбои чаще всего совершались, например, с целью приобретения спиртного, о чем свидетельствует анализ уголовных дел, то в настоящее время похищаемые предметы для преступников представляют самостоятельную ценность, в основном это «фирменные» носильные вещи и аудио-, видео- и телевизионная техника.

В обществе за последнее десятилетие произошло снижение денежных доходов у широких слоев населения, с одной стороны, а с другой — значительные денежные средства и материальные ценности сконцентрировались у сравнительно небольшой его части. Это еще больше обостряет криминогенную ситуацию, особенно пагубно влияет на молодежь, которая, поддавшись соблазну получить без особого труда большие материальные средства, не желает работать на производстве и становится на криминальный путь. Наглядно это подтверждается материалами проведенного обследования — из общего числа всех преступников, совершающих насилие на улице, значительную долю составляют лица в возрасте от 18 до 25 лет (31,8 %) [150. с. 9]. Это наиболее активная и трудоспособная часть населения страны.

В большей степени неравенство среди значительной части населения порождает в первую очередь корысть как социально-психологическое явление, а затем уже и насилие для реализации преступного замысла и достижения противоправного результата. Пока существуют одни люди, выделяющиеся своим материальным достатком, будут появляться и другие, стремящиеся различным путем вплоть до преступного уравнивать свое положение или хотя бы приблизиться к желаемому уровню благополучия.

Таким образом, на уличную насильственную преступность из года в год оказывает все большее влияние ход экономических реформ, которые видоизменяют сферу уличного пространства, придавая ей социально-экономическую окраску. Это подтверждается усилением корыстной направленности уличной преступности в целом и корыстно-насильственной в частности. В ходе нашего научного исследования мы пришли к выводу, что корыстная мотивация характерна для 75 % уличных преступлений, из

них 61 % составляют насильственные посягательства с корыстной целью.

Преступность, как и любое другое общественное явление, обусловлена обстоятельствами общественной жизни. В этой среде формируются мировоззрение, мотивы и цели их поведения. При этом с неизбежностью возникают социальные противоречия, выступающие самостоятельным фактором виктимного поведения жертвы, обозначенные криминологами как «виктимогенные факторы и ситуации».

Общественные отношения и социальные противоречия тесно связаны между собой, провоцируют преступность как свое следствие. Основные факторы, влияющие на совершение преступлений — это происходящие процессы и явления объективной реальности, а также психические состояния личности, выступающие в качестве причин и условий совершения преступлений. Система факторов, детерминирующих преступность, чрезвычайно сложна. Механизм их влияния на преступность, по мнению криминологов, тоже очень сложен, а порой довольно своеобразен. Часто о криминогенном или антикриминогенном влиянии какого-либо фактора на преступность можно говорить лишь условно, поскольку положительное или отрицательное влияние определенного социального явления, процесса зависит от конкретной их комбинации, от характера взаимосвязи этих факторов и комплексного проявления в процессе социального управления и ряда других условий [151. с. 180]. Виктимогенные факторы и ситуации, влияющие на совершение преступлений, следует искать также в существующих и постоянно меняющихся общественных отношениях между людьми.

Система виктимогенных факторов преступности и конкретного преступления определяется как социально-негативная (или социально-позитивная) совокупность развивающихся и взаимодействующих компонентов, обуславливающих наличие интегративных качеств, которые при взаимодействии с другими системами факторов причинно детерминируют (причиняют или обуславливают), с одной стороны, виктимность (во всех ее формах), а с другой — совершение преступлений.

Результаты выборочного изучения уголовных дел, связанных с совершением корыстно-насильственных преступлений, свидетельствуют, что к социальным факторам, негативно воздействующим на состояние правопорядка на административных учас-

тках, относятся недостатки виктимологической профилактики, осуществляемой участковыми инспекторами полиции. Работа с лицами, состоящими на профилактическом учете, должна быть одним из основных способов виктимологической профилактики, направленной на формирование у граждан правопослушного поведения, уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышения их образовательного и культурного уровня.

Наряду с социальными, выделяются нравственно-психологические факторы, в их числе названы:

— отрицательное воздействие среды обитания — 18,9 % (его особенность состоит в том, что оно способствует формированию личности, влияет на ее взгляды, убеждения, поступки);

— антиобщественная направленность личности составила 21,2 % (при этом антиобщественная направленность потерпевшего, жертвы корыстно-насильственного посягательства составили 7,6 %, а антиобщественная направленность личности преступника — 51,7 %).

Если в сознании человека превалируют такие ценности и установки, как корыстолюбие, жадность, жестокость, эгоизм, то он может легко стать жертвой корыстного или корыстно-насильственного преступления.

Физическое превосходство над жертвой составило 18,5%. Этот показатель является весьма значительным при совершении грабежей и разбоев. Физическое превосходство может иметь место как в результате возрастных особенностей личности, так и ее состояния здоровья, наличия различных заболеваний (врожденных или приобретенных).

Наиболее распространенным является мнимая возможность уйти от ответственности — 57,3 %, безнаказанность развращает преступников, способствует росту корыстных и корыстно-насильственных преступлений, жертвами которых становятся многие жители микрорайонов. Иные нравственно-психологические факторы составили 5 %.

Одним из виктимогенных факторов преступности, по нашему мнению, является латентность совершаемых преступлений (*прим. авт. — «латентные» (от лат. «lateens» — «скрытый, невидимый») — преступления, не получившие по тем или иным причинам отражения в официальной статистике*) [152. с. 4].

По данным проведенных исследований, зарегистрированная преступность составляет около $\frac{1}{3}$ от ее общего массива. Установлено, что латентность возможна в силу:

— естественных факторов, т.е. в результате неполноты регистрации преступлений по объективным причинам (неосведомленности потерпевшего, его нежелания сообщать о преступлении и т.п.);

— искусственных факторов, т.е. вследствие необоснованного уклонения или халатного отношения сотрудников правоохранительных органов к регистрации преступлений;

— иных, так называемых пограничных факторов, т.е. вследствие ошибочной или преднамеренно неправильной квалификации более тяжкого преступления как менее тяжкого.

Анализ показывает наличие связи между статистическими показателями плотности населения и уровнем корыстно-насильственной преступности в отдельных районах города.

Таким образом, высокая плотность населения способствует совершению на улицах грабежей и разбоев, позволяет преступникам «растворяться» среди населения и вести антиобщественный образ жизни, с учетом чего и должны корректироваться меры по предупреждению данного вида преступлений, которым посвящен следующий подраздел работы.

3.2. Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

Предупреждение преступлений является функцией, которая в соответствии с действующим законодательством должна реализовываться обширным кругом субъектов, что должно с наибольшей эффективностью снизить криминогенную напряженность в обществе, обусловленную множеством негативных факторов социального, экономического и политического характера [153. с. 39—40]. Очевидно, что предупредительная деятельность будет иметь какие-либо ощутимые результаты только в том случае, если она будет направлена непосредственно на те криминогенные факторы, которые своим существованием способствуют воспроизводству и росту преступных посягательств в обществе.

Кроме того, предупреждение является наиболее гуманным и экономичным средством противодействия криминальным проявлениям. Еще Монтескье в своем сочинении «О духе законов» указывал на первостепенное значение предупреждения преступности: «...хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений» [154. с. 42].

Представляется бесспорным положение о том, что для разработки и внедрения адекватных мер по нейтрализации преступности необходимо уточнить содержание предупреждения преступлений. Под предупреждением понимается «...заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить, предотвратить» [155. с. 98—99].

Если значение первого слова сомнений не вызывает, то по поводу определения преступности среди криминологов до настоящего времени нет единого мнения. Поскольку нами поставлены несколько иные цели, нежели определение понятия преступности, то мы примем за основу наиболее устоявшееся, поддерживаемое значительным количеством криминологов определение, согласно которому «...преступность — это исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных в соответствующем государстве (регионе) в соответствующий период» [156. с. 27—38].

В борьбе с преступностью немаловажное значение имеют общесоциальные меры предупреждения преступлений. Принятие мер общего характера подразумевает под собой позитивное развитие общества, совершенствование его экономических, политических, социальных и иных институтов, нейтрализацию кризисных явлений и диспропорций, поддерживающих преступность.

Таким образом, под общесоциальными мерами предупреждения преступности понимается совокупность социально-экономических, политико-правовых, культурно-воспитательных, организационных и прочих мероприятий, обеспечивающих дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений, которые, в свою очередь, способствуют уменьшению числа негативных явлений, порождающих преступность.

При этом указанные меры не имеют своим специальным назначением борьбу с преступностью и предупреждение преступлений, но существенно способствуют решению этой задачи,

сужают почву, питающую преступность, создают условия для успешной борьбы с ней.

Большинство общесоциальных мероприятий планируется и осуществляется без учета их криминологической эффективности. Однако, их реализация косвенно влияет на структуру, состояние и динамику преступлений, то есть дает определенный предупредительный эффект. Но это не означает, что в ходе проведения общесоциальных мероприятий криминологические задачи решаются автоматически, что здесь нет необходимости в использовании криминологических знаний.

К *мерам общесоциального характера, на наш взгляд*, относятся те, которые непосредственно не связаны с воздействием на лиц, замышляющих, готовящих или совершивших преступления, но объективно способствуют нейтрализации или устранению причин и условий их совершения.

Меры общесоциального предупреждения имеют достаточно широкий спектр воздействия. Они влияют на все виды, группы причин и условий. Многоаспектность предупреждения преступности наиболее выражена именно на общесоциальном уровне. Представляется уместным привести высказывание А. И. Алексеева, что «...основная ударная сила общесоциального предупреждения направлена на причины, условия, иные детерминанты преступности, во всем их многообразии, включая «причины причин» [157. с. 347].

Великий французский мыслитель XVIII века Гельвеций писал, что «...если человек черпает все свои знания, ощущения и прочее из чувственного мира и опыта, получаемого из этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими» [158. с. 13].

В настоящее время обостряются общественные противоречия, что сразу же сказывается на состоянии преступности. Связь роста преступности с ухудшением социально-политической ситуации очевидна. Об этом убедительно свидетельствуют события последнего десятилетия.

Специалистами справедливо отмечается, что концепцию о социальных противоречиях, недостатках в различных областях деятельности общественных институтов, неблагоприятных тен-

денциях в экономике и социально-духовной сфере следует считать исходной при рассмотрении причин преступлений с корыстной ориентацией [159. с. 5].

В теории криминологии предупреждение преступности рассматривается как многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных, с одной стороны, на воспрепятствование возникновению причин и условий, способствующих совершению преступления, а с другой — на пресечение или нейтрализацию криминогенных действий. Разработка мер предупреждения преступности как социального явления в целом и отдельных его видов, в том числе и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин, является важным аспектом криминологического исследования [160. с. 32].

Профилактическая деятельность предполагает использование системного подхода, множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность и единство [161. с. 241]. Системный подход, в частности, включает в себя комплекс социально-экономических, организационных, правовых и тактических мер, направленных на предупреждение уличной корыстно-насильственной преступности.

Комплекс мер по предупреждению корыстно-насильственных посягательств осуществляется на трех основных уровнях профилактики: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Функция общесоциальной профилактики последовательно осуществляется всем прогрессивным развитием общества, а ее успех определяется социально-экономической политикой, проводимой государством.

Специально-криминологическая профилактика осуществляется специальными субъектами на профессиональном уровне, в число которых входят и органы внутренних дел, а также включает меры, направленные именно на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов. Именно специальная предназначенность и целенаправленность на борьбу с преступностью отличает эти меры от мер общесоциальной профилактики.

Индивидуальный уровень профилактики предполагает деятельность в отношении отдельных лиц, совершивших или могущих совершить преступления. Меры индивидуального пре-

дупреждения направлены на психолого-педагогическую коррекцию указанных категорий лиц с целью сформировать у них такие качества, которые могут обеспечить неуклонное соблюдение социальных норм и правил общественной морали.

В наиболее общем виде мероприятия, направленные на предупреждение корыстно-насильственных посягательств, могут находить отражение в целевых программах и планах, но такие документы, как показало проведенное исследование, отсутствуют как на республиканском, так и региональном (областном) уровне.

Однако, несмотря на существование такого рода комплексных планов и программ по усилению борьбы с преступностью, успех профилактической работы зависит в немалой степени от реализации планов социально-экономического развития страны, которые сильно влияют на эффективность этих программ борьбы с преступностью. Недофинансирование и недостатки в механизме реализации этих программ приводят к тому, что различные организационные и тактические мероприятия, касающиеся контроля над преступностью в целом, в том числе и уличной корыстно-насильственной преступностью, осуществляются далеко не в полном объеме. Более того, анализ целевых программ по борьбе с преступностью как на республиканском, так и на региональном уровнях, свидетельствует, что профилактика «уличного» насилия на протяжении ряда лет не находит должного отражения в этих программных документах.

Деятельность по предупреждению уличного насилия строится на сложной правовой основе, включающей в себя нормы государственного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, гражданского, семейного и других отраслей права. В этом направлении должны занимать основное место и играть главную роль в профилактике уличного насилия законодательные акты.

Юридической науке и практике известны различные пути и методы превенции с целью недопущения нарушений социально-экономических, политических, социально-культурных и других прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Одной из таких действенных форм является принятие компетентными субъектами (гражданами, общественными организациями, судами и правоохранительными органами) в конкретных социально-правовых ситуациях адекватных

превентивных мер. Реализация превентивных мер позволяет эффективно контролировать целый ряд негативных тенденций в обществе и государстве, бороться с их причинами, а не тратить огромные усилия и средства на восстановление нарушенных прав и интересов.

Проблема имеет важное научное и практическое (юридическое, политическое, экономическое, нравственное и т.п.) значение в настоящее время в связи с низким уровнем правосознания граждан, их правовой пассивностью, высоким уровнем криминализации и правонарушений в современном обществе [162. с. 34].

В этом смысле превентивная функция права и правоприменительной деятельности, несомненно, обладает значительным потенциалом. Сегодня можно говорить о том, что превентивная функция правоохранительной деятельности уже не отождествляется с карательной, правовосстановительной и компенсационной функциями права. Посредством уголовно-правовых норм, касающихся разбоев, посредством применения этих норм при решении практических задач членами общества «сообщается» о наказании виновного именно за разбой.

Деятельность органов внутренних дел, решения судов сводятся к тому, что они доводят сведения о наказаниях за разбой до населения. При этом демонстрируется, что уголовные законы — не пустые угрозы. Эффективность общего предупреждения разбоев обеспечивается в той мере, в какой наказания удерживают граждан от приобретения оружия, которое они в противном случае могли бы использовать в преступной деятельности.

Еще одно направление деятельности по профилактике корыстно-насильственных преступлений — совершенствование мер контроля за оборотом оружия. Работа по контролю за оборотом оружия должна проводиться, с одной стороны, с целью обеспечения соблюдения правил его законного оборота, с другой стороны, недопущением перетекания оружия из сферы легального оборота в незаконный.

Характеризуя первое направление работы, следует заметить, что одной из наиболее острых и актуальных направлений лицензионно-разрешительной службы остается контроль деятельности частных охранных предприятий. На сегодняшний день в Казахстане зарегистрировано сотни охранных предприятий. Это требует выявлять случаи хищения, продажи, передачи, приобретения, незаконного хранения, изготовления огнестрельного оружия.

Нельзя упускать из внимания и вопросы легального вооружения законопослушных граждан. Отечественным законодательством гражданам Казахстана предоставлено право приобретения и использования оружия в целях самообороны. Для этих целей в Казахстане могут приобретать в установленном порядке огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, газовое оружие, искровые разрядники и механические распылители отечественного производства.

В настоящее время в ГОРРАЙОВД (полиции) зарегистрировано более 65 тыс. владельцев гражданского оружия, у которых хранится и используется более 90 тыс. единиц различных видов оружия, из них в целях самообороны приобретено свыше 30 тыс. единиц огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия и более 10 тыс. единиц газовых пистолетов и револьверов [163. с. 231].

В литературе идея о предоставлении права постоянного ношения огнестрельного оружия для лиц, имеющих безупречную социальную репутацию, последовательно защищается Д. А. Корецким [164. с. 285]. При этом автор предлагает считать социальную репутацию безупречной в тех случаях, если лицо никогда не привлекалось к юридической ответственности (административной, а тем более — уголовной), не страдает алкоголизмом, наркоманией, психическими расстройствами, положительно характеризуется по месту жительства, работы, учебы и т.д.

Данный подход представляется не вполне обоснованным, так как с учетом национальных традиций и сложившейся неблагоприятной социально-психологической атмосферы в обществе разрешение более свободного оборота оружия может привести к вполне предсказуемым последствиям — к эскалации насилия в его различных проявлениях, в том числе в росте корыстно-насильственных преступлений. Можно вполне предположить, что легализация оборота оружия приведет не только к числу данной категории преступлений, но и корыстно-насильственной преступности. Ведь в стране нет ни эффективной системы общегосударственной подготовки, ни подготовки граждан к использованию оружия самообороны, механизмов роста культуры обращения с таким оружием.

Еще одно направление профилактики корыстно-насильственных посягательств состоит в активном применении средств самозащиты и охраны недвижимости и иной соб-

твенности. Важная роль в охране квартир и других помещений принадлежит подразделениям АО «Кузет» МВД Республики Казахстан и подразделениям Управления специальной полиции МВД Республики Казахстан. Они функционируют в 175 городах и населенных пунктах, 14 областях Республики Казахстан.

Еще одно направление предупреждения корыстно-насильственных посягательств, совершаемых по месту проживания потерпевших — охрана подъездов жилых домов. Особенно это касается таких крупных городов, как Астана, г. Алматы, г. Караганда, г. Шымкент и г. Усть-Каменогорск. Ведь современный многоквартирный дом — это самый сложный комплекс, оборудованный сетью коммуникаций, нарушение работы которых может привести подчас к трагическим последствиям.

В своей работе проф. Е. Каиржанов отмечает, что эффективность предупреждения любых преступлений больше зависит не от тяжести наказания, а от неотвратимости наказания за него [165. с. 45]. Расширяя данный тезис, можно сказать, что успешность предупреждения напрямую связана со скоростью реагирования правоохранительных органов на обращения граждан о совершенных в отношении их преступлениях. Поэтому очень важно, чтобы преступления раскрывались по «горячим следам».

Здесь особая роль принадлежит дежурным частям ГОРРАЙЛИНОВД. Специфика деятельности этого подразделения заключается в том, что она представляет интересы всех служб, объединяет цели и задачи по охране общественного порядка, предупреждению и раскрытию преступлений, а также координирует их действия при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Именно от того, как дежурная часть ОВД организует взаимодействие служб и подразделений, нередко зависит оперативность раскрытия преступлений, оказания помощи потерпевшим и задержания виновных. Одним из основных направлений совершенствования деятельности дежурных частей в организации раскрытия преступлений по «горячим следам» является формирование в ГОРРАЙЛИНОВД следственно-оперативных групп.

Организаторские действия отличаются в зависимости от того, как быстро поступило заявление о совершенном преступлении. Ведь основанием для действий дежурной части ОВД в режиме раскрытия преступления по «горячим следам» является не сам факт поступления заявления, а время совершения преступления. В основе этой работы должны лежать фактические обстоятельства дела, а не формальный момент поступления заявления.

Первичная информация о правонарушении определяет и организацию раскрытия преступления по «горячим следам». При ее получении оперативный дежурный ОВД обязан выяснить данные о времени, месте и обстоятельствах преступления, внешности преступника или преступников, наличии у него (них) особых примет, оружия и автотранспорта, направлении его (их) движения с места преступления, состоянии потерпевших, наличии свидетелей и очевидцев преступления и, наконец, данные о лице, заявившем о преступлении.

Это важно, прежде всего, для выработки оптимального управленческого решения по реагированию на сообщение о преступлении и задержанию преступников.

Получение объективной и детальной информации о совершенном преступлении особенно важно и в тех случаях, когда в ОВД одновременно поступает несколько тревожных сигналов сразу, которые в условиях «дефицита» сил и средств не в состоянии адекватно реагировать на случившееся либо на изменения оперативной обстановки, в связи с чем оперативные дежурные ОВД должны быстро принять решение, по какому вызову действительно следует выезжать в первую очередь, а также определить силы и средства, необходимые для раскрытия преступления по «горячим следам». Кроме того, столь подробное выяснение обстоятельств преступления может помочь опытному оперативному дежурному ОВД в выявлении ложных вызовов и сообщений, составляющих, к сожалению, почти половину всего потока информации, поступающей в полицию.

Данные отечественного и зарубежного опыта свидетельствуют, что прибытие сил полиции на место происшествия в течение 4—5 минут с момента получения сообщения обеспечивает раскрытие в течение первых суток от 60 до 80 % преступлений, а по убийствам — до 90 %. Если же время, затраченное на это, составит 10 минут, то такая вероятность снижается до 30—35 % [166. с. 517]. Вот почему сегодня столь большая роль в раскрытии преступлений по «горячим следам» повсеместно отводится организационной деятельности дежурной части при реагировании на сообщения о преступлениях. Речь идет о получении информации, ее оценке, принятии управленческих решений и осуществлении контроля за их исполнением.

Еще одно направление профилактики корыстно-насильственных посягательств — виктимологическое. Изучение

вопроса показывает, что виктимологическая профилактика не может реализовываться без создания специальной информационной базы о жертвах преступления. Реализация этой идеи, очевидно, принесет свои плоды, позволит правоохранительным органам на должном уровне осуществлять аналитическую работу, не ограничиваясь скудными сведениями о том, кто стал жертвой того или иного преступления.

Как и традиционное общее предупреждение преступлений, общая виктимологическая профилактика представляет собой деятельность, направленную на выявление и устранение объективных внешних факторов и ситуаций, порождающих совершение преступлений и способствующих им, при условии, что они связаны с личностью и поведением потерпевших, а также принятие мер по устранению этих детерминантов. Жестких разграничительных линий между различными уровнями, формами и методами предупреждения преступлений провести невозможно. На практике все они реализуются в тесном переплетении между собой. Однако, центральной идеей общего предупреждения преступлений является идея воздействия на детерминационный комплекс преступности, что и предопределяет его специфику. В связи с этим с определенной степенью условности можно говорить о сфере воздействия общей виктимологической профилактики на детерминационный комплекс виктимности, обеспечивающий законопослушное поведение граждан, в результате чего повышается эффективность профилактики преступлений.

Указанные направления предупреждения преступлений представляют «две стороны одной медали», т.е. дополняющие друг друга процессы профилактической деятельности. Данное направление профилактической деятельности является частью государственной политики борьбы с преступностью и оказывает сдерживающее воздействие на определенную категорию граждан.

Эта деятельность исходит от социальных норм (в том числе и правовых) и соответствующей деятельности исполнительных органов государственной власти, городского самоуправления и органов местного самоуправления в пределах, установленных законами и состоит в широком охвате и влиянии на разные слои населения, проводимых профилактических мероприятий, которые имеют своей целью:

- противодействие криминогенным процессам, укрепление в микрорайонах атмосферы спокойствия и стабильности;

- устранение угроз правам, свободам и законным интересам личности, возникающих в связи с возможностью совершения в отношении их преступлений;

- создание эффективной системы социальной защиты граждан от возможной виктимизации;

- повышение и активизация защитных свойств населения от преступлений;

- оказание социальной помощи жертвам преступных посягательств.

Достижение указанных целей на общем уровне виктимологической профилактики предполагает решение ее субъектами следующих задач:

- выявление детерминантов виктимности, их анализ и обобщение;

- разработка и реализация мер, направленных на устранение либо нейтрализацию виктимогенных факторов и ситуаций;

- изменение законодательных положений с учетом обеспечения необходимой поддержки жертвам преступлений, создание новых государственных и негосударственных структур, работа которых направлена на их защиту;

- оказание воздействия на отдельные слои населения с целью снижения или недопущения их виктимизации, воспитание граждан и повышение их правового сознания;

- обучение кадров для работы с пострадавшими.

К мерам общей виктимологической профилактики можно отнести:

- правовое воспитание;

- деятельность по разработке и внедрению стандартов безопасности от преступлений (стандарты безопасности — это государственные правила и нормативы, обеспечивающие защиту личности, общества и государства от преступных посягательств, включая градостроительные, экологические, технические, информационные, медицинские и др.) [167. с. 523];

- криминологическую экспертизу нормативных актов;

- меры организационного, правового и иного воздействия на виктимогенные процессы.

Традиционная индивидуальная профилактика преступлений определяется юридической наукой как деятельность государственных и негосударственных органов, организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых, судя по их по-

ведению, можно ожидать совершения преступлений, оказания воздействия на них и окружающую их среду с целью позитивной коррекции поведения этих лиц, ликвидации либо нейтрализации криминогенных факторов, действующих в данной среде.

Осуществляемая ОВД (полицией) индивидуальная профилактика преступлений представляет собой деятельность по применению различных видов воздействия:

- установление наблюдения и контроля за ходом социальной реабилитации лиц, ранее судимых;
- профилактическая беседа;
- предостережение о недопустимости продолжения противоправного поведения;
- направление информации о причинах и условиях противоправного поведения;
- постановка на профилактический учет.

В теории и практике различаются ранняя и непосредственная индивидуальная профилактика, а также индивидуальная профилактика рецидива преступлений. Особого внимания заслуживает проводимая ОВД индивидуальная профилактическая работа с лицами, являющимися потенциальными и реальными жертвами преступлений вследствие своего поведения, образа жизни, физических или психических особенностей, социально-ролевых установок и т.д.

Сущность индивидуальной виктимологической профилактики заключается в выявлении лиц, которые, судя по их поведению, должностному положению, социальному статусу или совокупности личностных характеристик с наибольшей степенью вероятности могут оказаться жертвами преступлений и организации в отношении их защитных мер воздействия, активизации собственных защитных возможностей с целью снижения или полной ликвидации виктимности.

Целью индивидуальной виктимологической профилактики является предупреждение преступлений путем недопущения реализации виктимных свойств и качеств личности, ее позитивной коррекции, влекущей изменение поведения, а также обеспечение процесса девиктимизации.

В общем виде ***задачей индивидуальной виктимологической профилактики*** является:

- выявление лиц, поведение которых свидетельствует о реальной возможности совершения в отношении их преступлений;

- изучение этих лиц, источников виктимного воздействия на них и их ближайшего окружения;
- прогнозирование виктимного поведения;
- непосредственное профилактическое воздействие;
- контроль за поведением и образом жизни выявленных лиц;
- предотвращение и пресечение конкретных преступлений с использованием защитных возможностей потенциальной жертвы.

Резюмируя, отметим, что осуществляемая органами внутренних дел индивидуальная виктимологическая профилактика представляет собой деятельность по:

а) выявлению лиц, которые, судя по их поведению, социальному положению или совокупности личностных характеристик, с наибольшей вероятностью могут оказаться жертвами преступников;

б) организации в отношении этих лиц мер воспитания, обучения и обеспечения личной безопасности, активизации их собственных защитных возможностей.

Эффективность индивидуальной виктимологической профилактики обеспечивается соблюдением следующих требований: своевременности и достаточности; последовательности и комплексности; реальности. Суть, указанных требований состоит в следующем:

1) своевременность и достаточность мер означают, что они применяются с учетом складывающейся криминогенной и виктимогенной обстановки в таком объеме и с такой интенсивностью, которые позволяют не допустить совершения преступлений в отношении конкретной личности или продолжения преступной деятельности;

2) последовательный и комплексный подход означают:

а) применение взаимосвязанных мер экономического, социально-политического, правового, социально-психологического, психолого-педагогического, организационно-технического и иного характера, направленных на устранение факторов и ситуаций, способствующих совершению преступлений;

б) сочетание мер общей и индивидуальной виктимологической профилактики преступлений;

в) скоординированное взаимодействие субъектов виктимологической профилактики;

3) реальность мер означает, что они применяются с учетом складывающейся обстановки и особенностей личности, в отношении которой осуществляются такие меры предупреждения преступлений, а также динамики развития конкретной ситуации и поведения данной личности в этой ситуации.

В организации индивидуальной виктимологической профилактики представляется целесообразным *выделять следующие основные этапы:*

- *подготовительный*, заключающийся в выявлении и изучении лиц с виктимной предрасположенностью, а также элементов микросреды, оказывающих на них отрицательное влияние;
- *непосредственный*, состоящий из комплекса мероприятий по организации, планированию и непосредственному воздействию на личность и окружающую среду;
- *заключительный*, когда осуществляется анализ и проверка результатов мероприятий и намечаются новые цели и задачи по закреплению достигнутого результата или устранению недостатков.

Объектами индивидуальной виктимологической профилактики являются:

1) виктимогенные факторы и ситуации, формирующие виктимное поведение и обуславливающие совершение преступлений в отношении конкретных лиц;

2) конкретные лица, являющиеся потенциальными жертвами преступлений вследствие своего социального положения, поведения либо образа жизни.

Рассматривая объектом индивидуальной виктимологической профилактики группы риска, и лиц, являющихся потенциальными жертвами преступлений, необходимо представлять, что они составляют *разные группы населения, в большей или меньшей степени подверженные криминальной опасности*, однако требующие одинакового внимания со стороны ГОРРАЙОВД.

Их принято разделять на две группы:

1) **маргинальная категория граждан** (проститутки, наркоманы, ранее судимые, административные правонарушители, алкоголики, лица без определенного места жительства и т.п.), в работе с которыми требуется применение более широкого набора профилактических мер, чаще всего, связанных с убеждением;

2) **отдельная категория законопослушных граждан**, представляющих интерес в силу своих социальных, ролевых и лич-

ностных особенностей (инкассаторы и сотрудники банков, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, охранники, женщины и несовершеннолетние, пенсионеры и инвалиды, частные предприниматели и сотрудники различных фирм, работники скорой медицинской помощи и торговые работники, работники музеев, ломбардов и различные коллекционеры антиквариата, картин, оружия и т.д.), в работе с которыми превалируют меры помощи и защиты, т.е. разъяснения, советы, рекомендации, способствующие снижению потенциальной виктимности, а также их личная защита, если таковая им потребуется.

Результаты опроса участковых инспекторов полиции ДВД г. Алматы и ДВД Алматинской области позволили нам определить категории объектов индивидуальной виктимологической профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений:

1) законопослушные лица (деятельность которых связана с охранительными и предупредительными функциями), являющиеся потенциальными и реальными жертвами преступлений вследствие своего поведения, образа жизни, физических или психических особенностей и социально-ролевых установок;

2) лица, в отношении которых применялись нормы уголовного права;

3) лица с устойчивым противоправным поведением (склонные к совершению преступления);

4) иные лица, состоящие на специальном медицинском учете, и ближайшее окружение, оказывающее негативное влияние на поведение лиц всех вышеуказанных категорий.

Использование виктимологических возможностей в практической деятельности участковых уполномоченных зависит от того, насколько полно и своевременно выявляются виктимные категории граждан, проживающие на участке. Достаточно простым представляется выявление лиц, повышенная виктимность которых связана, например, с их профессией, родом деятельности (кассиры, инкассаторы, материально ответственные лица, работники правоохранительных органов, предприниматели, не пользующиеся услугами охранных предприятий).

Следует указать, что работа по выявлению потенциальных жертв преступлений не должна вестись в отрыве от деятельности по установлению лиц, склонных к совершению преступлений. Весьма часто лица с повышенной индивидуальной виктимностью обладают антиобщественной позицией, криминальными

связями. Поэтому, выявляя лиц, склонных к совершению преступлений, необходимо оценивать их с точки зрения возможной виктимизации. Точно также, изучая личность подозреваемого (обвиняемого) или лица, склонного к преступлениям, выявляя их связи, можно определить круг возможных потенциальных потерпевших от них.

Более широкий подход к выявлению потенциальных жертв связан с анализом и оценкой всевозможных конкретных ситуаций. Анализируя конкретную обстановку, причем на любом уровне, можно в равной мере определить как круг возможных потенциальных преступников, так и круг потенциальных потерпевших. Наконец, потенциальные жертвы могут быть выявлены напрямую, путем оценки социально-демографических особенностей и нравственно-психологических качеств лиц, оказавшихся в поле зрения работников административной и криминальной полиции.

В процессе изучения личности осуществляется индивидуальное прогнозирование виктимного поведения. Индивидуальное прогнозирование (*прим. авт. — индивидуальный прогноз — вероятностное суждение, в основе которого лежит оценка всей совокупности внутренних и внешних факторов, при которых прогнозируется возможное виктимное поведение*) представляет собой деятельность по решению задач большой сложности, которая требует от работников полиции специальных навыков, умений и знаний. Точность прогнозируемого поведения человека зависит от того, насколько полно известны определяющие его факторы, а также ситуации, при которых оно реализуется. Трудности, возникающие при этом, связаны с тем, что в настоящее время еще нет точных методов измерения всех внешних и внутренних факторов, влияющих на виктимное поведение.

Информация о прошлом и настоящем личности, ее действиях, социальных связях и ближайшем окружении является основой для прогноза будущего виктимного поведения, причем необходимо учитывать динамику этих характеристик. Индивидуальная виктимологическая профилактика, таким образом, направлена на то, чтобы прогноз, указывающий на возможное совершение преступления в отношении конкретного лица, не оправдался.

Прогнозирование виктимного поведения и индивидуальная виктимологическая профилактика — во многом единый процесс. Профилактика сама по себе предполагает постоянное и всесто-

роннее изучение личности, ее поведения, связей и намерений, при этом полученные в результате проведенной работы сведения и осуществляемый по ним прогноз влияют на коррекцию плана индивидуальной профилактической работы, включающего виктимологический раздел.

Планирование должно упорядочить сложный процесс индивидуально-профилактического воздействия, определить наиболее рациональные пути профилактической работы с выявленными лицами, обеспечить выбор таких тактических методов и приемов, которые обеспечили бы эффективное достижение целей индивидуальной виктимологической профилактики.

Наверное, невозможно разработать типовой план индивидуальной виктимологической профилактики, пригодный для всех без исключения случаев и для различных категорий лиц. Вместе с тем, на практике имеется общий подход к выработке планов традиционной индивидуальной профилактики, который целесообразно использовать и для составления разделов плана по виктимологической профилактике.

Такой план может состоять из следующих видов работ:

- получение информации, характеризующей виктимное лицо и изучение данной личности;
- изучение окружающей среды во всех сферах жизнедеятельности выявленного лица (место жительства, место учебы или работы, досуг и отдых);
- регулярные встречи с выявленным лицом и осуществление воспитательных бесед с ним и его родственниками (ближайшим окружением), проведение опроса родственников, соседей и др.;
- осуществление контроля за поведением виктимного лица по месту жительства путем личного наблюдения;
- осуществление контроля за поведением выявленного лица по месту учебы (работы) с помощью администрации или ближайшего окружения;
- привлечение к индивидуальной профилактической работе других лиц, могущих оказать позитивное воздействие;
- защита объектов возможного преступного посягательства (оказание помощи в установке охранной сигнализации), в необходимых случаях, консультирование и организация охраны возможной жертвы.

Меры профилактического воздействия на виктимные категории граждан весьма специфичны для каждого административного участка и определяются их особенностями:

- социально-демографическая характеристика лиц, проживающих в микрорайоне;
- состояние оперативной обстановки;
- количество лиц, ставших жертвами корыстных преступлений, их типы;
- наличие каких именно виктимогенных факторов и ситуаций влияют на совершение преступлений в данном микрорайоне и т.д.

Очевидно, что для разработки конкретных мер профилактического воздействия необходимо изучение «географии» совершаемых преступлений, т.е. взаимосвязи виктимности от времени суток, дней недели, времени года, климатических условий и влияния других объективных признаков.

Целесообразно изучение виктимологической характеристики преступлений, совершаемых на участках, факторов и ситуаций, обуславливающих:

- индивидуальную (личностную) виктимность, т.е. недостатки самой личности (нравственно-психологические, культурные, правовые, физические и другие качества), умения, привычки;
- видовую виктимность, т.е. элементы деятельности личности, ее должностное и служебное положение;
- социальную виктимность, т.е. условия жизни, материальное положение, а также недостатки архитектурно-строительного комплекса.

Индивидуальное виктимологическое воздействие рекомендуется осуществлять в двух формах — непосредственной и ранней.

Основными критериями разделения виктимологической профилактики на раннюю и непосредственную является время, «отдаляющее» лицо от момента возможного становления жертвой преступления, а также степень виктимности данного лица. Например, если гражданин легкомысленно и доверчиво поддается на уговоры сыграть в «беспроигрышную лотерею» («лохотрон»), то необходимость немедленной нейтрализации виктимогенной ситуации налицо. В этом случае речь идет о непосредственной виктимологической профилактике.

Согласно результатам анализа оперативной обстановки, на патрульных участках разрабатываются маршруты для нарядов патрульной полиции и других подразделений У(О)ОБ, участвующих в профилактической деятельности по предупреждению

корыстно-насильственных посягательств на улицах. С учетом изменения оперативной обстановки меняются и маршруты несения службы нарядов патрульной полиции.

Наиболее приемлемой формой проведения непрерывного анализа уличной корыстно-насильственной преступности с учетом оперативной обстановки на обслуживаемой территории являются карты-схемы города или населенного пункта. На них наносятся результаты изучения уличных правонарушений, в том числе и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в условиях уличного пространства, которые затем сопоставляются с местами дислокации предприятий торговли, общественного питания, реализующими винно-водочную продукцию, расположения общежитий, мест массового отдыха людей, остановок общественного транспорта и т.д. На карте-схеме города или района отражается также сеть существующих постов и маршрутов патрулирования нарядов полиции. Все это позволяет выявлять закономерности в динамике пораженности уличным насилием отдельных территорий и принимать действенные меры к локализации уличных корыстно-насильственных преступлений.

Нам представляется, что неплохо было бы использовать картографический метод к нарядам патрульной полиции для выработки оперативных решений по предупреждению «уличного» насилия, совершаемого в вечернее и ночное время. Как показывают наши исследования, в суточном цикле это время является наиболее криминогенным. Значительная доля уличных корыстно-насильственных деяний совершаются именно в интервале от 18 часов вечера до 02 часов ночи.

В связи с этим следовало бы иметь световой план в служебном автомобиле командирам отделений и старшим патрульных нарядов для поддержания связи по радиисвязи с дежурной частью, несущими службу полицейскими и другими нарядами, чтобы они имели возможность в считанные минуты оценить внезапно сложившуюся оперативную ситуацию, своевременно принять правильное решение по перегруппировке и перемещению патрульных нарядов полиции.

С этой же целью в ГОРРАЙЛИНОВД разрабатываются памятки, включающие типовые действия полицейских на постах и маршрутах, в т.ч. и с целью раскрытия уличных корыстно-насильственных преступлений. Подобный подход к организации использования сил и средств полиции позволяет значительно

расширить зоны контроля на улицах, улучшить контакт между различными подразделениями, несущими патрульную службу.

Для активизации работы всех служб полиции по профилактике уличного насилия, задействованных по схеме единой дислокации, следует обратить особое внимание на возможность корректировки маршрутов патрулирования нарядами патрульной полиции, АО «Кузет», УСП и УДП.

Для более четкой организации управления патрулированием требуются сведения о времени совершения уличных корыстно-насильственных преступлений, личности правонарушителей с указанием их демографических характеристик, предстоящих важных событиях в социальной и общественно-политической жизни на обслуживаемой территории.

Особую значимость расстановка сил и средств полиции, а также управление ими приобретают во время массовых общественно-политических мероприятий, в случаях групповых нарушений общественного порядка, при крупных авариях, стихийных бедствиях, осложнениях межнациональных отношений и других чрезвычайных обстоятельствах. В такой обстановке создаются реальные условия для посягательства на жизнь, здоровье граждан, поэтому в подразделениях полиции должна быть спрогнозирована и смоделирована единая дислокация постов и маршрутов служебных нарядов для подобных ситуаций с учетом привлечения общественности, т.к. органы внутренних дел не могут эффективно работать в отрыве от общественности.

Привлечение общественности, различных категорий граждан к предупреждению уличной корыстно-насильственной преступности и охране общественного порядка в жилых массивах, населенных пунктах и на объектах массового пребывания граждан для органов внутренних дел является одним из проблемных направлений предупредительной деятельности в сфере уличного пространства. Связано это с тем, что прежние формы участия общественности и граждан в предупреждении уличных, в том числе корыстно-насильственных преступлений, а также охране общественного порядка сегодня не действуют, они себя попросту исчерпали. Новые формы не приобрели массового характера и зависят главным образом от профессионализма и целеустремленности отдельных сотрудников полиции. Тем не менее, без привлечения общественности и различных категорий граждан проблемы профилактики уличного насилия не решить, поэтому инициатива должна исходить, прежде всего, от ОВД (полиции).

Органы внутренних дел должны решать следующие задачи по профилактике преступлений:

1. Противодействие криминогенным процессам в обществе, обеспечение сдерживания и сокращения преступности. Данная задача может быть реализована на основе комплексного воздействия на преступность в целом, посредством активизации работы с населением, государственными структурами, СМИ и пр.

2. Выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению или нейтрализации. Для этого аналитические подразделения органов внутренних дел, прежде всего, штабы, должны осуществлять постоянный контроль за состоянием криминогенной обстановки на соответствующей территории, своевременно разрабатывать планы оперативных мероприятий и целевые планы.

3. Установление и пресечение фактов приготовления к преступлению и покушению на преступление, принятие к лицам, их совершившим, мер в соответствии с законодательством Республики Казахстан. Успех в решении данной задачи, в первую очередь, зависит от деятельности служб криминальной полиции, а также службы участковых инспекторов полиции.

4. Установление лиц, противоправные действия которых не содержат признаков преступления, но дают основания для принятия к ним мер профилактического воздействия. Реализация данной задачи неразрывно связана с активизацией ОРД соответствующих подразделений органов внутренних дел, которые призваны выявлять лиц, замышляющих совершение корыстно-насильственных посягательств на ранних стадиях, осуществляя весь комплекс правомерных мероприятий, предусмотренных, в частности, административным законодательством.

5. Привлечение к работе по предупреждению преступлений общественных объединений правоохранительной направленности и граждан (народные дружины «Сарбаз» и т.п.). Данная задача является одной из важнейших и требует серьезного внимания со стороны руководства ГОРРАЙОВД, т.к. успех любой правоохранной деятельности напрямую зависит от того, насколько активно население в реализации мероприятий, направленных на предупреждение преступлений.

Успех в данной работе может быть обеспечен:

— во-первых, ежемесячным анализом криминогенной обстановки на обслуживаемой территории (объектах обслуживания);

— во-вторых, определением и реализацией организационных и практических мер по предупреждению преступлений;

— в-третьих, подготовкой материалов по комплексной оценке результатов работы сотрудников У(О)ОБ и У(О)КП, разработкой мероприятия по ее активизации;

— в-четвертых, информированием в установленном порядке органов местного самоуправления, а также организаций, предприятий, учреждений, расположенных на территории обслуживания, о преступлениях, причинах и условиях, способствовавших их совершению, с изложением конкретных предложений по их устранению;

— в-пятых, привлечением общественных объединений и граждан к проведению мероприятий по предупреждению преступлений.

Весьма обширные задачи по предупреждению корыстно-насильственных преступлений возлагаются на сотрудников У(О)КП, которые должны выявлять при проведении ОРМ причины и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своей компетенции меры по их устранению, проводить ОРМ по выявлению лиц, осуществляющих подготовку корыстно-насильственных посягательств, принимать к ним меры, предусмотренные законодательством Республики Казахстан, осуществлять ОРМ по документированию и пресечению противоправных действий, направленных на приготовление к преступлению или покушение на преступление, поддерживать взаимодействие с участковыми инспекторами полиции, сотрудниками ОДН, обмениваться информацией в отношении лиц, находящихся на профилактических учетах в этих подразделениях, осуществлять целенаправленные мероприятия по выявлению и разоблачению организованных групп, специализирующихся на совершении грабежей и разбоев.

Наряду с работой подразделений ОКП, которые призваны решать сложный комплекс задач оперативно-розыскной направленности, одно из важнейших мест в работе по профилактике корыстно-насильственных преступлений занимает деятельность участковых инспекторов полиции, которые обязаны:

- ежемесячно проводить анализ оперативной обстановки на обслуживаемых участках, вносить руководству ГОРРАЙОВД

предложения по повышению эффективности профилактической работы на обслуживаемых участках, а также по расстановке нарядов полиции, призванных осуществлять естественное наблюдение за жилыми домами, а также способных задерживать лиц, совершивших преступления непосредственно после завладения чужим имуществом;

- подготавливать и докладывать руководству ГОРРАЙОВД предложения о направлении руководителям организаций информации о выявленных недостатках в их деятельности по обеспечению сохранности имущества граждан и принятии конкретных мер по их устранению;

- выявлять среди населения обслуживаемого участка лиц, допускающих противоправное поведение, организаторов и содержателей притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ, так как лица, злоупотребляющие наркотиками, составляют значительную часть лиц, совершающих рассматриваемую категорию преступлений, обеспечивать своевременное принятие к ним мер, установленных законодательством Республики Казахстан, постановку таких лиц на профилактический учет в целях последующего контроля за их поведением.

- взаимодействовать с сотрудниками ОМП в мероприятиях по выявлению и пресечению на обслуживаемой территории нарушений правил паспортного режима и пребывания иностранных граждан, лиц без гражданства на территории Республики Казахстан;

- привлекать население обслуживаемого участка, общественные объединения и частные охранные предприятия к проведению индивидуальных воспитательных мероприятий в отношении лиц, допускающих правонарушения;

- информировать население о способах и средствах правомерной защиты от попыток несанкционированного проникновения в жилища путем проведения среди граждан соответствующей разъяснительной работы, выступлений в средствах массовой информации.

Немалый вклад в предупреждение корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин, может принести активная работа участковых инспекторов полиции.

Она может осуществляться в следующих направлениях:

- воспитательно-профилактическое воздействие на виктимную категорию граждан;

- предупреждение преступных проявлений путем информирования граждан о способах совершения преступлений и лицах, их совершивших;

- доведение до сознания людей понимания ситуаций и факторов совершения преступлений, разъяснение причин, порождающих их совершение, особенно в семейно-бытовой сфере;

- правовое воспитание и виктимологическое просвещение жителей, повышение их активности в защите от правонарушений;

- формирование общественного мнения с целью создания воспитывающей, сдерживающей обстановки вокруг лиц, чье поведение способствует совершению преступлений в отношении их самих и ближайшего окружения.

Организациями постоянного взаимодействия УИП с другими субъектами виктимологической профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений, а также государственными органами, предприятиями и учреждениями, благотворительными фондами, СМИ, религиозными организациями, органами опеки и попечительства, службами занятости, центрами социальной защиты и реабилитации, домами ночного пребывания и т.п. должна быть направлена на активизацию и конкретизацию их участия в этом направлении профилактической деятельности.

С учетом компетенции УИП основными направлениями их деятельности по общей виктимологической профилактике могут быть:

- участие в разработке и реализации виктимологических разделов местных программ борьбы с преступностью;

- изучение и адекватное формирование общественного мнения о виктимогенной обстановке и деятельности субъектов виктимологической профилактики по ее оздоровлению;

- правовое воспитание и виктимологическое просвещение жителей участков, оказание консультационной помощи по вопросам защиты от преступных посягательств.

Весьма актуальной задачей общей виктимологической профилактики корыстно-насильственных преступлений в деятельности УИП является восстановление и развитие сети общественных формирований правоохранительной направленности, налаживание и укрепление деловых связей с общественностью, проведение выступлений и отчетов перед жителями микрорайонов по вопросам борьбы с преступностью и ее виктимологических аспектов.

Исследование свидетельствует, что **УИП применяются следующие формы и методы общей виктимологической профилактики:**

- оповещение граждан через СМИ об имеющихся на участке фактах совершения преступлений, типичных действий преступников, а также алгоритм действий граждан в различных криминальных ситуациях;

- распространение на территории участков различных знаков, плакатов и обозначений, несущих предостерегающее, запрещающее, разъясняющее, агитационное виктимологическое содержание;

- разъяснение законодательных норм, регламентирующих правомерное применение в порядке самообороны газовых баллонов и пистолетов, а также в разрешенных законом случаях — огнестрельного оружия;

- привлечение внимания жителей микрорайонов, включая собственников из числа предпринимателей, к необходимости принимать меры по обеспечению личной безопасности, охране жилищ, хранилищ ценностей, транспортных средств и иного имущества;

- проверка и принятие мер по надлежащему освещению в микрорайоне улиц, подъездов домов и других общественных мест, организация несения службы нарядов патрульной полиции в местах, наиболее удобных для совершения преступлений;

- проведение плановых целевых бесед в детских образовательных и школьных учреждениях со школьниками, работниками и педагогами, а также по месту жительства с родителями и воспитателями о возможных вариантах поведения при столкновении с фактом преступного посягательства;

- проведение бесед по месту жительства с престарелыми и инвалидами, а также занятий с кассирами, инкассаторами, работниками частных охранных предприятий и других учреждений, социальное положение и профессиональная деятельность которых вызывает повышенный интерес преступного элемента.

К иным мерам, проводимым УИП, могут быть отнесены: оказание практической помощи жителям участков в оборудовании домофонов, укреплении окон первых этажей, дверей чердаков, подвалов и подъездов домов, а также других технических средств защиты от возможных преступных посягательств на квартиры, дома, офисы, места торговли и складские помещения

(рекомендации об использовании таких средств защиты, как пуленепробиваемые материалы, специальные решетки, сейфы, укрепленные двери и окна и т.п.).

Интересным представляется имеющийся опыт некоторых зарубежных стран (США, Германия), которые считают эффективным средством защиты организацию своего рода «системы соседского присмотра». Граждане, проживающие по соседству друг с другом, по договоренности присматривают за домами друг друга, особенно во время длительного отсутствия, обращая особое внимание на появление посторонних или подозрительных лиц. При необходимости они обращаются в полицию. Также полицией повсеместно практикуется информирование населения:

- об установке нескольких запоров или замков на дверях и окнах жилищ, складов и т.п.;
- о смене замков при въезде в новую квартиру или при утрате ключей;
- о необходимости маркировки наиболее ценных вещей и предметов (гравировки, нанесения меток несмываемой или бесцветной краской в виде различных кодовых знаков, номеров, инициалов и т.п., которые уменьшают притягательность данных предметов, ограничивают возможность их реализации, а также снижают стоимость при их реализации), которая оказывает психологическое воздействие на преступника;
- об обязательной установке дверных «глазков» и цепочек, средств электронной сигнализации.

Осуществляя общую виктимологическую профилактику, УИП ОВД призваны и имеют для этого широкие возможности оказывать воспитательное воздействие на различные группы населения, обладающие определенной степенью виктимности. Это воздействие осуществляется и непосредственно (как на потенциальных жертв преступлений, так и на граждан, участвующих в правоохранительных мероприятиях), и опосредованно — через сложный механизм формирования общественного мнения. Данное воздействие находится в прямой зависимости от качества деятельности участковых уполномоченных, их культуры и образования. Чем выше эти показатели, тем значительнее влияние на население микрорайонов, существенно дополняющее деятельность других субъектов, направленную на реализацию комплекса мер социального, экономического, хозяйственного,

правового, организационного и иного характера по выявлению детерминантов виктимности и их устранению.

Незаменима роль в предупреждении корыстно-насильственных преступлений **патрульной полиции** ГОРРАЙОВД, которые должны:

- проверять самостоятельно либо с участием сотрудников других подразделений ОВД на маршрутах патрулирования места наиболее вероятного совершения преступлений, укрытия лиц, склонных к совершению данных преступлений;
- с целью предупреждения совершения с их стороны соответствующих посягательств, пресекать случаи распития гражданами спиртных напитков в общественных местах, в том числе за счет сбыта краденного;
- выявлять и задерживать в ходе несения службы лиц, занимающихся бродяжничеством (попрошайничеством), осуществлять разъяснительную работу среди граждан по обеспечению сохранности имущества в квартирах;
- должным образом реагировать на обращения потерпевших и свидетелей совершения соответствующих преступлений.

Сотрудники **лицензионно-разрешительной службы** ГОРРАЙОВД:

- проводят проверку деятельности охранных предприятий и служб безопасности, расположенных на территории обслуживания, на предмет выявления фактов оказания услуг юридическим и физическим лицам без регистрации и получения в соответствующих органах лицензий, приема на работу в эти предприятия и службы граждан, не отвечающих установленным требованиям, а также иных нарушений уставной деятельности;
- обеспечивают контроль за использованием в охранной деятельности оружия и специальных средств, порядком его приобретения и хранения в соответствии с установленными требованиями.
- взаимодействуют с сотрудниками подразделений ОКП и ООБ ГОРРАЙОВД по вопросам предупреждения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, а также в розыске похищенного и утраченного оружия.

Безусловно, важнейшая роль в обеспечении сохранности имущества граждан принадлежит сотрудникам подразделений АО «Кузет», которые:

- осуществляют разъяснительную работу среди населения по обеспечению сохранности собственности граждан;
- на договорной основе проводят оборудование средствами сигнализации и охрану квартир, других мест хранения имущества собственников;
- обеспечивают охрану и сопровождение грузов и денежных средств при их перевозке;
- в пределах отнесенной к данной службе компетенции оказывают иные услуги по усилению защиты имущества собственников от преступных посягательств.

Практика показывает, что случаи совершения преступлений с охраняемых объектов единичны, следовательно, данная служба работает весьма эффективно.

К мерам профилактики **организационно-управленческого характера** можно отнести следующие:

1) организация уличного наблюдения по принципу взаимной помощи соседей.

Суть его заключается в том, что по договоренности соседи присматривают за квартирами (домами) во время отсутствия основной массы жильцов. Как правило, такой «охраной» занимаются пенсионеры, собирающиеся в дневное время во дворах домов, хорошо знающие основной контингент проживающих. Поэтому появление незнакомых, и особенно подозрительных лиц, не остается незамеченным. Грамотно организованная участковыми инспекторами полиции работа с данной категорией граждан позволяет уменьшить вероятность совершения корыстно-насильственного посягательства в данном районе, у преступников меньше шансов остаться незамеченными, и вполне вероятно, что злоумышленники, зная о том, что в том или ином доме (дворе) действует подобная система, откажутся от исполнения своих преступных замыслов, по крайней мере, в этом дворе.

2) организация специальной охраны мест нахождения имущества.

Во многих так называемых «элитных» домах издавна жильцы подъездов пользовались услугами вахтеров и служб охраны. Многолетняя практика показала, что сам по себе факт наличия таковых является действенной мерой предупреждения квартирных грабежей и разбоев. В настоящее время многие состоятельные граждане обоснованно пользуются охраной такого рода служб. Особенно эффективна организация такого рода работы

в многоэтажных, относительно недавно заселенных домах. Как правило, преступники знают, в каких домах работают охранники, и отказываются от намерений совершить там преступление, тем более что достаточное поле для их преступной деятельности представляют дома, не имеющие специализированной охраны.

Еще одним **направлением деятельности по предупреждению корыстно-насильственных преступлений** должна стать **работа по физической (технической) защите имущества**, которое может подвергаться незаконному изъятию и завладению. В зависимости от того, что это за имущество и где оно находится к моменту совершения преступления, принимаемые меры могут быть следующими:

1. Использование автономной охранной сигнализации по месту нахождения имущества.

По договоренности жильцов дома (или владельцев нескольких квартир) средствами автономной сигнализации блокируются несколько квартир, подъезд или дом, а световой или звуковой сигнал выводится в помещение, где постоянно присутствуют люди, имеющие возможность незамедлительно сообщать в полицию о срабатывании сигнализации или принять меры по задержанию преступника. Данная система гораздо дешевле и поэтому более доступна для граждан, которые по материальным соображениям не могут себе позволить установку индивидуальной охранной сигнализации либо качественное укрепление окон и дверей.

2. Планировка подъездов современных многоэтажных домов предполагает наличие общих коридоров на две-три квартиры, поэтому целесообразно установление одной дополнительной двери, закрывающей вход в общий коридор. Обычно преступники не рискуют трогать расположенные в них квартиры, поскольку увеличивается вероятность быть обнаруженными соседями.

3. Оборудование подъездов жилых домов переговорно-запорными устройствами (домофонами) для связи посетителей с жильцами либо более простыми приспособлениями в виде кодовых замков. Последние менее эффективны, так как преступнику часто не составляет труда выяснить код замка и проникнуть в подъезд.

4. Укрепление помещений, где находится имущество.

Как показывает практика, наиболее уязвимы, а следовательно, чаще других подвержены воздействиям входная дверь и окна (особенно, на первых и верхних этажах жилых зданий). Строи-

тельные стандарты в настоящее время не учитывают потребностей, предъявляемых потребителями к прочностным характеристикам дверей. Более высокую степень надежности обеспечивают бескоробочные двери, открывающиеся наружу, вмонтированные в строительные конструкции (бетонные блоки) с небольшим углублением, что многократно повышает их техническую возможность противодействовать физическим воздействиям. Дверная рама вместе с порогом должна жестко и герметично соединяться с окружающими дверь строительными элементами дверного проема жилого помещения во избежание выбивания двери вместе с рамой. Конструкции входных дверей и запорные устройства должны выдерживать механические (удары, взлом или отжатие, вибрацию) и химические (температурные перепады, коррозию и др.) воздействия.

Целесообразно применять следующие наиболее простейшие и эффективные меры по укреплению входных дверей:

1) установление металлического уголка на двери и дверном косяке со стороны замка, затрудняющего возможность взлома дверного полотна в месте крепления замка;

2) укрепление дверной рамы с помощью дополнительных металлических штырей;

3) установление металлических штырей в двери со стороны петель с целью удержания ее в дверном проеме в случае повреждения петель. Для этого в двух местах в торце двери со стороны петель закрепляются металлические штыри, а в дверной раме под размер установленных штырей высверливаются отверстия, в которые штырь входит при закрывании двери и удерживает ее при попытке повреждения петель;

4) закрепление цельного металлического экрана на всей поверхности полотна двери или только в месте крепления замка. Обычно, такое полотно предохраняет от некоторых видов взлома, распиливания двери, а маскируется оно штапельным полотном;

5) целесообразно оборудовать дверь 2—3 замками с различными техническими данными на различной высоте по полотну двери. Кроме этого, с внутренней стороны двери необходимо иметь дверные глазок и цепочку, а также дополнительную запорную задвижку;

6) маркировка имущества в ряде случаев уменьшает его привлекательность для похитителей, т.к. ограничивает возможность

реализации этих предметов и в то же время способствует оперативной идентификации подобных вещей при их розыске и опознании. С другой стороны, это и психологическое воздействие на преступников, так как встречаются добросовестные покупатели, которые при обнаружении маркированного имущества смогут обратиться в полицию.

Еще одно из возможных и достаточно действенных форм профилактики корыстно-насильственных преступлений — **использование средств массовой коммуникации**. В их числе ведущая роль принадлежит средствам массовой информации — периодическим печатным изданиям, радио-, теле-, видео- и телевизионным программам, сеть которых очень развита и разнообразна.

Возможности современных средств массовой информации позволяют субъектам виктимологической профилактики подключиться к системе социальных связей и благодаря этому производить сознательное «торможение» виктимных свойств, взглядов, настроений и намерений, стимулировать поведение, препятствующее совершению противоправных деяний.

Немалыми возможностями для виктимологической профилактики обладают современные средства связи и информационных технологий, к примеру, использование пейджеров и глобальных компьютерных сетей Internet.

Целесообразным было бы создание профилактическими службами МВД-ДВД в рамках локальных (городских, районных) компьютерных сетей своего сайта, который бы позволил потенциальным жертвам знакомиться с различными рекомендациями и информацией, направленной на виктимологическое обучение и правовое воспитание населения, обмениваться интересующей граждан информацией виктимологического содержания с другими пользователями данной сети, сообщать по указанному электронному адресу правоохранительным органам сведения о виктимогенных факторах, ситуациях и лицах, имеющих виктимную направленность.

Органам внутренних дел необходимо распространять среди населения специальные памятки (листочки) и буклеты, информирующие о мерах разумной предосторожности, о поведении при обнаружении подозрительных лиц, фактов преступлений и т.п. В комплексе профилактических мер важное место занимает пропаганда правовых знаний среди населения.

В подобные материалы необходимо включать информацию следующего содержания:

- где и когда преимущественно совершаются преступления;
- наиболее типичные способы проникновения преступников в квартиры;
- определение наиболее эффективных средств защиты помещения от незаконного проникновения;
- недопустимость приобретения вещей у незнакомых граждан по существенно заниженным ценам;
- обязательность своевременного информирования полиции о появлении в домах лиц, вызывающих подозрение, и т.п.
- разъяснение преимуществ использования охранных сигнализаций.

К числу простейших советов, которые следует использовать женщинам, стремящимся избежать корыстно-насильственного посяательства, можно отнести следующие:

- 1) поздно вечером не стоит привлекать излишнего внимания посторонних лиц к вашим украшениям. Их лучше спрятать под одеждой или вообще снять;
- 2) не рекомендуется носить деньги и драгоценности в сумочке, лучше положить их во внутренние карманы одежды;
- 3) рекомендуется носить свою сумку со стороны проезжей части, пользуйтесь плечевым ремешком, держать сумку под мышкой;
- 4) при снятии денег со счета в банкомате необходимо быть бдительными, обращать внимание на то, чтобы за вами никто не следил;
- 5) ни в коем случае не пересчитывать ваши деньги на улице;
- 6) никогда не показывать публично, особенно в кафе или ресторане, что имеете при себе много денег.
- 7) при нападении на вас в лифте, постараться нажать кнопку «Вызов диспетчера», который определит местонахождение лифта;
- 8) в вечернее время необходимо встречать своих близких, особенно, женщин, подростков и пожилых людей, на остановках общественного транспорта и провожать их при отъезде;
- 9) следует возвращаться домой только по освещенным и оживленным улицам, не выбирая для сокращения пути темные переулки;
- 10) многие нападения происходят вблизи жилых домов, в подъездах, на лестничных площадках. Необходимо реагировать на любой шум, слышимый за вашей дверью или окнами. Часто

достаточно предупредительного крика, чтобы заставить преступника отказаться от своего замысла.

Приведенные статьи рекомендуются для использования в качестве наглядной агитации.

3.3. Уголовное наказание как средство предупреждения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин

Среди различных форм и методов противодействия как преступности в целом, так и отдельным преступлениям традиционно одно из важнейших мест по праву принадлежит наказанию [168. с. 67]. В соответствующих нормативных и научных источниках можно найти множество подходов к тому, что такое наказание, какова его сущность и природа, формы проявления и пределы применения [169. с. 56].

Это многообразие мнений нашло естественное отражение в соответствующих нормативных правовых установлениях, в том числе в формулировании отечественным законодателем определения «наказания». Согласно ст. 38 УК РК «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Из данного определения следует, что уголовное наказание может быть применено лишь индивидуально, от имени государства, вопреки воле лица, признанного виновным в совершении преступления, определено приговором суда и должно проявляться в таком лишении или ограничении прав и свобод виновного, которое предусмотрено уголовным законодательством для того, чтобы восстановить социальную справедливость, а также исправить осужденного и предупредить совершение новых преступлений.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что каковым бы ни было определение наказания, даваемое законодателем (тем более, что оно не один раз менялось), главным для определения его места в общей системе предупредительного воздействия является выделение целей соответствующих мер государственно-го воздействия.

Любая цель может быть рассмотрена как объективное (результат, который должен быть достигнут) и как субъективное (отражение объективно существующих возможностей результата действий или деятельности). Так как процесс применения наказания — это всегда осознанная целенаправленная деятельность, то и цели, которые при этом могут преследоваться, могут быть более или менее отдаленными, общими или частными и даже иллюзорными (если обвинительный приговор будет вынесен на основе искаженных фактов, не соответствующих реальности).

Очевидно, что для восстановления справедливости суд должен применить наказание, которое будет соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, для исправления осужденного — определить наказание, которое должно обеспечить у него формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, а для предупреждения новых преступлений — назначить наказание, способное удержать от совершения новых преступлений как данное лицо (специальная превенция), так и других граждан (общая превенция).

Что касается последнего, то следует согласиться с мнением А. И. Марцева, свыше 30 лет назад высказавшего мнение о том, что по мере развития общества будет меняться не соотношение целей, стоящих перед наказанием, а характер общепредупредительного воздействия — от мотивационного (специально планируемого законодателем) к рефлекторному (специально не предусматриваемого) [170. с. 3—4]. Нужно заметить, что это предсказание во многом сбылось.

Прежде чем определить то, насколько последователен правоприменитель в достижении требуемых целей, проанализируем возможности, которые предоставлял ему законодатель, определяя санкции, которые могут быть применены к лицам, признаваемым виновными в совершении корыстно-насильственных посягательств.

В разные времена формы и виды реагирования на рассматриваемые группы посягательств были неодинаковыми. Обратившись к истории, можно заметить, что ввиду признания корыстно-насильственных преступлений деяниями, обладающими повышенной общественной опасностью, их совершение влекло применение достаточно жестких санкций.

Так, по Закону Хаммурапи, если человек украл либо вола, либо овцу, либо осла, либо свинью, либо же лодку, «он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит мушкенуму, он должен возместить в десятикратном размере. Если вор не имеет чем платить, он должен быть убит». Далее, по Законам XII таблиц (Древний Рим, V в. до н.э.) таблицей VIII предписывалось «...свободных людей, пойманных в краже с личным, подвергать телесному наказанию и выдавать тому, у кого совершена кража, рабов же наказывать кнутом и сбрасывать со скалы...». По законам Ману (Древняя Индия, III в. до н.э.) «при похищении коров, принадлежащих брахману..., при похищении мелких животных преступник немедленно должен быть лишен половины ноги». По древнегерманскому праву, так же как и в Древнем Риме, открытые и насильственные захваты чужого имущества признавались гражданско-правовыми деликтами и влекли, соответственно, гражданско-правовые последствия. Наоборот, тайное изъятие чужого имущества признавалось общественно опасным и коварным. Позднее взгляд на грабеж изменился, и он стал наказываться наравне с кражей, причем последняя, нередко, наказывалась строже [171. с. 18].

Князь Владимир в 996 г. ввел смертную казнь за разбой «...ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование, достоин же казни разбойника, но со испытанием». По «Русской Правде» (IX—XII вв.) в случае обнаружения лица, совершившего убийство в разбое, община, где обнаружен труп, должна платить дань. Согласно Русской Правде (Пространной редакции) за умышленное убийство при разбое (ст. 7) высшей мерой наказания был «поток и разграбление», т.е. конфискация всего имущества с изгнанием или продажей в рабство как виновного, так и членов его семьи [172. с. 162—163].

По «Великокняжескому» Судебнику 1497 г. головная татьба (разбой) каралась смертной казнью.

Царский Судебник 1550 г. грабеж и разбой относил к категории особо опасных преступлений, которые наказывались смертной казнью, а лица, их совершившие, причислялись к «лихим» людям.

Соборное Уложение в 1649 г. предусматривало весьма суровую ответственность за разбой и грабеж, при этом смертная казнь могла быть назначена за совершение второго разбоя (ст. 17 главы XXI), а признание в совершении разбоя под пыткой влек-

ло смертную казнь и после первого разбоя, если он был связан с убийством или поджогом (ст. 18 гл. XXI) [173. с. 45]. Если разбойник сознавался под пыткой в совершении многих разбоев, ему также грозила смертная казнь [174. с. 34].

В соответствии со ст. 21 главы XXI Уложения 1649 г. в России приговоренных к смертной казни разбойников в течение полугода оставляли в качестве заложников, а если в течение этого времени их «товарищей» не найдут, то их казнили. По Артикулам Воинским Петра I (1715 г.) кража и грабеж влекли соответственно — колесование и отсечение головы. Указом от 7 февраля 1718 г. Петр Первый приговорил к смертной казни ряд преступников, указав, что «...впредь будет применяться смертная казнь за разбои, татьбу, у пристанодержательство разбойников и участие в их добыче, продажа разбойного имущества, ведомства разбоев и пр.» [175. с. 34].

В первые годы существования советского государства также предпринимались весьма жесткие меры против грабителей, разбойников и вымогателей.

Так, Декретом ВЦИК РСФСР «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г. ВЧК получало право расстрела за разбой и вооруженный грабеж из магазинов и складов. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 г. кража и грабеж наказывались (карались) заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества, а разбой — заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 15 до 20 лет с конфискацией имущества. Кроме того, недонесение о разбое наказывалось лишением свободы на срок от одного до двух лет или ссылкой на срок от 4 до 5 лет.

В соответствии с УК КазССР 1959 г. была установлена различная ответственность за корыстно-насильственные посягательства на социалистическую (государственную и общественную) и личную собственность, что позволяло более строго наказывать первых и менее строго — тех, кто совершал грабеж и разбой в отношении граждан.

Как известно, действующее уголовное законодательство по-прежнему, разделяя ответственность за различные виды корыстно-насильственных посягательств в различных статьях Особенной части УК, предусматривает довольно жесткие санкции

за их совершение. Виновные в зависимости от отсутствия или наличияотягчающих квалифицирующих обстоятельств, могут быть подвергнуты следующим наказаниям.

1. При совершении грабежа (ст. 178 УК РК): минимально — ограничение свободы на срок до трех лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до четырех лет; максимально — лишение свободы на срок от шести до двенадцати лет с конфискацией имущества.

2. При разбое (ст. 179 УК РК): минимально — лишение свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества; максимально — лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

3. За вымогательство (ст. 181 УК РК): минимально — ограничение свободы на срок до трех лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до 100 МРП или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев или без такового; максимально — лишение свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией [145. с. 11].

По уголовному законодательству СНГ минимальные санкции за разбой без отягчающих квалифицирующих обстоятельств представлены в виде лишения свободы на различные сроки: на Украине — от трех до семи лет; Азербайджане — от трех до восьми лет; Узбекистане — от пяти до восьми лет; Беларуси, Грузии, Эстонии — от трех до десяти лет; Латвии — до десяти лет. Самое строгое наказание за неквалифицированный разбой предусмотрено уголовным законом Таджикистана (от пяти до десяти лет лишения свободы), Украины и Эстонии, в которых отсутствуют особо квалифицированные составы, соответственно, от 6 до 15 лет и от 6 до 12 лет лишения свободы.

Что касается «верхнего предела» наказаний, то они также схожи с российскими: от восьми до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества — Украина, Латвия, от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества — Азербайджан, от десяти до семнадцати лет с конфискацией имущества — Латвия, от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества — Узбекистан, от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества либо смертная казнь — Таджикистан.

По Уголовному кодексу Франции за отдельные виды корыстно-насильственных посягательств может быть назначено наказание в

виде пожизненного лишения свободы и штраф в размере 1000000 франков, по УК Японии — наказание в виде смертной казни или бессрочное лишение свободы с принудительным трудом.

Таким образом, можно сделать вывод о сходстве позиций казахстанских и зарубежных законодателей в подходах к тому, какие санкции должны применяться к лицам, осуждаемым за корыстно-насильственные преступления, сходной оценке относительно карательного воздействия, которое должно быть оказано на виновных.

Оценивая возможности уголовного наказания как одного из последствий совершения преступлений, в том числе корыстно-насильственного характера, нельзя забывать и еще об одной составляющей данного вопроса — о практике реального применения таковых, имея в виду наказуемость (или карательную) практику в отношении лиц, признанных виновными в совершении данных преступлений.

Согласно ст. 52 УК РК наказание назначается с соблюдением следующих основных требований:

- оно не должно выходить за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РК;
- более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.
- более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РК, может быть назначено лишь по совокупности преступлений и по совокупности приговоров (ст. 58 УК РК и ст. 60 УК РК);
- менее строгое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части может быть назначено только при наличии на то определенных ст. 55 УК РК оснований;
- наказание должно быть назначено с учетом положений Общей части УК;
- при назначении наказания должны быть учтены характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного (включая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание), а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В связи с этим естественный интерес вызывает анализ реальной практики применения существующих санкций к лицам, при-

знаваемым виновными в совершении корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин.

1. Итак, первым условием для справедливого назначения наказания является определение судом выбора вида и размера наказания в пределах санкции, которые определены для совершенного посягательства. Как известно, в виде и размерах уголовного наказания, предусмотренного соответствующей санкцией, находит отражение лишь типовая общественная опасность определенного вида посягательств, тогда как общественная опасность конкретного преступления находит свое воплощение в индивидуально назначаемом наказании.

Исходя из этого, логично предположить, что для преступлений, обладающих положительным зарядом опасности, наказание должно избираться в границах верхней половины соответствующей санкции, и, наоборот, для тех, которые имеют отрицательное значение опасности, — в пределах нижней половины. Если суды правильно реализовали принцип индивидуализации наказания и назначили справедливые меры наказания, то преступления, обладающие одинаковой (либо близкой) по значению общественной опасностью, должны повлечь сходные, если не идентичные, по строгости меры уголовного наказания. Соответственно преступления, обладающие большей общественной опасностью, должны наказываться более строго. С уменьшением же значений опасности преступлений следует ожидать ослабления применяемых мер наказания.

Анализ приговоров в отношении осужденных за рассматриваемую категорию посягательств показал, что суды всегда назначали виновным наказание в виде лишения свободы, размер которого в среднем составлял 3-5 лет. Структурно примененные санкции выглядели следующим образом:

1) ст. 178 УК РК: на срок до одного года лишения свободы осуждено 4,4 %, на срок до двух лет лишения свободы — 9,6 %, на срок до трех лет лишения свободы — 26,6 %, до пяти лет лишения свободы — 49 %, до восьми лет лишения свободы — 9,6 %, на срок до десяти лет лишения свободы — 0,8 %.

2) ст. 179 УК: на срок до одного года лишения свободы осуждено 0 %, на срок до двух лет лишения свободы — 16 %, на срок до трех лет лишения свободы — 16 %, до пяти лет лишения свободы — 28 %, до восьми лет лишения свободы — 36 %, на срок до десяти лет лишения свободы — 4 %.

3) ч. 1 ст. 181 УК РК: на срок до одного года лишения свободы осуждено 0%, на срок до двух лет лишения свободы — 1,4 %, на срок до трех лет лишения свободы — 7,5 %, до пяти лет лишения свободы — 32 %, до восьми лет лишения свободы — 41,5 %, на срок до десяти лет лишения свободы — 12,6 %, до пятнадцати лет лишения свободы — 4,4 %, до двадцати лет лишения свободы — 0,6 %.

4) чч. 2—3 ст. 181 УК РК: к лишению свободы приговорено — 85,4 %, условно осуждено — 14 %, освобождено по амнистии — 0,6 %, отправлено на принудительное лечение — 9 %.

Как видно, правоприменитель весьма успешно использует предоставленные ему возможности по назначению наказания за корыстно-насильственные посягательства.

1. Законодатель также установил, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Для рассматриваемой категории лиц данная проблема не существует, так как за корыстно-насильственные преступления в форме насильственного грабежа и разбоя могло быть назначено наказание только в виде лишения свободы. Вероятно, ситуация нивелируется возможностями по определению порядка исполнения назначенных наказаний, о чем речь пойдет дальше.

2. В соответствии с законом более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК, может быть назначено лишь по совокупности преступлений и по совокупности приговоров (ст. 58 УК РК и ст. 60 УК РК). В отношении рассматриваемой категории преступлений это происходило довольно часто: в 14 % случаев наказание виновным назначалось с применением правила поглощения более тяжким наказанием менее тяжкого, в 71 % — применялись правила сложения наказаний.

3. Как следует из закона, менее строгое наказание, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части, может быть назначено только при наличии на то определенных ст. 55 УК РК оснований, а именно при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно

при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления. При этом наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей УК, а также более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Анализ судебной практики показал, что наказание было назначено ниже низшего предела в менее, чем 5 % случаев. Ввиду незначительности выборки данный показатель не дает оснований для широкомасштабных выводов, но тот факт, что такая практика имела место в отношении лиц, которым было назначено наказание за совершение нескольких (совокупность) преступлений, вызывает некоторое недоумение.

Как показало проведенное исследование, каждому из виновных наказание назначалось с учетом положений Общей части УК, а также с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного (включая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание), влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Что касается обстоятельств, отягчающих наказание, то такие суд усмотрел в отношении каждого второго осужденного. Чаще всего, при этом речь идет о рецидиве преступлений (44 %), о совершении преступления в составе группы лиц, а также групп по предварительному сговору (9 %). При этом суды, нередко, (по 62 % приговоров) игнорируют положения ст. 54 УК РК «...если обстоятельство,..., предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться как обстоятельство, отягчающее ответственность и наказание». Такие нарушения, на наш взгляд, недопустимы.

О том, какие обстоятельства, смягчающие наказание, суды обычно учитывают в отношении лиц, осуждаемых за корыстно-насильственные посягательства, можно судить из приведенного графика (см. рис. 1).

Из рисунка видно, что чаще всего суды учитывают в качестве смягчающего обстоятельства «совершение преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств», а также иные, прямо не предусмотренные законом обстоятельства, наибольшая доля среди которых (68 %) прихо-

дится на признание виновным своей вины в совершенном преступлении. К этому следует заметить, что большая часть (58 %) виновных в корыстно-насильственных посягательствах против женщин полностью признали свою вину в содеянном, 34 % — частично, лишь 8 % — отказались от признания вины. Небезынтересно, что основная масса признающих свою вину были осуждены за совершение разбоев, а среди тех, кто совершил грабеж, удельный вес таких лиц в два раза меньше.

Наряду с назначением наказания суд, как известно, должен определить порядок его отбывания, в частности, применить условное осуждение (ст. 61 УК РК), отсрочить его исполнение (ст. 72 УК РК) либо вообще освободить от уголовной ответственности. Анализ показал, что условному осуждению подвергаются осуждаемые по ч. 1 ст. 178 УК РК — 43 %, ч. 2 ст. 178 УК РК — 3,7 %, по ч. 1 ст. 181 УК РК — 27 %.

Кроме того, как показало проведенное исследование, подверглись амнистии 12,2 % признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 178 УК РК, а также 2,3 % — осужденных за разбой (ст. 179 УК РК).

Учитывая различия в общественной опасности рассматриваемых посягательств, представляется возможным установить различные санкции для отдельных проявлений корыстного насилия в зависимости от тех или иных обстоятельств, тем самым, гарантируя различное карательное воздействие на виновных.

Кара и ее место в уголовном наказании определяются в уголовно-правовой литературе чрезвычайно разнообразно. И. С. Ной понимал кару как «...принуждение с целью вызвать страдание и как элемент содержания наказания» [177. с. 29]. По мнению М. Д. Шаргородского, «...семантическое значение наказания и кары идентично. В юридической литературе, однако, применяется термин «кара», при этом ему придается специальное значение» [178. с. 60]. Б. С. Утевский исходил из того, что кара есть принуждение, а Б. С. Никифоров писал, что «кара предполагает принуждение к страданию... которое по своему характеру и длительности пропорционально, соразмерно совершенному преступником злему делу, преступлению».

Ряд авторов считают кару целью наказания [179. с. 27], другие — сущностью [180. с. 19]. Детальный анализ термина «кара» с учетом существующих подходов к его пониманию проведен В. К. Дуюновым. По его мнению, кару следует рассматривать в

общесоциологическом смысле как негативную реакцию в виде осуждения, порицания, укора виновного за совершенное им нарушение той или иной социальной нормы [181. с. 65—68]. Причем, не существует отраслевых понятий, таких, как, например, «уголовная кара», поскольку «это целостное понятие, «неделимое», выражающее самое главное во всех видах реакции на проступок». Кара может пониматься и как «цивилизованная мера справедливости, проявляющаяся в применении к лицу, виновному в совершении преступления, предусмотренных уголовным законом неблагоприятных для него последствий (осуждения и, при необходимости, тех или иных правоограничений) за то, что это лицо совершило, и в меру того, что оно совершило, в целях обеспечения торжества справедливости, исправления виновного и предупреждения новых преступлений» [182. с. 26].

По мнению В. А. Никонова, «кара больше отражает содержательную сторону сущностной стороны наказания (определенный объем ограничений, лишений), а возмездие отражает все стороны явления в совокупности. И именно возмездие является сущностью наказания. Однако, термин «наказание» известен не только уголовному праву, а употребляется более широко, поскольку возмездие (кару) можно определить только как сущность первого порядка (сущность наказания вообще). В наказании же уголовном нужно говорить о сущности второго порядка». Этот же автор утверждал, что «сущностью второго порядка, определяющей именно уголовное наказание, выступает репрессия» [183. с. 27—30].

Таким образом, уголовное наказание есть наиболее яркое выражение кары и репрессивной реакции на факт совершения преступления, а карательная практика — это деятельность суда по назначению наказания и обращению его к исполнению в соответствии с действующим законодательством.

Конечно, анализируя практику назначения наказания за любые преступления, включая и корыстно-насильственные, которые совершены в отношении женщин, следует помнить о том, что практически невозможно учесть абсолютно все обстоятельства, которые судья принял в расчет при назначении наказания. В действительности, мы можем лишь приблизиться к познанию данного субъективного процесса. Поэтому неизбежны расхождения между примененными санкциями даже «внутри» отдельных видов корыстно-насильственных преступлений. Но, при

этом, очевидно, что карательное воздействие должно обеспечить достижение целей индивидуализации наказания. Ведь карательная практика как результат применения уголовного наказания как бы опосредует сдерживающий эффект уголовного наказания и по механизму воздействия в некоторой степени сравнима с каталлизатором. В таких случаях В. А. Никонов предлагал говорить об особом рода социальном явлении, которое следует именовать наказываемостью (по аналогии с преступностью). По его мнению, «наказываемость — есть производное от преступности, относительно массовое, социальное, уголовно-правовое явление, складывающееся из совокупности наказаний, назначенных на определенной территории за определенный период времени».

Конечно, такое мнение весьма ценно, хотя и несколько спорно с точки зрения необходимости и достаточности признаков, которые выделял автор. Во-первых, наказываемость — это явление не производное от преступности, а производное от наказания (как индивидуального акта правоприменения). Во-вторых, оно не является уголовно-правовым явлением, так как законодатель уже давно отказался от идеи группового (коллективного) наказания, следовательно, наказываемость как макроявление (процесс) утрачивает свою первоначальную уголовно-правовую природу. Наконец, наказываемостью лучше всего было именовать не только процесс назначения наказания, но и обращение его к исполнению.

С этих позиций уровень наказываемости корыстно-насильственных посягательств может быть рассмотрен как абсолютный размер рассматриваемого явления в определенных условиях места и времени: количество осужденных, к которым применены те или иные меры уголовного наказания, а также число лиц, оправданных по результатам судебного разбирательства. Исследование показало, что количество осуждаемых за корыстно-насильственные посягательства в отношении женщин всегда отстает от числа привлекаемых к уголовной ответственности и даже тех, кому предъявляется обвинение, данная разница в последнем случае чаще всего вызывается применением к виновным актов амнистии.

Наряду с этим, на наш взгляд, существует еще одна проблема, которая связана с возможностью оптимизации санкций за различные виды корыстно-насильственных посягательств, следовательно, уровня карательного воздействия в зависимости

от характера и степени общественной опасности совершаемых посягательств. В связи с высказанными ранее предложениями усовершенствовать диспозиции норм, предусматривающих ответственность за грабежи и разбои, вполне закономерным будет установить и различные санкции за деяния, которые будут совершаться с причинением личного вреда потерпевшим и деяния, при которых виновные ограничатся угрозами применения такого насилия. За основу дифференциации можно избрать существующие санкции, которые содержат ст.ст. 178 и 179 УК РК.

Заключение

Проведенное исследование корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин, позволило сформулировать следующие основные теоретические выводы и практические предложения.

Корыстно-насильственные посягательства имеют сложную социально-правовую природу, которая предопределена «двойной» целевой направленностью умысла виновных: уголовно-противоправным нарушением личной неприкосновенности и неприкосновенности имущества, находящегося в законном владении, пользовании или распоряжении потерпевшего.

Нахождение соответствующих составов в Главе 6 УК Республики Казахстан может рассматриваться в качестве косвенного доказательства признания законодателем приоритета имущественных прав человека над личными. При совершении данных преступлений, сопряженных с незаконным проникновением в помещения, дополнительным объектом уголовно-правовой охраны выступает неприкосновенность помещений, где находится похищаемое имущество.

Специфика содержания корыстно-насильственных посягательств заключается в одновременном посягательстве на неприкосновенность лиц, ставших жертвами данных посягательств, и находящегося в их распоряжении имущества, что позволяет рассматривать каждое из них как единое двухобъектное преступление со сложной мотивационной структурой и действиями, направленными, в первую очередь, на незаконное завладение и изъятие чужого имущества.

Совокупность корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин ввиду присущей ей статических, структурных и динамических закономерностей, следует рассматривать как разновидность корыстно-насильственной преступности, имеющей региональную специфику. В силу таких закономерностей можно отнести:

— стабильно небольшой (до 10 %) удельный вес в структуре всей корыстно-насильственной преступности региона;

— наличие тенденции к росту как по абсолютным, так и по структурно-долевым показателям, в основном за счет преступ-

лений, сопряженных с незаконным завладением средствами мобильной связи, а также деньгами и различными документами;

— преимущественно городской характер данных преступлений;

— возрастание общественной опасности преступлений, совершаемых лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, в том числе реально не отбывавшими назначавшиеся сроки наказания;

— причинение многократно меньшего материального ущерба потерпевшим при совершении преступлений на улице, и большего — при посягательствах, сопряженных с незаконным проникновением в квартиры, помещения или иные хранилища;

— подавляющее «одиночный» характер преступлений, при которых виновному удастся достичь поставленной корыстной цели посредством использования угроз насилием без причинения определенного вреда здоровью;

— высокая латентность преступлений, при которых не причиняется вред здоровью, а также деяний, совершенных при отсутствии свидетелей и причинивших незначительный материальный ущерб и др.

Для совершенствования аналитической работы органов внутренних дел, а также последующего совершенствования практики предупреждения корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин, целесообразно ввести самостоятельный вид статистического учета жертв преступлений и более полного учета ущерба, причиняемого в результате совершения преступлений.

Для своевременной компенсации ущерба, причиняемого женщинам при совершении корыстно-насильственных посягательств, а также оказания жертвам таких преступлений своевременной психологической (реабилитационной) помощи, необходимо осуществить комплекс просветительских и организационных мероприятий, направленных на стимулирование правовой активности граждан по защите их имущественных интересов (в том числе с использованием средств массовой информации), а также создать при органах социальной защиты населения специализированные центры по оказанию на безвозмездной основе консультационных услуг юридической и психологической направленности.

Основные задачи по профилактике корыстно-насильственных посягательств, совершаемых в отношении женщин, долж-

ны быть возложены, в первую очередь, на подразделения общественной безопасности ГОРРАЙОВД, затем на подразделения ОВП. Стратегическим направлением их деятельности должна являться виктимологическая профилактика, рассчитанная на потенциальных жертв корыстно-насильственных посягательств, учитывающая следующие виды ситуаций совершения рассматриваемой категории преступлений:

- провоцирующая;
- удобная;
- нейтральная;
- затрудняющая.

Учет этих ситуаций позволит заметно снизить риск женщин подвергнуться корыстно-насильственным посягательствам.

В целях совершенствования практики борьбы с грабежами и разбоями предлагается:

- более глубоко изучать основные причины и условия, приемы совершения грабежей и разбоев в отношении женщин, учитывать их при подготовке судами и следственными органами постановлений и определений в адрес организации профилактики в отношении частных лиц;
- организовать специальный учет лиц, склонных совершать рассматриваемые преступления;
- комплексно подходить к решению задач по предупреждению грабежей и разбоев с незаконным проникновением в жилище, привлекать к их решению общественность;
- усилить работу органов внутренних дел по выявлению и ликвидации соответствующих преступных групп, особенно тех, в которые включены несовершеннолетние;
- повысить уровень индивидуальной профилактики рассматриваемой категории лиц;
- организовать должный контроль за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, отбывавшими наказание за грабежи и разбой с незаконным проникновением в жилище;
- совершенствовать работу по «горячим следам», обеспечивать свое временное прибытие СОГ на место совершения грабежей и разбоев;
- организовать специализированные СОГ по раскрытию грабежей и разбоев с незаконным проникновением в жилище, по установлению и розыску преступников;
- улучшить сбор оперативной информации о лицах, причастных к совершению грабежей и разбоев (наводчики, скупщики

краденного и др.), о среде, в которой формируются и создаются преступные группы;

- организовать постоянный обмен информацией о совершении грабежей и разбоев между ГОРРАЙЛИНОВД, ДВД-ДВТ;

- выявлять лиц, которые замышляют либо могут совершить преступление корыстно-насильственной направленности, с целью оказания на них соответствующего профилактического воздействия;

- развивать формы и методы виктимологической профилактики, стимулирования правовой активности граждан по личной защите своих имущественных интересов;

- улучшить информационно-аналитическую работу ГОРРАЙОВД за счет активного использования сведений медицинских учреждений и организаций, осуществляющих страхование имущества и здоровья граждан;

- разработать и реализовать целевые программы правовой и психологической помощи женщинам-жертвам корыстно-насильственных преступлений.

Несмотря на предоставленную законодателем возможность применения к виновным в совершении корыстно-насильственных посягательств в отношении женщин достаточно строгих мер наказания, соответствующая карательная практика не отличается повышенной строгостью (индекс карательного воздействия такой же, как при назначении наказания виновным, совершившим одноименные преступления в отношении мужчин). Для повышения эффективности общей и специальной превенции целесообразно сузить масштабы практического применения условного осуждения к лицам, которые совершают корыстно-насильственные посягательства в отношении женщин.

Приложение 1

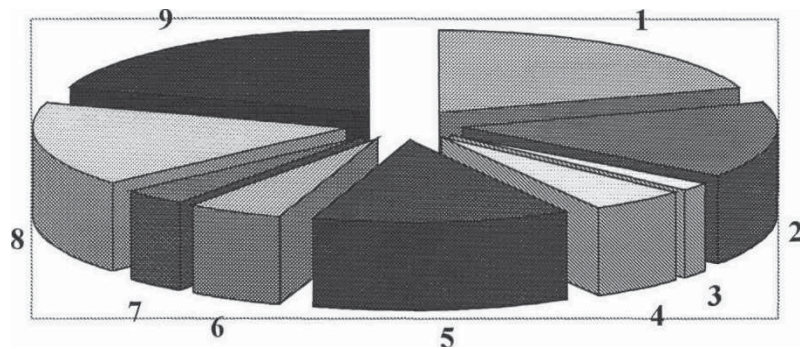


Рис. 1. Распределение обстоятельств, смягчающих наказание, которые учитываются при назначении наказания за корыстно-насильственные посягательства в отношении женщин (в % к общему числу учтенных обстоятельств)

Прим. Группы обстоятельств, отягчающих наказание:

- 1) совершение впервые преступления небольшой тяжести;
- 2) несовершеннолетие виновного;
- 3) беременность;
- 4) наличие малолетних детей у виновного;
- 5) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания;
- 6) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;
- 7) явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления;
- 8) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением;
- 9) иные смягчающие обстоятельства.

Список использованных источников

1. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ.— М., 1997.— С. 192.
2. Доклад о развитии человека за 2000 год (ПРООН).— Нью-Йорк, 2000.— С. 46.
- 2 «а». Анастасия Парыгина. «Бытовое насилие в Казахстане растет». // Свобода слова. 19.06.2008 г.— С. 22.
3. Женщины и мужчины Казахстана (статистический сборник) // Агентство Республики Казахстан по статистике.— Астана, 2007.— С. 9.
4. О состоянии преступности за 2007 год. // Юридическая газета. 31 января. № 15.— С. 1.
5. Статистические данные о корыстно-насильственных преступлениях, зарегистрированных в Республике Казахстан (2000-2005 гг.). ДТС МВД Республики Казахстан.— Астана, 2005.— С. 16—17.
6. Алауханов Е. О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений.— СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.— С. 272.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н. Ю.— М., 1988.— С. 242, 314.
8. Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) // Под ред. Долговой А. И.— М., 2004.— С. 7.
9. Абельцев С. Н. Характер насилия и корыстные мотивы преступлений против личности.— М., 1997.— С. 27.
10. Волков Б. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование).— Казань, 1982.— С. 45.
11. Белогриц-Котляревский Л. О воровстве — краже по русскому праву. Вып. 1.— Киев, 1880.— С. 51; Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж).— СПб., 1880.— С. 56; Круглевский А. Н. Имущественные преступления.— СПб., 1913.— С. 77; Исаев М. М. Имущественные преступления.— М., 1938.— С. 101; Скляр С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: Теоретический анализ / Государство и право, № 9, 1997.— С. 23.
12. Глистин В. К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений.— Л., 1979.— С. 45; Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений.— Вол-

гоград, 1975.— С. 34; *Никифоров Б. В.* Объект преступления по советскому уголовному праву.— М., 1960.— С. 11; *Тацкий В. Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве.— Харьков, 1988.— С. 67; *Фролов Е. А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сб. науч. труд. СЮИ. Вып. 10, 1969.— С. 198.

13. *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве.— М., 1963.— С. 169.

14. *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления.— М., 1979.— С. 120.

15. Уголовное право России: Общая часть / Под ред. *Рарога А. И.*— М., 1997.— С. 45; Уголовное право: Общая часть / Под ред. *Петрашева В. Н.*— М., 1999.— С. 56; Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / Под ред. *Здравомыслова Б. В.*— М., 1999.— С. 23; Уголовное право: Общая часть / Под ред. *Марцева А. И.*— Омск, 2001.— С. 45.

16. *Тугельбаева Б. Г.* Проблемы предупреждения преступного насилия в отношении женщин. Монография.— Бишкек. 2003.— С. 9.

17. *Тагер С.* Два вида насилия // Административный вестник. 1927, № 9.— С. 47.

18. *Гаухман Л. Д.* Борьба с насильственными посягательствами.— М., 1969.— С. 3.

19. Уголовное право: Общая часть / Под ред. *Козаченко И. Я., Незнамовой З. А.*— М., 1998.— С. 278; *Джавадов Ф. М.* Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия. Автореф. дисс. ... к.ю.н.,— М., 1985.— С. 11.

20. *Иванцова И.* Основные положения концепции общественно опасного насилия в уголовном праве // Уголовное право. № 4. 2004.— С. 29.

21. *Сердюк Л. В.* Насильники и их жертвы. Криминологическое и уголовно-правовое исследование.— Уфа, 2002.— С. 17.

22. *Хомутов В.* Насилие как признак, квалифицирующий склонение к потреблению наркотиков // Российская юстиция. № 8, 2003.— С. 45.

23. *Шарапов Р. Д.* Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения). Автореф. дисс. ... д.ю.н.— Екатеринбург, 2006.— С. 11.

24. Доклад IV Всемирной конференции по положению женщин (ООН).— Пекин, 1995.— С. 60.

25. *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права.— Красноярск, 1990.— С. 67.

26. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. «Разбой — нападение с целью ограбления, сопровождаемое насилием, иногда убийством (устар.), а разбойник — это грабитель, человек, промышляющий разбоем». В 4 т. Т. 3 / Под ред. *Ушакова Д. Н.*— М., 1996.— С. 1118; «грабить» — отнимать силой, в открытом разбойном нападении, «грабитель» — это разбойник, занимающийся грабежом. В 4 т. Т. 1 / Под ред. *Ушакова Д. Н.*— М., 1996.— С. 611.

27. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные.— СПб., 1907.— С. 229—231.

28. *Перехвальская Е.* Наследие каменного века (стереотипы гендерного поведения) // Все люди — сестры.— СПб., 1993. № 1—2.— С. 29—34.

29. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 45.

30. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 46.

31. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возвратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 12, 15.

32. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возвратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 72, 310, 321.

33. *Исаев И. А.* История государства и права России.— М., 1996.— С. 22, 37.

34. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возвратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 323.

35. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 54.

36. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 54.

37. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 61.

38. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 63.

39. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 77.

40. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 79.

41. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 77.

42. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 78.

43. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 80.

44. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 79.

45. *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVII-первой половине XIX вв.— Алма-Ата: Наука, 1981.— С. 79.

46. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 84.

47. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 72.

48. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) // Составитель *Томсинов В. А.*— М., 1998.— С. 77.

49. Материалы по казахскому обычному праву: Сб. сост.: *Культелеев Т. М., Масевич М. Г., Шакаев Г. Б.*— Алматы: Жалын, 1998.— С. 37.

50. *Рогов А. В.* История государства и права России (IX — нач. XX вв.).— М., 1995.— С. 15.

51. Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г., с мотивами извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии.— СПб., 1904.— С. 850.

52. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. В договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «Русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит, и (сверх того) вор будет наказан по закону греческому и по уставу и закону русскому.— Ростов-на-Дону, 1995.— С. 254.

53. Сб. постановлений Верховного суда СССР и союзных республик (1937—1953 гг.).— М.: ГосЮрИздат. 1954.— С. 134.

54. Ведомости Верховного Совета СССР. № 9, 1947.— С. 207—210.

55. Нормативное постановление № 6 Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 23 июня 2006 года // Казахстанская правда, 2006. 12 июля.— С. 3.

56. *Векленко В. В.* Квалификация хищений: Монография.— Омск: Омская академия МВД России, 2001.— С. 101.

57. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) // Составитель *Томсинов В. А.*— М., 1998.— С. 180—183.

58. *Кочин С. М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности.— М., 1998.— С. 15.

59. Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г., с мотивами извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии.— СПб., 1904.— С. 765.

60. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. *Герцензона А. А.* и *Пионтковского А. А.*— М., 1939.— С. 50.

61. Сб. постановлений Верховного суда СССР и союзных республик (1937—1953 гг.).— М.: ГосЮрИздат. 1954.— С. 75.

62. Ведомости Верховного Совета СССР. № 9. 1947.— С. 211—212.

63. Ведомости Верховного Совета СССР. № 9. 1947.— С. 210—211.
64. Ведомости Верховного Совета СССР. № 9. 1947.— С. 212.
65. Нормативное постановление № 6 Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 23 июня 2006 года // Казахстанская правда. 2006. 12 июля.— С. 3.
66. Векленко В. В. Квалификация хищений: Монография.— Омск: Омская академия МВД России, 2001.— С. 5.
67. Векленко В. В. Квалификация хищений: Монография.— Омск: Омская академия МВД России, 2001.— С. 101.
68. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» от 2007. 11 мая // Казахстанская правда, 2007. 16 мая.— С. 3.
69. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова.— М., 1998.— С. 92; Зубкова В. И. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за угрозу // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1987. № 1.— С. 40; Демин Ю. М. Преступления против правосудия: Лекция.— М., 1998.— С. 45.
70. Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М.: Наука, 1981.— С. 765.
71. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений.— Свердловск: СГУ, 1975.— С. 50.
72. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений.— М., 1972.— С. 75.
73. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова.— М., 2004.— С. 207—212.
74. Кондратюк Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычисления.— М., 1976.— С. 15; Алексеев А. И. Криминология: Курс лекций. Изд. 4, испр. и доп.— М., 2004.— С. 29; Криминология: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеева. Изд. 2, перераб. и доп.— М., 2004.— С. 54; Антонян Ю. М. Криминология: Избранные лекции.— М., 2004.— С. 47; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. А. И. Долговой.— М., 2004.— С. 44.
75. Статистические данные о корыстно-насильственных преступлениях, зарегистрированных в Республике Казахстан (2000—2005 гг.). КПС и СУ Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.— Астана.— С. 30.

76. Конев А. А. Основные криминологические характеристики латентной преступности.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1980.— С. 45; Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние.— Нижний Новгород, 1992.— С. 44; Описательная криминология // Учение о ненаказанной преступности: понятие, виды, методы изучения и измерения. Ч. 2.— Нижний Новгород, 2004.— С. 34; Дзиев Б. Латентная преступность в контексте практики предупреждения и раскрытия преступлений // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. / Сб. материалов международного семинара.— М., 1993.— С. 45.
77. Приказ № 6 Генерального прокурора Республики Казахстан «О приеме, регистрации, учете и рассмотрении заявлений, сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях, происшествиях» от 10 декабря 2003 // Прокурорский надзор. Сборник нормативных актов.— Алматы: НОРМА-К, 2004.— С. 84.
78. Результаты анкетирования и опроса практических работников ДВД г. Алматы, ДВД Актюбинской области и ДВД Алматинской области (2006—2007 гг.).— С. 130.
79. Результаты социологического опроса гг. Алматы, Астаны, Караганды и Усть-Каменогорска // Проект «Мы против насилия».— Астана. 2004.— С. 24
80. Шнайдер Г. И. Криминология.— М., 1994.— С. 6—7.
81. Курашвили А. А. Криминологические проблемы борьбы органов внутренних дел с грабежами и разбоями.— М.: МВШ МВД СССР, 1980.— С. 101.
82. Гладких В. И., Борбат А. В. и Шабанов Г. Х. Преступность в Московском регионе.— М., 1998.— С. 45—46.
83. Шоткинов С. А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири.— Самара, 2004.— С. 4.
84. Архивные материалы уголовных дел суда гг. Астаны, Алматы, Актобе и Шымкента (2000—2005 гг.).— С. 15.
85. Бимурзин С. Б. Региональные особенности борьбы с преступностью несовершеннолетних. Дисс. ... к.ю.н.— Алматы, 1999.— С. 84.
86. Чокморова А. С. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Автореф. дисс. ... к.ю.н.— Алматы, 1997.— С. 121.
87. Побрызгаева Е. В. Характер насилия при разбое.— СПб., 1994.— С. 71—73.
88. Бааль Е. Г. Преступление как объект криминологического исследования. Автореф. дисс. ... к.ю.н.— М., 1980.— С. 6—7.

89. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учебное пособие.— М., 1998.— С. 56; Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микркриминология).— М., 2001.— С. 101.

90. Бойцов А. И. Преступления против собственности.— СПб., 2002.— С. 45—46.

91. Лунеев В. В. Системный подход к изучению мотивации преступного поведения. В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33.— М., 1980.— С. 4.

92. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения.— М., 1991.— С. 107; Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии.— М., 1984.— С. 204; Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности.— М., 1976.— С. 89; Липер Р. У. Мотивационная сфера эмоций.— М., 1984.— С. 101; Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования.— М., 1972.— С. 90; Волков Б. С. Мотивы преступлений.— Казань, 1982; Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения.— Горький: ГВШ МВД СССР, 1979.— С. 67.

93. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство.— М., 1995.— С. 67.

94. Гернет М. Н. Моральная статистика.— М., 1922.— С. 19; Тард Г. Преступник и преступления.— М., 1906.— С. 67—68; Тард Г. Сравнительная преступность.— М., 1907.— С. 121.

95. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма.— М., 1977.— С. 152.

96. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности.— М., 1977.— С. 288—289.

97. Герцензон А. А. Уголовное право и социология.— М., 1970.— С. 89.

98. Дубинин В. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность.— М., 1982.— С. 56—57.

99. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность.— Л., 1968.— С. 20.

100. Ной Н. С. Методологические проблемы советской криминологии.— Саратов, 1975.— С. 67.

101. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии.— М., 2005.— С. 56.

102. Аванесов Г. А. Криминология: Учебное пособие.— М.: Наука, 1984.— С. 230.

103. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. П. Личность корыстного преступника.— Томск, 1989.— С. 42.

104. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 2.— М.: Мир, 1992.— С. 38.

105. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения.— М., 1982.— С. 45.

106. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения.— Горький: ГВШ МВД СССР, 1979. С. 79.

107. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения.— М., 1982.— С. 5.

108. Неймарк М. С. Изучение мотивации детей и подростков.— М., 1972.— С. 117.

109. Результаты опроса осужденных исправительного учреждения КА-168/2 г. Актюбинск. УКУИС по Актюбинской области Министерства юстиции Республики Казахстан.— Актюбинск. 2006.— С. 84—91.

110. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения.— М., 1992.— С. 51—53.

111. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность.— М., 1990.— С. 154.

112. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения.— М., 1992.— С. 52—56.

113. Ситуация (от лат. *situatio* — положение) — сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку // Советский энциклопедический словарь.— М., 1987.— С. 12—16.

114. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления.— М., 1973.— С. 6; Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии.— М., 1968.— С. 38.

115. Архив суда г. Актюбинск (2002—2007 гг.).— Актюбинск.— С. 8.

116. Архив Жетысуйского районного суда г. Алматы (2005—2006 гг.).— Алматы.— С. 10.

117. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Кузнецовой Н. В., Эминова В. Е.— М.: Юрист, 1995.— С. 26; Личность преступника: Учебное пособие / Под ред. Кудрявцева В. Н., Миньковского Г. М., Сахарова А. Б.— М., 1975.— С. 16.

118. Алексеев А. И. Криминология: Курс лекций.— М.: ЩИТ.— М., 1998.— С. 58, 84—91.

119. Курганов С. И. Основы криминологии: Учебное пособие.— М.: NOTA BENE, 1998.— С. 51—56.

120. Курс советской криминологии: предмет и методология. Преступность и ее причины. Преступник.— М.: Юрид. литература, 1985.— С. 248.

121. Результаты опроса осужденных исправительного учреждения КА-168/2 г. Актюбинск. УКУИС по Актюбинской области Министерства юстиции Республики Казахстан.— Актюбинск. 2006.— С. 84—91.

122. Коробейников Б. В., Кузнецова Н. Ф., Миньковский Г. М. Криминология.— М., 1998.— С. 5.

123. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве.— Владивосток, 1970.— С. 64.

124. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Курдюков Ю. Н. Личность корыстного преступника.— Томск, 1989.— С. 6.

125. Криминология: Учебник / Под ред. проф. Кузнецовой Н. Ф., проф. Миньковского Г. М.— М.: БЕК, 1998.— С. 124—132.

126. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Кузнецовой Н. Ф.— М.: Зерцало, 1996.— С. 45.

127. Четвериков В. С. Криминология: Учебное пособие.— М.: ИНФРА-М, 1996.— С. 66.

128. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание.— М. 1957.— С. 308.

129. Беляев Н. А., Орехов В. В. и др. Криминология.— СПб., 1992.— С. 91—92.

130. Кудрявцев В. Н., Кондрашков Н. Н. и др. Личность преступника.— М., 1975.— С. 56.

131. Абрамов А. М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества. Дис. ... д.ю.н.— М., 2002.— С. 121.

132. Волков Б. С. Личность преступника (уголовно-правовое и криминологическое исследование).— Казань, 1972.— С. 8.

133. Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений.— М., 1990.— С. 6.

134. Антонян Ю. М., Самовичев Е. Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве.— М., 1983.— С. 71.

135. Рыбальская В. Я. Особенности мотиваций разбойных нападений несовершеннолетних // Проблемы советского государства и права, № 11—12, 1975.— С. 34.

136. Токарев А. Ф. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью.— М., 1990.— С. 7.

137. Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой.— М., 1997.— С. 467—468.

138. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология.— М., 1991.— С. 70.

139. Результаты опроса осужденных исправительного учреждения КА-168/2 г. Актюбинск. УКУИС по Актюбинской области Министерства юстиции Республики Казахстан.— Актюбинск, 2006.— С. 58—91.

140. Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология.— М., 1991.— С. 71.

141. Христенко В. Е. Психология поведения жертвы.— Ростов-на-Дону, 2004.— С. 78—79.

142. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985.— С. 180, 347.

143. Чишко Л. А. Юридический словарь. Потерпевший (в юридическом смысле) — лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный ущерб, вред.— М., 1981.— С. 330.

144. Чишко Л. А. Словарь синонимов русского языка. Пострадавший — потерпевший, жертва, страдающая сторона.— М., 1971.— С. 394.

145. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Учебно-практическое пособие.— Алматы: НОРМА-К, 2007.— С. 7.

146. Полубинский В. И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1990.— С. 83.

147. Полубинский В. И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1990.— С. 27—28.

148. Полубинский В. И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1990.— С. 38.

149. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество.— М., 2004.— С. 78—79.

150. Миньковский Г. М., Ревин В. П. Уголовная политика и ее реализация органов внутренних дел: методические материалы.— М., 1996.— С. 9.

151. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Долговой А. И.— М., 1997.— С. 180.

152. Ратинов А. Р. Психологическое изучение личности преступника.— М., 1981.— С. 4.

153. Геденов Н. Н. Грабители и бандиты // Преступный мир Москвы.— М., 1924.— С. 39—40.

154. Геденов Н. Н. Грабители и бандиты // Преступный мир Москвы.— М., 1924.— С. 42.

155. Стручков Н. А. Изучение обстоятельств, обуславливающих преступность в СССР // Сов. государство и право. № 2. 1971.— С. 98—99.

156. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления.— М., 1973.— С. 6; Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии.— М., 1968.— С. 27—38.

157. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985.— С. 347.

158. Результаты социологического опроса жителей г. Актюбинска (2007 год) // Управление общественных связей акимата Актюбинской области и пресс-служба ДВД Актюбинской области.— Актюбинск.— С. 13.

159. Результаты исследований Агентства по статистике при Президенте Республики Казахстан (2005—2006 гг.).— Астана.— С. 5.

160. Вицин С. Е. Системный подход и преступность.— М., 1980.— С. 32.

161. Юридический словарь.— М.: Юридический Пресс Центр, 2002.— С. 241.

162. Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения.— Алма-Ата: Наука, 1971.— С. 34.

163. Монтескье Ш. Избранные произведения.— М., 1955.— С. 231.

164. Словарь русского языка. Т. 3.— М., 1987.— С. 285.

165. Криминология / Под ред. Каиржанова Е.— Алматы: Оркениет, 2000.— С. 45.

166. Гельвеций К. А. Сочинения. Т. 2.— М.: Просвещение, 1974.— С. 517.

167. Гельвеций К. А. Сочинения. Т. 2.— М.: Просвещение, 1974.— С. 523.

168. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. Кузнецова Н. Ф., Лунеева В. В.— М., 2004.— С. 67.

169. Джекебаев У. С., Рахимов Т. Г., Судакова Р. Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность.— Алма-Ата: Наука, 1978.— С. 56.

170. Данченко А. А. Превентивная функция российского права. Автореф. дисс. на соиск. к.ю.н.— Ниж. Новгород, 2002.— С. 3—4.

171. Статистические данные Комитета административной полиции МВД Республики Казахстан (2000—2005 гг.).— Астана.— С. 18.

172. Корецкий Д. А. Оружие как фактор обеспечения личной и общественной безопасности // Современные проблемы национальной безопасности: Россия в XXI век с миром и согласием. Материалы первой МНПК.— Ростов-на-Дону, 1999.— С. 139—141; Корецкий Д. А. Оружие: правовой режим.— Ростов-на-Дону, 1995; Корецкий Д. А., Филиппенко Л. М. Особенности необходимой обороны от вооруженных посягательств // Юрист-правовед. Ежегодный научно-информационный сборник РЮИ МВД РФ.— Ростов-на-Дону, 1998.— С. 32—34; Корецкий Д. А., Землянухина Л. М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений.— СПб.: Юридический Пресс Центр, 2003.— С. 162—163.

173. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях.— М.: ИНФРА-М, 2006.— С. 45.

174. Бюллетень Следственного Департамента МВД Республики Казахстан.— Астана. № 2, 2004.— С. 34.

175. Алауханов Е. О. Как защититься от преступника.— Алматы: КазАТК, 2005.— С. 34.

176. Джекебаев У. С. Криминологические и уголовно-правовые проблемы наказания.— Алма-Ата: Наука, 1983.— С. 11.

177. Ной И. С. Сущность и функции наказания в советском государстве.— Саратов: СГУ, 1973.— С. 45; Жижиленко А. Л. Очерки по общему учению о наказании.— Петроград, 1923.— С. 77; Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность.— Л.: ЛГУ, 1973.— С. 34; Манне Г. Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве.— Иркутск, 1926.— С. 67; Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы.— М., 1979.— С. 22; Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986.— С. 12; Бышевский Ю. В., Марцев А. И. Наказание и его назначение.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1975.— С. 21; Наташев А. Е. О соотношении убеждения и принуждения, кары и воспитания в уголовном и исправительно-трудовом праве // Труды ВНИИ МВД СССР, 1969. № 14.— С. 5; Полубинская С. В. Цели уголовного наказания.— М.: МГУ, 1990.— С. 14; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью.— Саратов: СГУ, 1978.— С. 44; Никонов В. А. Уголовное наказание: Поиск исти-

ны.— Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2000.— С. 27; Чубарев В. Л. Ответственность опасность преступления и наказание.— М., 1982.— С. 11; Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве.— Саратов, 1962.— С. 14; Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения.— М., 1983.— С. 29.

178. Марцев А. М. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений.— Омск: ОВШ МВД СССР, 1973.— С. 53; См. также: Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права.— Красноярск, 1990.— С. 60.

179. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: древность и средние века. Издание 2.— М.: Наука, 1982.— С. 27.

180. Белогриц-Котляревский Л. О воровстве — краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование.— Киев, 1880.— С. 19.

181. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России.— М., 2001.— С. 65—68.

182. Памятники русского права. Вып. 1 / Под ред. Юшкова С. В.— М., 1952.— С. 26.

183. Памятники русского права. Вып. 1 / Под ред. Юшкова С. В.— М., 1952.— С. 27—30.

I. СВЕДЕНИЯ О ВИДНЫХ УЧЕНЫХ-КРИМИНОЛОГАХ КАЗАХСТАНА

АБДИРОВ Нурлан Мажитович — (р. 1961), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор, заместитель секретаря Совета безопасности РК. Область научных исследований: общетеоретические проблемы в области криминологии и профилактики преступлений; проблемы предупреждения наркомании, борьба с наркобизнесом. Опубликовано более 15 учебников и монографий.

АГЫБАЕВ Арыкбай Нусупалиевич — (р. 1941), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель РК, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии КазНУ им. Аль-Фараби. Область научных исследований: проблемы предупреждения должностных и служебных преступлений. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

АЛАУХАНОВ (Алауов) Есберген Оразович — (р. 1958), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Председатель кандидатского диссовета Академии МВД РК (2006—2007), ученый секретарь докторского диссовета Академии МВД РК (2008). Заслуженный деятель культуры РК, лауреат премии Союза журналистов Казахстана (1995), член Союза писателей и журналистов РК. Полковник полиции, член Санкт-Петербургского Криминологического клуба. Область научных исследований: хищения и корыстно-насильственные преступления, борьба с коррупцией.

В 2005 г. в г. Санкт-Петербурге издал монографию «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений». Впервые на казахском и русском языках опубликовал учебники «Криминология». Автор более 200 научных трудов (свыше 300 п.л.), из них более 20 книг: монографий, учебников, учебных пособий, а также соавтор комментариев к УК РК. Лауреат премии «Криминолог 2006 года».

АХПАНОВ Арыстан Нукешевич — (р. 1960), г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы уголовно-процессуального обеспечения борьбы с преступностью, меры пресечения преступлений. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

АШИТОВ Заиркан Омарович — (р. 1923), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Республики Казахстан. Область научных исследований: проблемы изучения причин и предупреждения воинских и служебных преступлений.

БАЛТАБАЕВ Куаныш Жетписович — (р. 1948), г. Астана. Доктор юридических наук, профессор. Судья Конституционного Совета РК. Область научных исследований: проблемы предупреждения преступности в системе КУИС МЮ РК. Опубликовано более 10 книг, а также соавтор многих учебников и комментариев к УК РК.

БЕГАЛИЕВ Калауша Адильханович — (1927—2006 гг.), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Республики Казахстан. Государственный советник юстиции 3-го класса в отставке. Область научных исследований: проблемы предупреждения преступности среди несовершеннолетних и молодежи, роль прокурорского надзора в предупреждении преступлений.

БЕЙСЕНОВ Баримбек Сарсенович — (1923—1997 гг.), г. Алматы. Профессор, генерал-майор юстиции в отставке. Область научных исследований: проблемы предупреждения преступности, связанной с пьянством и алкоголизмом.

БОРЧАШВИЛИ Исидор Шамильевич — (р. 1954), г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АЕН РК. Начальник кафедры уголовного права и криминологии Карагандинского юридического института МВД РК им. Б.С. Бейсенова, полковник полиции. Заслуженный работник МВД РК. Область научных исследований: проблемы предупреждения экологической преступности. Опубликовано более 10 книг.

БУЛАТОВ Сергей Яковлевич — (1898—1965 гг.), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Казахской ССР. Область научных исследований: роль уголовного законодательства в борьбе с преступностью; теория причин возникновения преступности. Основные труды: «Уголовная политика эпохи империализма», «Каролина».

ДЖАКИШЕВ Еркен Газизович — (1935—2001 гг.), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: криминалистические проблемы предупреждения преступности; роль криминалистики в борьбе с имущественной и корыстной преступностью.

ДЖАНСАРАЕВА Рима Еренатовна — (р. 1962), г. Алматы. Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры уголовного права и криминологии КазНУ им. Аль-Фараби. Область научных исследований: проблемы профилактики преступности в пенитенциарных учреждениях, назначения и исполнения наказаний.

ДЖЕКЕБАЕВ Узекен Суйкимбаевич — (р. 1927), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы мотивации преступного поведения; социально-психологические аспекты преступности, *является одним из основателей казахстанской криминологии*. Опубликовано более 10 учебников и монографий. Лауреат премии «Лучший криминолог 2006 года».

ДУЛАТБЕКОВ Нурлан Орынбасарович — (р. 1962), г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: уголовное право, назначение наказания (вопросы теории и практики), ректор Карагандинского университета «Болашак». В 2004 году признан «Человеком года Казахстана». Опубликовано более 10 монографий и учебников.

ЕРКЕНОВ Серик Есжанович — (р. 1952), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор, генерал-майор полиции. Начальник Академии МВД РК. Заслуженный работник МВД РК. Область научных исследований: транснациональная организованная преступность и проблемы расследования.

ЕЩАНОВ Алмас Шукурович — (р. 1972) г. Астана. Доктор юридических наук, доцент. Область научных исследований: криминология, предупреждение преступлений и организованной преступности, борьба с коррупцией.

ЖУНУСОВ Бактыбай Жолжаксынович — (р. 1955), г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы уголовно-исполнительной и криминологической политики, проблемы наказания как специальной меры предупреждения преступности. Ректор Карагандинской Академии «Фемида». Опубликовано более 15 учебников и монографий.

ИМАШЕВ Берик Мажитович — (р. 1960). Кандидат юридических наук. Помощник Президента РК, секретарь Совета безопасности РК. Область научных исследований: правовая реформа, коррупционная экономическая преступность.

ИСАЕВ Аджимураат Алибалаевич — (р. 1953), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики КазНУ им. Аль-Фараби. Область научных исследований: проблемы экспертной профилактики преступлений, предупреждение преступлений в области автотранспорта. Опубликовано более 10 книг.

КАЙДАРОВ Рустан Есимханович — (р. 1940), г. Алматы. Профессор, генерал-майор юстиции в отставке. Заслуженный ра-

ботник МВД РК. Область научных исследований: пенитенциарная и организованная преступность, проблемы правовой реформы. Автор более 50 научных трудов.

КАИРЖАНОВ Елеген Изтлеуович — (р. 1933), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Полковник внутренней службы в отставке, академик АЕН РК. Заслуженный деятель науки и техники РК. Первый проректор Университета «Кайнар». Область научных исследований: основатель частной теории уголовного права и криминологии, уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и уголовно-исполнительного права. Автор более 150 научных трудов, в т.ч. учебников для вузов. *Один из основателей казахстанской криминологии.*

КАИРЖАНОВА Солидат Елегеновна — (р. 1962), г. Алматы. Доктор юридических наук, доцент университета «Кайнар». Область научных исследований: проблемы предупреждения банковской преступности, незаконное получение и нецелевое использование кредита. Опубликовано более 50 научных трудов.

КАРБУЗОВ Козы-Корпеш Жаппарханович — (р. 1959), г. Астана. Доктор юридических наук. Область научных исследований: экономическая и коррупционная преступность, проблемы предупреждения организованной преступности.

КОГАМОВ Марат Чекишевич — (р. 1957), г. Астана. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы следственной профилактики преступлений, роль уголовного процесса в борьбе с преступностью. Опубликовано более 15 учебников и монографий.

МАРКЕЛОВ Василий Николаевич — (1906—1984 гг.). Область научных исследований: криминологическая проблема и правовая реформа, уголовное право Монгольской Народной Республики.

МАМИ Кайрат Абдразакович — (р. 1954), г. Астана. Доктор юридических наук, профессор. Председатель Верховного суда Республики Казахстан. Область научных исследований: проблемы организации деятельности правоохранительных органов, судебной власти. Опубликовано несколько монографий и научных трудов.

МАМЫТОВ Асабай Мамытович — (1913—1991 гг.), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы борьбы с преступностью на почве пе-

режитков национальных и социальных явлений, предупреждение преступлений против личности, ее чести и достоинства.

МАУЛЕНОВ Газиз Сырбаевич — (р. 1958), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: методика изучения причин преступности, профилактическое значение правовой пропаганды, социальное планирование и предупреждение преступности, социология уголовного права.

МИНДАГУЛОВ Алькен Хайдарович — (р. 1939), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: социальные проблемы профилактики правонарушений, криминологические аспекты личности преступника. Опубликовано более 10 книг.

МОЛДАБАЕВ Саркытбек Сарсенбаевич — (р. 1962), г. Алматы. Доктор юридических наук, подполковник полиции. Ученый секретарь Академии МВД РК. Область научных исследований: личность преступника, профилактическая и оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел, борьба с коррупцией.

МУХАМЕДЖАНОВ Бауыржан Алимович — (р. 1960). г. Астана. Доктор юридических наук, доцент. Министр внутренних дел РК. Область научных исследований: личность преступника, профилактическая и розыскная деятельность органов внутренних дел, борьба с коррупцией, разработчик и соавтор Конституции РК.

МУКАШЕВ Галымбек Минахатович — (р. 1951). г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: криминологические проблемы, безопасность социума.

НАРИКБАЕВ Максут Султанович — (р. 1940), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Государственный советник 3-го класса, Президент АО «КазГЮУ». Область научных исследований: проблемы предупреждения преступности среди несовершеннолетних, коррупционная и организованная преступность, совершенствование судебной системы. Опубликовано более 10 монографий и учебников.

НУКЕНОВ Мараткали Ордабаевич — (р. 1956), г. Астана. Доктор юридических наук. Генерал-майор полиции. Председатель комитета по наркобизнесу МВД РК. Область научных исследований: организационная и коррупционная преступность.

НУРТАЕВ Рамазан Туякович — (р. 1948), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований:

проблемы возникновения и предупреждения неосторожной преступности; гуманизация мер наказания.

НУРГАЛИЕВ Бахыт Молдатияевич — (р. 1951), г. Караганды. Доктор юридических наук, профессор, полковник полиции. Заслуженный работник МВД РК. Заместитель начальника Карагандинского юридического института МВД РК им. Б. С. Бейсенова. Область научных исследований: проблемы предупреждения организованной и коррупционной преступности. Опубликовано более 10 книг.

ОНГАРБАЕВ Еркин Ануарович — (р. 1960), г. Астана. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы классификации и систематизации законодательства и их роль в борьбе с преступностью. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

ПОЛЕНОВ Георгий Федорович — (1924–2001 гг.), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы предупреждения преступности среди осужденных; меры воздействия на преступность, не связанную с лишением свободы.

РАХМЕТОВ Саттар Муканович — (р. 1949), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Полковник полиции. Область научных исследований: правовая профилактика, концепция причин преступности, преступления против правосудия. Автор фундаментальных трудов по уголовному праву, а также соавтор учебников и комментариев к УК РК. Выпущено более 15 книг.

РОГОВ Игорь Иванович — (р. 1950), г. Астана. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РК. Председатель Конституционного Совета РК. **Президент казахстанской криминологической ассоциации.** Область научных исследований: проблемы причин и мер предупреждения экономической, коррупционной преступности. Автор более 100 научных и учебно-методических работ по уголовному праву и криминологии, опубликовано более 10 учебников и монографий, а также соавтор многих учебников и комментариев к УК РК.

РУСТЕМОВА Гаухар Рустембековна — (р. 1956), г. Алматы. Доктор юридических наук, полковник полиции. Заместитель начальника НИИ Академии МВД РК. Заслуженный работник МВД РК. Область научных исследований: преступность в сфере медицины: трансплантация органов и тканей человека, изучение преступности в сфере медицины. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович — (р. 1970), г. Астана. Доктор юридических наук. Зам.начальника Академии финансовой полиции по научной работе. Область научных исследований: теоретические проблемы борьбы с таможенными преступлениями, проблемы борьбы с наркотизмом и коррупцией.

ТЕМЕРБЕКОВ Алибек Акылбекович — г. Астана. Доктор юридических наук, доцент. Область научных исследований: Преступность в социальном контексте глобализации: теоретико-криминологическое исследование.

ТОЛЕУБЕКОВА Бахытжан Хасеновна — (р. 1950), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор. Проректор КазНПУ им. Абая Кунанбаева. Область научных исследований: проблемы предупреждения компьютерной и организованной преступности, процессуального предупреждения преступности. Автор более 10 учебников и монографий.

ТУРЕЦКИЙ Николай Николаевич — (р. 1958), г. Алматы. Доктор юридических наук. Депутат Мажилиса Парламента РК. Область научных исследований: проблемы обстоятельств, исключających преступность деяния. Автор многих научных работ, опубликовано более 10 книг.

ТУСУПБЕКОВ Рашид Толеутаевич — (р. 1955), г. Астана. Кандидат юридических наук. Генеральный прокурор Республики Казахстан, государственный советник юстиции 2-го класса. Область научных исследований: конституционный надзор, правовая реформа, совершенствование судебной системы.

УМБЕТАЛИЕВ Сансызбай Сундетович — (р. 1948) г. Астана. Кандидат юридических наук. Прокурор Западно-Казахстанской области, государственный советник юстиции 3-го класса. Область научных исследований: незаконное вмешательство в предпринимательскую деятельность, правовая реформа. Автор 3-х книг.

ЧУКМАИТОВ Дулат Сламбекович — (р. 1955), г. Алматы. Доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции. Начальник Костанайского юридического института КУИС МЮ РК. Область научных исследований: проблемы профилактики преступлений, личность преступника, системы и виды уголовных наказаний в предупреждении рецидивной преступности. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

II. ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ-КРИМИНОЛОГИ СНГ, ТЕСНО СОТРУДНИЧАЮЩИЕ С УЧЕНЫМИ-КРИМИНОЛОГАМИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

АБДРАСУЛОВА Хумринисо Райымкуловна — (р. 1961), г. Ташкент. Доктор юридических наук, профессор. Ученый секретарь докторского диссертационного совета Ташкентского юридического института. Область научных исследований: женская преступность и виктимология; специалист в области борьбы с мошенничеством. Опубликовано более 100 научных работ, из них 10 учебников и монографий.

АВАНЕСОВ Геннадий Арташесович — (р. 1934) г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России. Ведущий специалист в области социальной профилактики, теории криминологического прогнозирования и предупреждения преступлений. Автор более 200 монографий, учебников, научных статей, в том числе изданных за рубежом. Научная криминологическая школа Г. А. Аванесова насчитывает 15 докторов и свыше 150 кандидатов юридических наук.

АВЕРЬЯНОВА Татьяна Витальевна — (24.03.1952 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель начальника Экспертно-криминалистического Центра МВД России, генерал-майор милиции (иные регалии, лауреат Национальной Премии общественного признания достижений женщин России «Олимпия» за 2004 год и премии «Честь и Доблесть» — 2004 год, почетный работник МВД России).

В правоохранительных органах с февраля 1978 года. На службе в органах внутренних дел с августа 1988 года. Работала экспертом, научным сотрудником, старшим научным сотрудником Центральной Горьковской научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз. С 2004 года — первый заместитель начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России.

В 1994 году в диссертационном совете Академии управления МВД России защитила докторскую диссертацию по теме: «Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития».

На данный момент является автором более 130 работ, среди которых 6 монографий, 9 учебников (в соавторстве), 8 учебных пособий

по криминалистике (в соавторстве). Под редакцией Т. В. Аверьяновой и с ее участием издан учебник по принципиально новому курсу «Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования»; она соавтор и соредактор фундаментального учебника «Криминалистика» (1999, 2001, 2006 гг.) для всех юридических вузов страны, «Энциклопедии судебной экспертизы» (2000 г.), практического руководства для экспертов внутренних дел и юстиции «Эксперт» (2002 г.); монографии «Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебных экспертиз» (1994); «Судебная экспертиза. Курс общей теории» (2006 г.).

В настоящее время Т. В. Аверьянова является признанным лидером по разработке общей теории судебной экспертизы в России и за рубежом, а также учений, составляющих данную концепцию. Она принимает активное участие в Международных конференциях, проводимых как в России, так и за рубежом («Роль женщины-полицейского в деятельности правоохранительных органов»).

АЛЕКСЕЕВ Анатолий Иванович — (р. 1937), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Заместитель директора НИИ Генеральной прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса. Область научных исследований: теория криминологии, предупреждение рецидивной преступности, профилактическая и оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Опубликовано более 20 учебников и монографий.

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович — (01.10.1950 г.р.), г. Баку. Доктор юридических наук, профессор. Государственный советник юстиции 3 класса, директор Центра правовых исследований.

В настоящее время возглавляет в г. Баку Центр правовых исследований, который, будучи частной научно-исследовательской организацией, занимается фундаментальными и прикладными проблемами законотворчества в сфере борьбы с преступностью, осуществляет научную экспертизу нормативных правовых актов, готовит проекты законов, проводит научные исследования в области конституционного и европейского права, уголовного процесса и прокурорского надзора, уголовного права и криминологии, оказывает научно-методическую помощь аспирантам и докторантам. Окончил адъюнктуру Академии МВД СССР (1987 г.) и докторантуру Академии управления МВД Российской Федерации (1992 г.).

Докторская диссертация (1992 г.) посвящена проблемам допустимости компромисса в борьбе с преступностью.

Автор более 200 научных трудов в области уголовного права, криминологии, уголовной политики, прокурорского надзора и уголовного процесса, среди которых: «Уголовно-правовая борьба с кражами грузов на железнодорожном транспорте» (Баку, 1989); «Преступность и компромисс» (Баку, 1992); «Освобождение от уголовной ответственности» (М., 2001); «Компромисс в борьбе с преступностью» (М., 1999); «Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (в соавторстве, М., 2001).

АНТОНЯН Юрий Миранович — (р. 1937), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, проректор Института гуманитарного образования. Автор свыше 400 опубликованных научных работ, из них 45 монографий (22 в соавторстве). Основные сферы научных интересов: криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право, религиозоведение, философия религии, юридическая психология, архетипическая психология.

БАБАЕВ Михаил Матвеевич — (р. 1932) г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ. Автор более 200 научных публикаций. Специалист в области уголовного права и криминологии. В последние годы круг его научных интересов охватывает такие темы, как молодежная преступность, криминологическая безопасность, анализ и прогноз криминальных процессов в стране. Под его руководством около 50 специалистов защитили кандидатские и докторские диссертации. Десять лет (1979—1989 гг.) вел на Центральном телевидении передачу «Человек и закон».

БАБУРИН Василий Васильевич — г. Омск. Кандидат юридических наук, доцент. Старший научный сотрудник ОН и РИО Омской академии управления МВД РФ, полковник полиции.

БАУЛИН Юрий Васильевич — (02.09.1953 г.р.), г. Харьков. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины. Докторскую диссертацию «Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественную опасность и противоправность) деяния» защитил в Харькове в 1991 г. В настоящее время Ю. В. Баулин — профессор кафедры уголовного права Национальной юриди-

ческой академии Украины им. Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина). Автор свыше 80 работ по уголовному праву, в том числе книг: «Право граждан на задержание преступника» (1986), «Основания, исключающие преступность деяния» (1989), «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» (1991) и др.

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — (12.12.1965 г.р.), г. Самара, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

С 1990 года по настоящее время преподает в СГУ уголовное право, криминологию, специальные курсы («Уголовная политика», «Служебные преступления», «Экономические преступления»). С 1992 года работает также в НОУ ВПО «Самарская гуманитарная академия».

26 декабря 2002 года защитил диссертацию (в виде монографии) на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Имущественные преступления». Решением Высшей аттестационной комиссии от 18 июля 2003 года по результатам защиты присуждена ученая степень доктора юридических наук.

Ученое звание профессора по кафедре уголовного права и криминологии присвоено решением Министерства образования РФ от 15 июня 2005 года.

С 1997 года по 2007 год занимал должность ученого секретаря диссертационного совета К 212.218.03 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

С 2002 года является председателем научно-консультативного совета при ГУВД по Самарской области. С 2007 года член научно-консультативного совета, созданного при прокуратуре Самарской области. За добросовестный труд по подготовке высококвалифицированных специалистов в системе высшей школы награжден ректоратом Самарского государственного университета и Самарской Гуманитарной Академии почетными грамотами.

Автор более 80 научных работ. Основные научные труды:

Имущественные преступления: Монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.— 22,5 п.л.

Теории наказания (в истории философской мысли): Учеб. пос. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.— 48 с. (в соавторстве).

Грабеж и разбой в древнем и средневековом праве // Уголовное право. 2001. N 2. С. 6—9.— 0,65 п.л.

Имущественные преступления в семье: материально-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Гос. и право. 2001. № 6. С. 50—56 (в соавторстве).

Собственность и имущественные отношения в уголовном праве // Законодательство. 2002. № 12. 0,7 п.л.

БОЙЦОВ Александр Ильич — (19.09.1950 г.р.), г. Санкт-Петербург. Доктор юридических наук, профессор.

В 1996 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия». С 1981 года по настоящее время работает на кафедре уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, пройдя все ступени, начиная с преподавателя и дойдя до профессора. Автор более 50 работ, в том числе «Действие уголовного закона во времени и пространстве» (СПб., 1995); «Уголовный закон: действие во времени и пространстве» (СПб., 1993; в соавторстве); «Преступления против собственности» (СПб., 2002); глав учебников по уголовному праву и исправительно-трудовому праву (1989, 1995), кафедральной монографии «Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания» (СПб., 1992), «Выдача преступников». (СПб., 2004); «Уголовное право России: Общая часть». Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. (СПб., 2006). (В соавт.) и др. Участник рабочей группы по разработке Модельного Уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств.

БОРЗЕНКОВ Геннадий Николаевич — (2.11.1931 г.р.), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации, член научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. В 1956 г. окончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1965 г. — очную аспирантуру при МГУ. Работает на юридическом факультете МГУ с 1971 г., в настоящее время — профессор кафедры уголовного права и криминологии. Читает курс лекций по Особенной части уголовного права и спецкурс по преступлениям против собственности. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Ответственность за мошенничество», в 1991 г. — докторскую диссертацию по теме «Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств». С 1979 г. является членом научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ и экспертно-консультативного совета Совета Федерации; член ре-

дакционной коллегии журнала «Вестник МГУ. Право». Председатель диссертационного совета в Московском государственном университете по защите кандидатских диссертаций, член диссертационного совета в Московском государственном университете по защите докторских диссертаций. Направления научных исследований: вопросы квалификации преступлений (преступления против жизни и здоровья, преступления против собственности и др.). Имеет около 100 научных работ, в их числе: «Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации)» (1971), «Личность преступника» (1975, в соавторстве), «Охрана прав граждан в уголовном праве социалистических государств» (1989, в соавторстве), «Новое уголовное право России», в 2 томах (1996, в соавторстве), Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ Под ред. В. И. Радченко и А. С. Михлина. М., 2000 (в соавторстве), Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Лебедева. М., 2001 (в соавторстве), Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Общая часть. М., 2002 (Субъект преступления), Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть. М., 2002 (Преступления против жизни. Преступления против собственности) и др.

БУЖОР Валерий Георгиевич — Президент Независимой Криминологической Ассоциации Республики Молдова. С 1999 по 2004 года являлся ректором Криминологического Университета Молдовы. С 2005 года работает в Измаильском институте водного транспорта (Украина), где занимает должность Президента ИИВТ. С 2003 года по его инициативе и под его редакцией в Республике Молдова издается Журнал криминологии, уголовного права и криминалистики. Имеет 116 учебно-методических и научных публикаций, из которых 39 книг. Круг интересов связан с методологическими проблемами криминологии, сравнительной криминологии, с развитием теории криминального насилия, теории преступных групп, а также с обоснованием криминологических основ уголовного права.

ВАРЫГИН Александр Николаевич — г. Саратов. Доктор юридических наук, профессор. Начальник факультета «Юриспруденция» Саратовского юридического института МВД РФ. Область научных исследований: проблемы преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденции, общетеоретические и прикладные проблемы.

ВЕДЕРНИКОВА Ольга Николаевна — (02.09.1957 г.р.). Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. В 1980 г. окончила с отличием юридический факультет Томского государственного университета и работала ассистентом кафедры уголовного права в Кемеровском университете. В 1982 году поступила в очную аспирантуру юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где в 1987 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: “Современная английская криминология (анализ основных направлений и тенденций развития)”. В 1991—1997 гг.— ведущий научный сотрудник, в 1998—2003 гг.— руководитель отдела уголовно-правовых исследований и сравнительного правоведения Российской правовой академии Минюста РФ. В настоящее время работает в должности профессора кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. В 2001 г. защитила докторскую диссертацию на тему: “Теория и практика борьбы с преступностью: британская криминологическая модель”. Направления научных исследований: зарубежная криминология, международное и зарубежное уголовное право, организация судебной власти за рубежом.

Является автором более 60 научных работ, в том числе монографии «Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании» (М., 2001), а также соавтором учебного пособия «Судебная система России» (М., 2000), соавтором учебника «Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации» (М., 2005), соавтором и соредактором учебника «Уголовное право Российской Федерации. Общая часть» (СПб, 2005). Научные статьи: Основные направления борьбы с коррупцией // Коррупция и борьба с ней. М.: 2000; Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. 2000. № 7.; Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. № 10, 2002; Предупреждение коррупционного и иного противоправного поведения судей: опыт России и США (сокращенный вариант грантового исследования Московского Центра) // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. Вып. 1., Концепция ювенального права // Вестник Российской правовой академии, 2003 № 4; 2003,

Международное уголовное право: проблемы имплементации // Уголовное право. 2003. № 3; Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1; Современные тенденции развития ювенальной юстиции за рубежом // Вестник Российской правовой академии, 2005, № 2; Антикоррупционная политика России: с чего начать? // Общественные науки и современность, 2005. № 3 и др.

Автор “Кодекса чести судьи Российской Федерации”, принятого Советом судей Российской Федерации 23.10.1993., а также «Манифеста юриста — антиглобалиста», опубликованного в статье: «О состоянии преступности в стране и мире, криминологистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд, 2005. № 2. Член Российской криминологической ассоциации, член Российской Академии Юридических Наук. Имеет опыт научных стажировок за рубежом: в 1992 г.— стажировка в университете Эмори (г. Атланта, США), в 1994 г.— стажировка в Институте европейского права Бирмингемского университета (Великобритания). Владеет свободно английским языком. Имеет диплом “с отличием” американского университета Эмори, а также сертификат Института Европейского права Бирмингемского университета.

ВЕКЛЕНКО Василий Владимирович — (р. 1961), г. Омск. Доктор юридических наук, профессор, полковник милиции. С 2003 г. по настоящее время — заместитель начальника Омской академии МВД России по научной работе.

В 1988 г. В. В. Векленко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме: «Преступная группа лиц, совершающих кражи: уголовно-правовые и криминологические аспекты»; в 2001 г.— докторскую диссертацию по теме: «Квалификация хищений чужого имущества». В 1995 г. ему присвоено ученое звание доцент; в 2003 г.— профессор. В 2004 г. приказом министра внутренних дел Российской Федерации В. В. Векленко награжден медалью «За доблесть в службе». В 2005 г. награжден нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД».

Основное направление научных исследований — создание методологических основ теории применения уголовного законодательства ответственности за имущественные преступления, входящие в главу 21 УК России, и выработка рекомендаций по практическому применению соответствующих уголовно-правовых норм.

Под научным руководством В. В. Векленко подготовлены и защищены пять диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. В настоящее время он осуществляет научное руководство 15 адъюнктами и соискателями.

В. В. Векленко — автор более 70 научных работ, среди которых: «Уголовная ответственность за групповые кражи» (Учебное пособие. Омск, 1993); Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Марцева (Омск, 1998. В соавторстве); Уголовное право Российской Федерации: (Особенная часть): Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Марцева (Омск, 2000. В соавторстве); Квалификация хищений: Монография (Омск, 2001); Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий (Барнаул, 2002.) и др.

ВЕТРОВ Николай Иванович — (р. 1937) г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи.

ВИЦИН Сергей Ефимович — (р. 1929). Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист России. Получил разностороннее образование. После 7 класса средней школы учился в машиностроительном техникуме тогдашнего Воткинского завода Уральской области. Затем (после 10 класса школы рабочей молодежи) окончил юридический факультет Казанского университета, а после — вечерний факультет иностранного языка в Ижевске. Английским владеет как родным, посему читает в оригинале иностранную литературу, а также зарубежные переводы российской литературы. В 1979—1980 гг. работал в качестве специалиста на Кубе, знает испанский язык. (Объехал практически весь мир, причем главным образом по работе).

Сергей Ефимович оказывает постоянную помощь правозащитным организациям. Член авторского коллектива, подготовившего «Концепцию судебной реформы», участвовал в разработке законопроектов в области уголовного правосудия, судопроизводства и т.д. Действительный член Российской Академии естественных наук, генерал-майор внутренней службы. Сергей Ефимович — заместитель председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, эксперт Совета Европы по вопросам реформы Российской судебной системы. Генерал-майор

внутренней службы в отставке, имеет множество орденов, медалей, среди них: Орден почета, 16 медалей Советского Союза, РСФСР, России, зарубежных стран. Автор более 100 публикаций по вопросам уголовного процесса, теории управления, судебной реформы и криминологии. Принимал активное участие в десятках международных конференций по правовым вопросам.

ВОЛЖЕНКИН Борис Владимирович — (1937—2008 гг.), г. Санкт-Петербург. Доктор юридических наук. Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета. Лауреат государственной премии «За успехи в юридической науке». Область научных исследований: преимущественно причины тяжких насильственных преступлений, личность преступника, борьба с коррупцией. Является автором 200 научных работ, соавтором 9 научно-практических комментариев к УК РФ, 3 учебников по уголовному праву, 3 учебников по криминологии, Курса лекций по уголовному праву. Основные работы: Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998; Коррупция. СПб., 1998; Экономические преступления. СПб., 1999; Служебные преступления. М., 2000; Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002.

ВОРОНИН Юрий Александрович — (р. 1938), г. Екатеринбург. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: криминология и уголовная политика, борьба с преступностью в зарубежных странах.

ГАЛИАКБАРОВ Ромен Рахиммуллович — (23.02.1936 г.р.). Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой уголовного права Кубанского государственного аграрного университета. В 1973 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук.

С 1955 по 1961 г. работал в органах государственной безопасности СССР, одновременно обучаясь на вечернем факультете Свердловского юридического института. В 1975 г. получил ученое звание профессора. Принимал участие в организации следственно-криминалистического факультета Свердловского юридического института и был его первым деканом. В 1979 г. вернулся в правоохранительную систему, став заместителем начальника по научной работе Омской высшей школы МВД СССР. В 1985 г. работал заведующим кафедрой уголовного права Нижего-

родской высшей школы МВД СССР, в 1986 г. — заместителем начальника по научной работе Хабаровской высшей школы МВД СССР. В 1987 г. ушел в отставку из системы органов внутренних дел. С 1987 по 1994 г. возглавлял кафедру уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовского юридического института. С 1994 по 1996 г. состоял в должности профессора Саратовской высшей школы МВД России. В конце 1996 г. организовал и возглавил кафедру уголовного права Кубанского государственного аграрного университета, заведующим которой является и в настоящее время. Имеет 5 правительственных наград. Награжден знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР». С 1996 г. — заслуженный деятель науки России. В 1989 г. получил премию за монографию «Групповые преступления» (омское издание), а в 1999 г. — региональную государственную премию РФ за монографию «Квалификация преступлений, совершенных группой лиц».

Автор многочисленных публикаций по уголовному праву, в числе которых: «Групповые преступления» (1973), «Квалификация групповых преступлений» (1980), «Совершение преступления группой лиц» (1980), «Система и виды наказаний» (1986), «Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия» (1987), «Квалификация преступлений, совершенных группой лиц» (1999), «Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации» (2000), является автором учебника по Общей части уголовного права, соавтором и ответственным редактором других современных учебников и комментариев.

ГАРМАЕВ Юрий Петрович — (02.09.1970 г.р.). Доктор юридических наук, профессор.

С 2002 года заведующий, а ныне — профессор кафедры организации прокурорско-следственной деятельности Иркутского института повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ. Классный чин — старший советник юстиции. За период работы неоднократно поощрялся Генеральным прокурором РФ, опыт работы освещался в Бюллетене Генеральной прокуратуры, журнале «Следственная практика» и др. В 1996 году Указом Президента Республики Бурятия был награжден дипломом первой степени «Лучший следователь республики» по результатам расследования уголовных дел о коррупции. В 1998 году в порядке поощрения Генеральным прокурором РФ был присвоен внеочередной классный чин — младший советник

юстиции, за успешное расследование ряда дел о должностных и внешнеэкономических преступлениях.

В 2004 году в том же научно-исследовательском институте защитил докторскую диссертацию на тему: «Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений».

Ю. П. Гармаев — автор более 150 научных работ, в том числе 18-ти книг, в частности: Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. — М., Изд-во «Юрлитинформ», 2001; Должностные преступления в таможенных органах. — М., Изд-во «Юрлитинформ», 2002; Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. — М., 2005; Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве. — М., 2005; Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. — СПб., 2006 (в соавт. с проф. А. Ф. Лубиным); Методика уголовного преследования по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе. — Саратов, 2006 и др.

Победитель конкурса грантов Президента РФ для поддержки молодых российских ученых — докторов наук (2005) и ряда других. Область научных интересов: методика расследования отдельных видов преступлений, уголовно-правовая квалификация служебных, внешнеэкономических преступлений, тактика обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве, использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. В настоящее время — профессор кафедры уголовного права и процесса ЮФ Бурятского государственного университета.

ГАУХМАН Лев Давидович — (02.08.1931 г.р.). Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки России.

Долгое время возглавлял кафедру уголовного права и криминологии Московского института МВД России. Около 40 лет находится на службе в органах внутренних дел, из них 10 лет — на следственной и оперативно-розыскной работе. В 1978 г. защитил докторскую диссертацию.

Автор более 100 научных работ по уголовному праву, криминологии, исправительно-трудовому праву, административному праву, в том числе 20 книг, среди которых: «Борьба с насильственными посягательствами» (1969), «Проблема уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР» (1981), «Ответственность за хищение государственного и общественно-

го имущества» (1990, в соавторстве), «Правовые основы предупреждения преступлений» (1990), «Квалификация преступлений (понятие, значение и правила)» (1991), «Организованная преступность: понятие, виды, тенденции, проблемы уголовно-правовой борьбы» (1993), «Уголовная ответственность за вымогательство» (1994), «Хозяйственные преступления» (1995), «Уголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация» (1995, в соавторстве), «Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики» (1996, в соавторстве), «Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации)» (1997, в соавторстве), «Ответственность за преступления против собственности» (1997, 2001, в соавторстве), «Преступления в сфере экономической деятельности» (1998, в соавторстве), «Russian Federation Penal Code» (2000), «Квалификация преступлений: закон, теория, практика» (2001), Уголовное право в схемах (2001), Уголовное право. Общая и особенная части. Интенсивный полный курс (2002, в соавторстве), и др. Соавтор и ответственный редактор многих учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу. Заслуженный работник МВД России, член научно-консультационного Совета Верховного Суда РФ.

ГЕРАСИМОВ Сергей Иванович — (р. 1947), г. Москва. Доктор юридических наук. Почетный работник прокуратуры РФ. Область научных исследований: теория и практика предупреждения преступности (общие и региональные проблемы).

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич — (16.06.1934 г.р.). Доктор юридических наук, профессор. С 1989 г. — ведущий научный сотрудник, заведующий сектором, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии Наук (с 2001 г. — Санкт-Петербургский социологический институт Российской Академии Наук). С 1969 г. в разные периоды времени преподавал по совместительству в Ленинградском госуниверситете, Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (теперь — Российский государственный университет им. А. И. Герцена), Высшей школе МВД СССР, Санкт-Петербургском филиале Академии управления (с 1991 г. — в качестве профессора). В настоящее время — заведующий сектором Санкт-Петербургского социологического института Российской Академии Наук; декан юридического факультета Балтийского института экологии, по-

литики, права (с 1995 г.); профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (с 2000 г.). Я. И. Глинский — действительный член Академии гуманитарных наук (с 1994 г.), Нью-Йоркской Академии наук (с 1994 г.), Международной Социологической Ассоциации, Европейского союза криминологов. Автор свыше 350 научных публикаций, из них свыше 90 — на английском, французском, немецком, венгерском, норвежском и др. языках (в основном — по криминологии, социологии девиантности и социального контроля, а также по уголовному процессу, теории управления, общей социологии, философии), в том числе: «Криминологический анализ преступности в регионе» (1991), «Социология девиантного поведения» (1993, в соавторстве), «Военная девиантология» (1994), «Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии» (1999, в соавторстве), «Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.)» (2000), «Crime and Deviance: Stare from Russia» (2000), «Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций» (2002), «Девиантология» (2004, 2007), «Глобализация и девиантность» (2006, в соавт.); «Криминология» (в соавт., 2007).

ГИРЬКО Сергей Иванович — г. Москва. Доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, член Президиума Союза юристов России. Начальник ВНИИ МВД РФ, генерал-майор милиции. Автор более 160 научных работ по различным аспектам деятельности органов внутренних дел, в том числе 9 монографий по проблемам уголовно процессуальной деятельности милиции, двух учебников по уголовному процессу в России, четырех комментариев К УК и УПК России, Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федерального закона «О противодействии терроризму»; эксперт ЮНИКРИ при ООН.

ГОЛИК Юрий Владимирович — (23.02.1952 г.р.), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. В 1994 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Поощрительные нормы в уголовном праве».

В 1989 году выдвинул свою кандидатуру и был избран в народные депутаты СССР. На I Съезде народных депутатов СССР был избран в состав Верховного Совета СССР, вошел в Комитет по законодательству под руководством С. С. Алексеева и возглавил один из его подкомитетов. В 1990 г. был единогласно избран председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам

правопорядка и борьбы с преступностью (до этого единогласно никого не избирали) и вошел в состав Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1991 г. стал председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов. После августовских событий 1991 г. М. С. Горбачев распустил этот комитет, хотя он добился уникальных результатов (за минимальные сроки удалось достичь существенного снижения темпов роста преступности). После этого работал в Таможенном комитете СССР начальником Договорно-правового управления. С марта 1992 года работал в «остатках органа управления угольной промышленности» (по его выражению).

С 1996 г. по приглашению Е. Строева перешел на работу в Совет Федерации Федерального Собрания РФ, став его советником.

С 2001 г. по май 2004 г. занимался научной и преподавательской работой. В 2004—2005 гг. являлся начальником Правового департамента Министерства культуры РФ. Директор Центра Российского государственного торгово-экономического университета по изучению организованной преступности в экономике и торговле, руководитель Центра специальных правовых программ Независимого института стратегических исследований, генеральный директор издательства «Юридический Центр Пресс», профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, вице-президент фонда «Антимафия». Автор многих работ по уголовному праву и криминологии, среди которых: «Случайный преступник» (1984), «Уголовно-правовая политика: Тенденции и перспективы» (1991, в соавторстве), «Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения. Вопросы теории» (1992), «Философия уголовного права» (2004), «Коррупция как механизм социальной деградации» (2005, в соавторстве) и др.

ГОРЕЛИК Александр Соломонович — (11.04.1931 г.р.). Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Красноярского государственного университета.

В 1991 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Наказание по совокупности преступлений и приговоров». В 1992 г. присвоено звание профессора. С 1997 г. член-корреспондент Сибирского отделения АН ВШ. Большая часть трудовой деятельности Горелика А. С. связана с высшей школой. Он прошел должностные ступени от старшего преподавателя до заведующего кафедрой. В Красноярском государственном университете работает с 1969 года.

Горелик А. С. широко известен как публицист, выступающий на страницах центральных и местных газет и журналов. Занимается правозащитной деятельностью, один из создателей и руководитель Красноярского общественного комитета по защите прав человека, член Комиссии по правам человека при губернаторе Красноярского края, член правления Российской секции Международного Общества Прав Человека, активно участвует в российских и зарубежных правозащитных конференциях. А. С. Гореликом опубликовано около 100 научных работ, в числе которых монографии: «Назначение наказания по совокупности» (1975), «Наказание по совокупности преступлений и приговоров» (1991), «Преступления и наказания в Российской Федерации: популярный комментарий УК РФ» (1998, в соавторстве), «Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (1998, в соавторстве), «Конкуренция уголовно-правовых норм» (1998) и др. Он является одним из авторов современных комментариев к уголовному кодексу и составителем библиографических справочников по уголовному праву, охватывающих период с 1961 по 1995 год, изданных в Москве (1983), Красноярске (1987) и Санкт-Петербурге (1996).

ГОРЯИНОВ Константин Константинович — (р. 1937), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД СССР. Область научных исследований: методологические и криминологические проблемы совершения преступления, борьба с латентной преступностью. Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе 15 научно-практических и учебных пособий, 16 монографий. Наиболее важными из них являются: «Основные тенденции преступности в СССР» (1978); «Криминологическая обстановка» (1991), «Латентная преступность» (1994).

ГРИШКО Александр Яковлевич — (16.04.1952) г. Рязань. Доктор юридических наук, профессор. Начальник Академии права и управления ФСИН МЮ РФ. Генерал-майор внутренней службы. Под руководством А. Я. Гришко защищены 23 кандидатские диссертации. Им подготовлены 150 научных работ, из них 5 — монографий, 3 — учебника, 15 — учебных пособий, Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ. Основное направление научных интересов — противодействие незаконному обороту наркотиков, реформирование уголовно-исполнительной системы.

ГУРОВ Александр Иванович — (р. 1945), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Генерал-майор полиции в отставке. Область научных исследований: борьба с профессиональной и организованной преступностью, коррупцией. Автор более 20 книг.

ДАШКОВ Геннадий Владимирович — (р. 1939), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва). С 1968 года работал в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. В течение ряда лет входил в состав руководящих органов Международного криминологического общества (МКО) и Международной ассоциации уголовного права (МАУП). С 1997 года работает в Московской государственной юридической академии. Автор более 200 научных работ по проблемам криминалистики, криминологии и уголовного права. Член диссертационных советов при МГЮА и ИМПЭ им. А. С. Грибоедова.

ДЖАЯНБАЕВ Камалиддин Ишмаматович — (р. 1957), г. Бишкек. Доктор юридических наук. Область научных исследований: криминология, тяжкая насильственная преступность. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

ДОЛГОВА Азалия Ивановна — (05.07.1937 г.р.). Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РСФСР, зав. отделом НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генпрокуратуры РФ. В 1959—1965 гг. работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора: по надзору за дознанием и следствием в органах внутренних дел, по надзору за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, по делам о несовершеннолетних. С 1968 г. работает во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, который позднее был переименован.

В 1993—2002 гг. возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», является автором опубликованного законопроекта «О криминологической экспертизе». Один из крупнейших современных российских криминологов. Автор более 200 научных трудов, основные из них: «Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей» (1970); «Социально-психологический аспект преступности несовершеннолетних» (1980); Курс советской криминологии (1985. Т. 1.— соавтор); «Преступность и общество»

(1990); «Знать и исполнять закон» (1978); Криминология (1987, соавтор и отв. ред.); Криминология (2000); Российская криминологическая энциклопедия (2000, член авторского коллектива и ответственный редактор), «Преступность, ее организованность и криминальное общество» (2003), и др.

Почетный работник Генпрокуратуры РФ. Награждена медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени. Президент Российской криминологической ассоциации. Зам. председателя Союза юристов России.

ДУХОВСКОЙ Михаил Васильевич — (1850—1902), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор Московского университета. Один из основателей социологической школы уголовного права в России. Его работа «Задачи науки уголовного права» (Ярославль, 1872) указывала пути будущего развития уголовно-правовой науки и криминологии. Среди других работ: «Имущественные проступки по решениям волостных судов» (1891), «Русский уголовный процесс» (1902).

ДБЯКОВ Сергей Васильевич — (р. 1939), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи, организованной преступностью.

ДБЯЧЕНКО Анатолий Петрович — (р. 1946), г. Москва. Доктор юридических наук. Область научных исследований: борьба с преступностью в сфере сексуальных отношений.

ЕЛИСЕЕВ Сергей Александрович — (14.08.1950 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Томского государственного университета.

С 1972 года по настоящее время работает в ТомГУ (прошел путь от ассистента до профессора и зав. кафедрой). В 1980 году в Томском ГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Личность корыстного преступника: ее криминологическое и уголовно-правовое значение»; в 1999 году, там же — докторскую диссертацию на тему: «Преступления против собственности по уголовному законодательству России: историко-теоретическое исследование». В 1981 г. награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», в 2003 г. — медалью «За заслуги перед Томским университетом», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования». Ученый секретарь диссертационного совета при Томском государственном университете. Заведующий отделени-

ем многоуровневой подготовки юридического факультета ТомГУ. Имеет свыше 70 научных работ, из них 4 монографии: «Теория и практика предупреждения корыстных преступлений» (Томск, 1986); «Общеправовые корыстные преступления» (Томск, 1990); «Преступления против собственности по российскому уголовному законодательству» (Томск, 1999); «Преступления против собственности в теории уголовного законодательства России» (Томск, 2005)

ЖАЛИНСКИЙ Альфред Эрнестович — (17.10.1932 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1979 — докторскую. В настоящее время А. Э. Жалинский — заведующий кафедрой уголовного права Государственного университета, Высшая школа экономики, факультет права. Области научных интересов: европейское, прежде всего, немецкое право, теория предупреждения преступности, экологические и экономические преступления, и др. Имеет многие научные публикации, в их числе такие монографии и учебные пособия, как «Условия эффективности профилактики преступлений» (1978), «Ответственность за нетрудовые доходы» (1987, в соавторстве), «Причины экологических преступлений» (1988, в соавторстве), «Уголовно-правовые проблемы борьбы с нетрудовыми доходами» (1988, в соавторстве), «Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью» (1989), «Методика принятия уголовно-правовых решений должностными лицами органов внутренних дел» (1990, в соавторстве), «Reparation in Criminal Law» (1996), «Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность» (1997), «Введение в немецкое право» (2001, в соавторстве), и др. Соавтор многих современных учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу.

ЖУЛЕВ Виктор Иванович — (1931 г.р.), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: преимущественно криминологические проблемы борьбы с дорожно-транспортными происшествиями, деятельность органов внутренних дел по профилактике преступлений.

ЗАРИПОВ Зарип Саидович — (р. 1946), г. Рязань. Доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Рязанской академии права и управления ФСИН РФ. Полковник внутренней службы. Работал в Академии МВД Республики Узбекистан на различных должнос-

тях: старшим преподавателем, доцентом, начальником кафедры криминологии и профилактики правонарушений, заместителем начальника академии по научной работе. Академик международной академии по природе и обществу. Опубликовал более 150 научных работ. Под его научным руководством защищены 10 кандидатских и 2 докторские диссертации.

ЗВЕЧАРОВСКИЙ Игорь Эдуардович — (14.01.1959 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. В настоящее время — ректор Академии Генеральной прокуратуры РФ. Автор многих работ по уголовному праву, в числе которых: «Уголовно-правовые меры, поощряющие посткриминальное поведение личности» (1991), «Уголовная ответственность» (1992), «Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование» (1993), «Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону» (1997, в соавторстве), «Современное уголовное право России» (2001), «Незаконное вознаграждение: уголовно-правовые аспекты» (2002), соавтор ряда современных учебников по уголовному праву и др.

ЗЕМЛЮКОВ Сергей Валентинович — (20.08.1952 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

В 1974 г. впервые в Барнауле из числа студентов-юристов сформировал студенческий милицкий отряд «Дзержинец» и стал его командиром. В течение трех лет отряд участвовал в охране общественного порядка в Барнауле. В 1974 г. впервые в университете были организованы студенческие отряды. С этого года в течение пяти лет С.В. Землюков возглавлял штаб ССО АГУ и зональные штабы ССО. В 1977—1980 гг. С.В. Землюков работал секретарем комитета ВЛКСМ АГУ. В это время его избирали в руководящие комсомольские и партийные органы района и города. За активную работу дважды был помещен на Доску почета университета, награжден Почетными грамотами Алтайского крайкома КПСС и крайисполкома, УВД Алтайского края, ЦК ВЛКСМ. В 1982 г. С. В. Землюков проходил научную стажировку в университете им. Гумбольдта (Берлин), где изучал практику борьбы с преступлениями в ГДР. В 1992-1993 гг. принимал участие в работе комиссии при Министерстве юстиции РФ по подготовке нового Уголовного кодекса РФ.

В 1990 г. С.В. Землюков поступил в докторантуру юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и в 1994 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Преступный вред: Теория,

законодательство, практика». В настоящее время С. В. Землюков является членом диссертационного совета при Томском государственном университете и УМО по правоведению (секция уголовного права) при Министерстве образования РФ. В 2000 г. был избран в Краевой Совет народных депутатов, стал председателем постоянного комитета по правовой политике и местному самоуправлению. С. В. Землюков имеет более 50 публикаций объемом свыше 70 печатных листов, в том числе: «Уголовно-правовые проблемы преступного вреда» (1991), «Преступления и наказания в РФ: Комментарии к Уголовному кодексу РФ» (1997, в соавт.), и др.

ИВАНОВ Никита Георгиевич — (27.02.1953 г.р.), доктор юридических наук, профессор, действительный член Европейской Академии права, председатель совета экспертов института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Автор более 90 научных работ, в числе которых: «Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве» (1991), «Психические аномалии и проблемы уголовной ответственности» (1995), «Мотив преступного деяния» (1997), «Аномальный субъект преступления» (1998), «Модельный уголовный кодекс» (2003), Уголовное право России. Общая и Особенная части (2003), соавтор дальневосточного, под ред. проф. А.И. Коробеева, курса российского уголовного права и др.

ИГНАТОВ Алексей Николаевич — (14.07.1928 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского института экономики, политики и права (МИЭПП), профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов (юридический факультет РУДН). С 1953 г. ведет преподавательскую деятельность: преподаватель уголовного права, доцент ВШ КГБ и МВД СССР; с.н.с. ИГП АН СССР; зав. сектором Института прокуратуры СССР; начальник отдела ВНИИ МВД СССР; зав. кафедрой РУДН; профессор МИЭПП. С 1973 г. — член Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ. Член группы экспертов Комитета Госдумы РФ по законодательству (ГД ФС РФ второго созыва); эксперт Комитета Госдумы РФ по безопасности (ГД ФС РФ второго и третьего созывов). Один из разработчиков УК РФ, принятого в 1996 г. В 1977 г. принимал участие в работе над уголовным и исправительно-трудовым законодательством; в 1998—99 гг. — изменениями и дополнениями в УК РФ; в 1996—99 гг. — всеми законопроектами по уголов-

ному праву. Участвовал и выступал на заседаниях Пленума Верховного Суда РФ по обсуждению руководящих постановлений. Основные направления научной деятельности: проблемы общей части уголовного права, уголовно-правовая охрана личности и ее прав, преступления против собственности.

Имеет около 150 работ по уголовному праву, в их числе «Ответственность за преступления против нравственности» (1966), Курс советского уголовного права, в 6 т. (М., 1972, в соавторстве), Настольная книга судьи (1972, в соавторстве), «Преступления против нравственности» (1974), «Квалификация половых преступлений» (1974), Руководство для следователей (1997), соавтор и ответственный редактор многих современных учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу, в том числе авторского (совместно с Ю. А. Красиковым) 2-х томного курса российского уголовного права.

ИНОГАМОВА-ХЕГАЙ Людмила Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии. Родилась в г. Караганде, в Казахстане. Автор многочисленных работ по уголовному праву, в числе которых: «Условно-досрочное освобождение от наказания» (1992), «Конкуренция норм уголовного права» (1999, 2001), «Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений» (2002), «Международное уголовное право» (2003), и др. Соавтор и ответственный редактор современных учебников по уголовному праву.

ИНШАКОВ Сергей Михайлович — (13.03.1958), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ. Полковник юстиции. С 1984 г. — в системе высшего профессионального образования в Военном университете МО РФ. С 2001-2006 гг. заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Российской правовой академии МЮ РФ; С 2006 г. зав. отделом латентной преступности и криминологического прогнозирования Академии Генеральной прокуратуры РФ. Область научных исследований: криминологические проблемы борьбы с преступностью военнослужащих; зарубежная криминология. Автор более 20 книг. Результатом научной работы С. М. Иншакова явилось написание более 100 работ, в частности: «Преступность и меры социального реагирования» (1995), «Зарубежная криминология» (1997), «Военная криминология» (1999), «Латентная преступность в РФ» (2006).

КАРАКЕТОВ Жолдас Мустафаевич — (1948—1998 гг.), г. Ташкент. Доктор юридических наук, профессор. Работал проректором по научной работе Ташкентского юридического института. Область научных исследований: основоположник школы корыстно-насильственной преступности, автор многих трудов в области криминологической характеристики личности преступников, совершивших грабежи и разбои, кражи чужого имущества. Автор труда «Индивидуальное преступное поведение. Виктимология». Новатор в уголовном законодательстве. Опубликовано более 20 учебников и монографий.

КАРПЕЦ Игорь Иванович — (1921—1993 гг.), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. Лауреат Государственной премии СССР. Первый практический работник органов милиции, защитивший докторскую диссертацию, и первый директор Института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генпрокуратуре СССР.

И. И. Карпец принимал участие в создании и редактировании первого советского учебника «Криминология» и коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе». И. И. Карпец являлся вице-президентом Международной Ассоциации юристов-демократов. Выпустил свыше 300 научных трудов, свыше 30 монографий и учебников.

КВАШИС Виталий Ефимович (1938 г.р.) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России. Автор более 300 трудов по проблемам уголовного права, криминологии и уголовной политики. Член Академии уголовной юстиции США. Читал лекции в университетах ФРГ, Индии, Италии, Китая, Нидерландов, США, ЮАР, Канады и Японии.

КЕЛИНА Софья Григорьевна — (29.12.1928 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

Работала в Высшей школе МВД, в Высшей школе КГБ, в ВЮЗИ. В настоящее время является главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук. Принимала непосредственное участие в подготовке уголовного законодательства РСФСР и РФ. С. Г. Келина — автор многих научных работ, в числе которых: «Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности» (1974); «Принципы советского уголовного права», в соавторстве с В. Н. Кудрявцевым

(1988); Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: Новые идеи / Под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. — М., 1994; Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: Новые идеи / Под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. М., 1994; Когда убивает государство. Смертная казнь против человека (главы из книги) // Советское государство и право. 1989. № 12, и др. Соавтор многочисленных учебников и курсов по уголовному праву и комментариев к Уголовному кодексу.

КИБАЛЬНИК Алексей Григорьевич — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Ставропольского государственного университета. В 1995 г. окончил исторический факультет Ставропольского государственного педагогического университета, в 1996 г. — юридический факультет Международной Академии предпринимательства (г. Москва). После обучения в адъюнктуре Московского юридического института МВД РФ под руководством профессора А. В. Наумова в 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Иммунитет в уголовном праве». В 2003 г. в Институте государства и права РАН защитил докторскую диссертацию на тему «Влияние международного уголовного права на российское уголовное право» (научный консультант — профессор А. В. Наумов). Область научных интересов — проблемы уголовной ответственности и освобождения от нее; преступления против мира и безопасности человечества; международное уголовное право и его соотношение с национальным уголовным правом. Автор и соавтор более 80 научных и учебно-методических трудов, в т.ч. 12 монографий и 2 учебников, имеющих рекомендации Министерства образования РФ и МВД РФ. Основные труды: Иммунитеты в уголовном праве. Ставрополь, 1999; Тайна в уголовном праве. Ставрополь, 2000; Введение в международное уголовное право. Ставрополь, 2001; Практический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001 (2-е изд.: Москва, 2004); Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь, 2002; Современное международное уголовное право: понятие, задачи, принципы. Санкт-Петербург, 2003; Преступления против мира и безопасности человечества. Санкт-Петербург, 2004; Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. Москва, 2006.

КИРЕЕВ Михаил Павлович — (р. 1950), г. Москва. Доктор юридических наук. Область научных исследований: борьба с терроризмом на воздушном транспорте.

КЛЕНОВА Татьяна Владимировна — (1960 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета. В 1983 году окончила юридический факультет Куйбышевского государственного университета. В период с 1983 по 1986 гг. обучалась в очной аспирантуре Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В этом университете защитила две диссертации: кандидатскую — на тему «Учение об уголовно-правовой норме: понятие, структура, виды» (1986 г.) и докторскую — на тему «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001 г.).

С 2002 г. по настоящее время член Квалификационной коллегии судей Самарской области. Автор многих научных публикаций, в числе которых «Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование» (1995), «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001), и др.

КОЗАЧЕНКО Иван Яковлевич — (10.09.1940 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии.

Докторскую диссертацию защитил в 1987 г. по теме «Уголовные санкции за насильственные преступления: Обусловленность, структура, функции, виды». Автор многочисленных публикаций по уголовному праву, в числе которых: «Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений» (1984), «Уголовная ответственность: мера и форма выражения» (1987), «Причинная связь в автотранспортных преступлениях в призма экспертных оценок» (1991, в соавторстве), «Спорные вопросы квалификации задержания преступника» (1992), «Проблема уменьшенной вменяемости» (1993, в соавторстве), «Понятие вины в уголовном праве (исторический и психолого-правовой анализ)» (1993, в соавторстве), «Преступления с квалифицирующими составами и их уголовно-правовая оценка» (1994, в соавторстве), «Истина и закон: Судебные речи известных российских и зарубежных адвокатов» (2003), «Проблемы причины и причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики» (2003, в соавторстве), автор и ответственный редактор многих современных учебников по уголовному праву, и др.

КОМИССАРОВ Владимир Сергеевич — (29.03.1953 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии МГУ.

В 1978 г. закончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Работает на юридическом факультете МГУ с 1984 г. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Уголовная ответственность за бандитизм», в 1997 г. — докторскую диссертацию по теме «Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика)». Член научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ, научно-экспертного совета Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам Федерального Собрания; научно-экспертного совета Государственной Думы Федерального Собрания; экспертного совета ВАКа; уголовно-правовой и криминологической секции Учебно-методического Совета Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию; диссертационного совета в Московском государственном университете по защите докторских диссертаций; диссертационного совета в Санкт-Петербургском государственном университете по защите докторских диссертаций. Направления научных исследований: институт соучастия в уголовном праве; преступления против общественной безопасности, преступления против здоровья населения и др. Читает лекционные курсы: Уголовное право Российской Федерации, Общая и Особенная части. Является автором свыше 90 публикаций, общим объемом свыше 250 п.л., в числе которых: «Борьба с преступностью мерами уголовного права (понятие, сущность, содержание)» (1989), «Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК» (1997), Новое уголовное право России. Т. 2. (1996, в соавторстве), автором и ответственным редактором современных учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу, среди которых пятитомный курс уголовного права кафедры уголовного права МГУ; Уголовное право в вопросах и ответах. Учебное пособие. (2002, 2005, в соавторстве); Уголовное право России. В 2-х томах (Под ред. проф. Иногамовой-Хегай Л. В., Комиссарова В. С., Рагоза А. И. 2003, в соавторстве); Уголовное право России. Общая часть (Под редакцией Кузнецовой Н. Ф., Тяжковой И. М., 2004, в соавторстве); Уголовное право России. Особенная часть. В 2-х полутомках (Под редакцией Борзенкова Г. Н., Комиссарова В. С., 2005, в со-

авторстве); Комментарий к УК РФ (Под ред. А. И. Чучаева, 2004, в соавторстве); и др.

КОНЯХИН Владимир Павлович — (01.02.1954 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

В 1985 г., после завершения обучения в аспирантуре Института государства и права АН СССР и защиты диссертации по теме: «Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции», ему присуждена ученая степень кандидата юридических наук. В 1987—1988 гг. прошел годичную научную стажировку в Югославии по теме: «Сопоставительный анализ югославского уголовного законодательства и практики его применения в условиях многонационального государства». В 1990 г. получил ученое звание доцента. С 1995 по 2000 г. выполнял обязанности заместителя декана юридического факультета Кубанского государственного университета по научной работе. Избирался народным заседателем Советского райнарсуда г. Краснодара, являлся членом комиссии по делам несовершеннолетних Краснодарского горисполкома, лектором Краснодарского краевого общества «Знание». С 1998 г. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета. В 2002 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права». В 2003 г. ему присвоено звание профессора. Член уголовно-правовой секции Совета по правоведению УМО университетов Российской Федерации и аналогичной секции регионального УМС Южного Федерального округа. Работает в составе редколлегии журнала «Ученые записки юридического факультета КубГУ». Является членом докторского диссертационного Совета Кубанского государственного университета Д 212.101.02 по специальности 12.00.01, 12.00.08 и 12.00.09 и квалификационной коллегии судей Краснодарского края. Осуществляет научное руководство подготовкой докторантов, аспирантов и соискателей ученых степеней. Автор более 90 публикаций, в числе которых 2 монографии, два учебника (в соавторстве), два комментария к Уголовному кодексу (в соавторстве), три учебно-практических пособия (в соавторстве), а также научные статьи в центральной отечественной и зарубежной периодической печати.

КОРЕЦКИЙ Даниил Аркадьевич — (04.08.1948 г.р.), доктор юридических наук, профессор, член Союза российских писателей. Работал в органах прокуратуры, юстиции, с 1980 г. — в

органах внутренних дел. В 1998 г. защитил докторскую диссертацию «Основы теории и методологии криминологического исследования тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия». Сфера научных интересов — криминология; специализация — вооруженная преступность и меры борьбы с ней, правовой режим оружия. Разработчик нового междисциплинарного учения об оружии — криминальной армалогии, автор альтернативного законопроекта «О правовом режиме оружия». В настоящее время — профессор Ростовского юридического института МВД России, Почетный сотрудник МВД России, полковник милиции. Имеет свыше 160 научных работ, в числе которых монографии «Тяжкие преступления, совершаемые на почве бытовых конфликтов» (1980), «Организованная преступность за рубежом и меры борьбы с ней» (1995), «Тяжкие вооруженные преступления» (1997), «Основы теории и методологии криминологического исследования тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия» (1998), «Уголовно-правовой режим средств самообороны» (2003), «Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений» (2003, в соавторстве), «Современный бандитизм» (2004, в соавторстве) и др. и 14 художественных книг, посвященных проблемам борьбы с преступностью.

КОРОБЕЕВ Александр Иванович — (06.10.1951 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Дальневосточного государственного университета.

В 1977 г. в Ленинградском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию по теме «Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями на морском транспорте», в 1989 г. там же — докторскую диссертацию по теме «Транспортные преступления (уголовно-политические и уголовно-правовые проблемы)». С 1977 г. работает на кафедре уголовного права Дальневосточного государственного университета, с 1994 г. — в должности заведующего. В 2001 г. избран заместителем академического директора Межрегионального института общественных наук Дальневосточного государственного университета. Основными направлениями научной деятельности проф. А. И. Коробеева являются: разработка теоретических основ российской уголовной политики, проблемы борьбы с неосторожной преступностью, транспортными преступлениями, техногенными авариями и катастрофами, сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран АТР. Он — автор свыше 150 публикаций

по уголовной политике и уголовному праву, в числе которых 7 монографий, 10 учебных пособий, 4 учебника, курс лекций: «Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР» (1984), «Уголовная наказуемость общественно опасных деяний» (1986), «Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации» (1987), «Квалификация транспортных преступлений органами внутренних дел» (1988, в соавторстве), «Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность» (1990), «Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы» (1991, в соавторстве), «Транспортные преступления: Квалификация, ответственность, предупреждение» (1992), «Преступление и наказание» (1993, в соавторстве), «Транспортные преступления» (2003), соавтор современных учебников по уголовному праву, ответственный редактор и соавтор дальневосточного восьмитомного курса по уголовному праву, и др. Под его научной редакцией и с предисловием вышли в свет: «Уголовный кодекс Китайской Народной Республики» (СПб, 2001), «Уголовный кодекс Японии» (СПб., 2002), «Уголовный кодекс Республики Корея» (СПб., 2003).

Под руководством А. И. Коробеева успешно защищены 11 кандидатских, а при научном консультировании — три докторские диссертации. Он является председателем диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук в Дальневосточном государственном университете.

Научная и педагогическая деятельность профессора А. И. Коробеева тесно связана с законотворческой и правоприменительной практикой. В 1991—1993 гг. он входил в состав рабочей группы при Министерстве юстиции РФ, подготовившей первый проект нового УК РФ, в 1996—2001 гг. работал экспертом научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ. В 2003 г. А. И. Коробеев Советом Федерации Федерального Собрания РФ избран в состав Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

КОЧОЙ Самвел Мамадович — (11.11.1961 г.р.), доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии (МГЮА), директор института МГЮА в г. Кирове. В том же году поступил в очную аспирантуру ВЮЗИ по кафедре уголовного права. В 1987 г. в диссертационном совете при ВЮЗИ защитил кандидатскую диссертацию

по теме: «Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96 УК РСФСР)». Научные руководители: профессора П. Ф. Тельнов, В. И. Ткаченко. В 1999 г. в диссертационном совете при МГЮА защитил докторскую диссертацию по теме: «Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России». Опубликовал свыше 90 работ, среди них монографии: «Ответственность за корыстные преступления против собственности» (М.: Юристъ, 1998; М.: Профобразование, 2000 (2-е издание)); «Преступления против собственности. Комментарий главы 21 УК РФ» (М.: Проспект, 2001); «Терроризм и экстремизм. Уголовно-правовая характеристика» (М.: Проспект, 2005); «Уголовное законодательство России и зарубежных государств о посягательствах на собственность» (М.: Проспект, 2006). Соавтор многих современных учебников по уголовному праву, а также курса лекций (Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 4 (Глава «Преступления против собственности»). Владивосток: ДавГУ, 2000).

КРАСИКОВ Юрий Алексеевич — (29.08.1936 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

С 1964 г. на преподавательской работе. Долгие годы проработал на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, читал лекции в Гаванском университете, в Сорбонне. В настоящее время — и.о. ректора МИЭПП, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин. Автор и редактор ряда монографий и учебников по уголовному праву. Имеет опубликованные работы общим объемом более 300 печатных листов, в их числе: «Множественность преступлений (понятие, виды, наказуемость)» (1988), «Назначение наказания: обусловленность и критерии индивидуализации» (1991), соавтор и ответственный редактор многих современных учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу, в том числе авторского (совместно с А. Н. Игнатовым) 2-х томного курса российского уголовного права.

Руководил авторским коллективом по подготовке нескольких проектов законов и УК РФ. Академик, действительный член академии РАЕН.

КРУГЛИКОВ Лев Леонидович — (11.01.1940 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ и РАЕН РФ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Работал следователем, про-

курором отдела прокуратуры Омской области. С 1969 по 1971 г. обучался в очной аспирантуре по кафедре уголовного права Свердловского юридического института. После досрочной защиты кандидатской диссертации — на преподавательской работе в упомянутом институте, а с 1972 г. — в Ярославском государственном университете на должностях: ст. преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и процесса. С 1990 по 1994 г. избирался депутатом и председателем Ярославского городского Совета народных депутатов.

В 1986 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации». Научная проблематика: теория уголовного права, дифференциация ответственности, преступления против жизни, и др. Является автором 300 научных работ, научным редактором, автором и соавтором научно-практических комментариев к Уголовному кодексу, учебников по уголовному праву, сборников научных статей, учебных пособий, а также курса лекций по уголовному праву. Автор 6 монографий, посвященных смягчающим и отягчающим обстоятельствам, презумпциям в уголовном праве, сравнительному правоведению и др. В числе работ: «Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве» (1985), «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания» (1986), «Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений» (1989, в соавторстве), «К вопросу о классификации объектов преступления. Уголовная ответственность: основания и порядок реализации» (1990), «Преступления с квалифицирующими составами и их уголовно-правовая оценка» (1994, в соавторстве), «Преступления против личности» (1998), «Проблемы теории уголовного права» (1999), «Экономические преступления (Вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания)» (2001, в соавторстве), «Дифференциация ответственности в уголовном праве» (2003, в соавторстве), и др. В 1986 г. награжден нагрудным знаком Министерства высшего образования «За отличные успехи в работе».

КУДРЯВЦЕВ Владимир Николаевич — (10.04.1923—05.10.2007), доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Советник президиума Российской академии наук.

Родился 10 апреля 1923 года в Москве, в семье бывших сельских учителей, которые до революции учительствовали в Рязанской области. В 1941 г. призванный в армию, он был направлен в Ташкентское военно-пехотное училище, по окончании которого был назначен командиром минометного взвода в Туркестанскую дивизию Закавказского фронта, входившую в состав советских войск в Иране. Его жизненное призвание определилось еще в армии: он стал народным заседателем, работал военным дознавателем и был рекомендован в Военно-юридическую академию, которую окончил в 1949 г. с золотой медалью. В 1952—1960 гг. — преподаватель Военно-юридической и Военно-политической академий; в 1960—1963 гг. — заместитель начальника и начальник оргинспекторского отдела Военной коллегии Верховного суда СССР. С 1963 по 1973 гг. В. Н. Кудрявцев работал во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (в 1969—1973 гг. — директор); с 1973 по 1989 гг. — директор Института государства и права АН СССР. В 1988—1990 гг. — вице-президент АН СССР. С 1989 г. — и.о. академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР. С 1990 г. — почетный директор ИГП РАН. Одновременно, в 1991—1992 гг., — академик-секретарь отделения РАН. С апреля 1992 по 2001 гг. — вице-президент РАН. В 1989 г. — январе 1992 г. — народный депутат СССР; в 1990 г. — руководитель группы научного обеспечения подготовки проекта Союзного договора, руководитель рабочей группы по подготовке материалов к проекту Конституции СССР. Был вице-президентом Ассоциации советских юристов; вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов; президентом Российского общества солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки (с 1991 г.); членом Политического консультативного совета при Президенте РФ.

В. Н. Кудрявцев был крупнейшим специалистом в области уголовного права, криминологии, социологии права, автор более 600 научных работ, из них более двух десятков фундаментальных монографий. Многие из которых переведены в Италии, Японии, Венгрии, Польше, Болгарии и Чехословакии. Он — один из основателей отечественной криминологии, которая вплоть до 50-х годов не развивалась по идеологическим причинам. Им были проведены фундаментальные исследования роли юридической политики в государственном управлении, причин и механизмов правового поведения личности, заложившие основы ряда новых

направлений отечественной правовой теории. Плодотворной для юридической науки и практики стала его идея о создании перспективных научных моделей юридических кодексов, ориентированных на дальнейшее укрепление законности, строгое соблюдение прав граждан. При его непосредственном участии принималась Конституция СССР 1977 г. и с его участием — действующая Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ и другие основополагающие законы России. Под его редакцией вышло около сотни коллективных и индивидуальных монографий и учебников, которые определили высокий уровень отечественной юридической науки. Многие его работы изданы в зарубежных странах. Им подготовлено более 50 докторов и кандидатов наук. За свои научные труды и организаторскую работу по развитию юридической и социальной науки в стране он был награжден Орденом Ленина, Орденом Октябрьской революции, двумя орденами Почета, орденом «За заслуги перед Отечеством», зарубежными наградами. Ему были вручены Государственная премия СССР (в числе других ученых — за разработку теоретических основ советской криминологии), юридическая премия «Фемида», Демидовская премия РАН и премия «Триумф», а также премия РАН имени М. Ковалевского по социологии. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, награжден орденами и медалями, широко известен и за рубежом, избран иностранным членом ряда академий и почетным доктором нескольких университетов и институтов.

КУЗНЕЦОВА Нинель Федоровна — (09.12.1927 г.р.), доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии СССР. Преподавательскую деятельность ведет с 1953 г. Работала ассистентом, доцентом, профессором, заведующей кафедрой уголовного права и криминологии МГУ. В настоящее время — профессор этой кафедры.

В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Ответственность за приготовление и покушение на преступление». В 1968 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Преступление и преступность».

В течение 15 лет была депутатом районного Совета народных депутатов г. Москвы и 15 лет — народным заседателем двух районных судов г. Москвы.

Принимала непосредственное участие в подготовке уголовного законодательства (Основ уголовного законодательства ССР и

союзных республик, уголовных кодексов РСФСР и РФ, ряда законов). Стояла у истоков российской криминологии, за что в 1984 г. в группе из пятерых ученых получила государственную премию СССР (за разработку теоретических основ советской криминологии). Н. Ф. Кузнецова — автор свыше 250 работ, в числе которых: «Значение преступных последствий» (1958), «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву» (1958), «Уголовное право и мораль» (1967), «Преступление и преступность» (1969), «Сравнительное криминологическое исследование преступности в г. Москве» (1971), «Современная буржуазная криминология» (1978), «Современное уголовное право ФРГ» (1981), «Проблемы криминологической детерминации» (1984), «Преступление и наказание в Англии, Франции, ФРГ, США, Японии» (1986), «Избранные труды» (2003), и др. Соавтор и ответственный редактор многочисленных учебников и курсов по уголовному праву и криминологии и комментариев к уголовному кодексу. Подготовила более 30 кандидатов наук, 5 докторов наук. С 1995 г. — заслуженный профессор МГУ. Ветеран труда. Участник трудового фронта.

КУРМАНОВ Карпек Шамсетденович — (р. 1927), г. Бишкек. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы причин и мер предупреждения преступности, связанной с наркотиками.

ЛАРИЧЕВ Василий Дмитриевич — (04.10.1948 г.р.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Кандидатскую и докторскую диссертации защитил во ВНИИ МВД: кандидатскую — в 1997 году по теме «Организация и методика борьбы с хищениями ГСМ», а докторскую — в 1996 году по теме «Теоретические вопросы защиты кредитно-денежных отношений от преступных посягательств». На сегодняшний день имеет более 230 научных работ, среди которых — более 50 книг, пособий, монографий, в числе которых, например:

- Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им. (1996 г.)
- Преступления в сфере банковского кредитования. (1998 г.)
- Налоговые преступления и правонарушения — кто и как их выявляет и предупреждает. (В соавторстве, 1998 г.)
- Мошенничество в сфере страхования. (1998 г.)
- Преступления в страховании. (В соавторстве, 2000 г.)

- Таможенные преступления. (В соавторстве, 2001 г.)
- Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности. (В соавторстве, 2002 г.)
- Защита авторского и смежных прав в аудиовизуальной сфере. (2004 г.)

Основные научные интересы сосредоточены в области преступности в сфере экономики, в различных отраслях. В последнее время уделяет внимание преступлениям террористической направленности, захвату заложников и другим вопросам.

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич — (24.11.1958 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России. После окончания вуза работал преподавателем кафедры криминологии (1980 г.), научным сотрудником НИ и РИО (1980—1984 гг.) Омской ВШМ МВД СССР.

В сентябре 1984 г. поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР (г. Москва), где в июне 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Криминологическое изучение антиобщественных традиций и обычаев и их влияние на преступность». После окончания адъюнктуры работал преподавателем, старшим преподавателем кафедры уголовного права Омской ВШМ МВД СССР (1987—1988 гг.).

В 1988 г. приглашен в Научный центр Академии МВД СССР, где работал старшим научным сотрудником (1988 г.), заместителем начальника отдела (1988—1989 гг.), начальником отдела (1989-1992 гг.). В 1990 г. ВАК СССР присвоил ученое звание старший научный сотрудник.

С марта 1992 по февраль 1995 гг. — в докторантуре Академии управления МВД России. В декабре 1995 г. защитил в диссертационном совете Юридического института МВД России докторскую диссертацию «Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации: теоретические и методологические основы исследования» по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

С марта 1995 г. по декабрь 2000 г. работал профессором кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института МВД России.

В мае 1999 г. Министерством общего и профессионального образования России присвоено ученое звание профессор.

С декабря 2000 г. — в должности начальника кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института МВД России, а с сентября 2002 г. — начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России.

Научные интересы связаны с разработкой проблем криминологической детерминации, теории социально-правового контроля над преступностью и обеспечения криминологической безопасности, развитием системы предупреждения насильственной преступности, в том числе преступлений террористического характера.

Список публикаций насчитывает более 120 научных и методических работ, посвященных современным проблемам контроля государства и общества над преступностью, обучению основам этой деятельности в юридическом вузе общим объемом свыше 200 п.л., в том числе: 7 монографий, 6 учебников, более 20 учебных и научно-практических пособий. Свыше 70 авторских научных разработок внедрены в практику органов внутренних дел и учебный процесс вузов системы МВД СССР и России.

Научно-практическая деятельность связана с руководством разработкой 10-ти региональных программ обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Участвовал в подготовке Федеральной программы борьбы с преступностью 1995—2000 г., разработке проекта Федерального закона «Об основах государственной политики в сфере предупреждения преступлений» и др.

Член Международной криминологической ассоциации (с 1996 г.), член Союза юристов г. Москвы (с 1991 г.), главный редактор «Криминологического журнала» (изд. с 2001 г.), главный редактор журнала «Антитеррор» (изд. с 2001 г.), эксперт Комитета Государственной Думы России по безопасности третьего (2000—2003 гг.) и четвертого (2004—2007 гг.) созывов. Член Ученого совета Московского университета МВД России, 3-х диссертационных советов Московского университета МВД России и диссертационного совета Омской академии МВД России. Под научным руководством 25 соискателей стали кандидатами юридических наук, 2 — докторами наук, 5 соискателей завершают работу над докторскими и над 20 кандидатскими диссертациями.

9 июня 2003 г. Указом Президента Российской Федерации № 634 присвоено Почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Наиболее значимые работы: Криминологические аспекты воспроизводства преступности.— М., 1986; Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность.— М., 1989; Организация работы горрайоргана внутренних дел по предупреждению преступлений.— М., 1994; Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа.— М., 1995; Предупреждение преступности органами внутренних дел.— М., 1999; Социально-правовой контроль над преступностью. Серия статей.— М., 2001—2004; Криминологическая безопасность и ее обеспечение органами внутренних дел. Серия статей.— М., 2003—2006; Социально-правовой контроль органов внутренних дел над терроризмом.— М., 2003; Криминология. Учебник.— М., 2006; Криминология. Учебник.— М., 2007; Правовая статистика. Учебник.— М., 2007.

ЛОБАНОВА Любовь Валентиновна — (27.12.1959 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета.

После успешного завершения аспирантуры работала старшим преподавателем ВГПИ, доцентом. С 1996 г.— заведующая кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, с 2001 г.— профессор.

Автор многочисленных публикаций, в том числе, монографии «Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации» (1999 г.).

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна — (28.09.1959 г.р.) доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, закончила с отличием Саратовский юридический институт им. Д. И. Курского в 1981 г., была рекомендована в аспирантуру СЮИ (ныне СГАП), но предпочла ей практическую работу в качестве следователя прокуратуры.

На кафедру уголовного права Н. А. Лопашенко пришла в 1982 г. В 1985 г. поступила в очную целевую аспирантуру в ВЮЗИ в г. Москве и в 1986 г. под руководством профессора П. И. Гришаева досрочно закончила ее защитой кандидатской диссертации на тему «Принципы кодификации уголовно-правовых норм». В 1992 г. ей было присвоено ученое звание доцента.

В 1997 г. в диссертационном совете Московской государственной юридической академии (МГЮА) Лопашенко Н. А. защитила докторскую диссертацию по теме: «Преступления в сфере эконо-

мической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания».

В 1999 г. решением Министерства общего и профессионального образования РФ ей присвоено ученое звание профессора. Работая в должности профессора кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Н. А. Лопашенко является членом Криминологической Ассоциации, членом секции уголовного права и криминологии Совета по правоведению УМО университетов России, членом диссертационных советов СГАП и Саратовского юридического института МВД РФ

С 2003 г. Н. А. Лопашенко — директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Лопашенко Н. А. ведет активную грантовую работу (в том числе, была победительницей конкурсов РГНФ, Московского центра по изучению транснациональной организованной преступности и коррупции, Американского Центра — TRACCS, программы «Открытый мир», и др.), участвует в оппонировании докторских и кандидатских диссертаций, принимает участие в конференциях различного уровня.

Лопашенко Н. А. является автором свыше 250 научных работ, в числе которых, например:

— монографии: «Принципы кодификации уголовно-правовых норм».— Саратов, 1989; «Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности».— Саратов, 1997; «Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания».— Саратов, 1997; «Бегство капитала из России и его возвращение».— М.: ЗАО «Бизнес-Школа «Ителл-Синтез», 2003; «Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика».— СПб, Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004; Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование.— М.: ЛексЭст, 2005; Бегство капитала, передел собственности, экономическая амнистия / Монография.— М.: АНО «Юридические программы», 2005.

— авторские комментарии: Комментарий к гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».— Ростов-на-Дону, 1999; «Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ».— СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002; «Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК)».— М.: Волтерс Клувер, 2006;

— научно-практическое пособие «Незаконное предпринимательство: понятие, виды, квалификация». — Саратов, 1999;

— энциклопедии: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. — Издание профессора Малинина, СПб., 2005;

— курсы (в соавторстве): Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 5. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. проф. А. И. Коробеева. — Владивосток, 2001; Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Особенная часть. — М.: Издательство НОРМА, 2002; и др.;

— учебники (в соавторстве): «Российское уголовное право. Общая часть». — Саратов, 1994; «Уголовное право Российской Федерации: Общая часть». — Саратов, 1997; «Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть». — Саратов, 2000; Российское уголовное право: В 2-х томах. / Под ред. проф. А. И. Рарога. — М., 2001; Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. — М.: ИНФРА-М, 2002; 2004; 2005; Российское уголовное право. В двух томах. Том 1. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. — М.: Профобразование, 2004; Т. 2. Особенная часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. — М.: ООО «Полиграф Опт», 2002; 2003; 2004; 2005; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под общей редакцией В. И. Радченко. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2004; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. И. Э. Звечаровского. — М.: Юрист, 2004; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. С. Комиссарова. — СПб: Питер, 2005; и др.;

— курсы лекций (в соавторстве): Российская правовая политика / Под ред. д.ю.н., проф. Н. И. Матузова и д.ю.н., профессора А. В. Малько. — М.: Издательство НОРМА, 2003; Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 2. / Отв. ред. В. Е. Корноухов. — М.: Юрист, 2004; Уголовное право России: Курс лекций: В 6 т. / Под ред. Б. Т. Разгильдиева. — Т. 1 и 2. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004;

— конспекты лекций (в соавторстве): Уголовное право Российской Федерации. Т. 1. Общая часть; Т. 2. Особенная часть / Под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. — М.: ИНФРА-М, 2002; и др.;

— комментарии (в соавторстве): Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. С. Устинова, В. В. Сверчкова. — М.: Юрайт-Из-

дат, 2002; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д.ю.н., Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. — М.: Издательство НОРМА, 2002; Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. д.ю.н., проф. А. И. Чучаева. — М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д.ю.н., Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. — М.: НОРМА, 2004; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. Ред. А. А. Чекалин. — М.: Юрайт-Издат, 2004; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный); отв. ред. Л. Л. Кругликов. — М.: Волтерс Клувер, 2005; и др.;

— справочные издания: Антикоррупционная политика: справ. / Под ред. А. В. Малько. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006;

— статьи в ведущих юридических журналах: Государство и право, Правоведение, Уголовное право, Уголовный процесс, Законность, Российская юстиция, Закон, Законодательство, Следователь, Правовая политика и правовая жизнь, Налоги и налогообложение, Налоговые споры: теория и практика, и др.

Н. А. Лопашенко занимается экспертной работой; является экспертом ряда Комиссий и Комитетов Государственной Думы и Совета Федерации.

ЛУНЕЕВ Виктор Васильевич — (16.12.1932 г.р.), г. Москва, доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии СССР. С 1962 г. по 70-е гг. — следственная и прокурорская работа в органах военной прокуратуры. С 70-х гг. по 1988 г. — преподавательская и научная работа на военно-юридическом факультете Военно-политической академии и Военного института. Преподавал на юридическом факультете МГУ. С 1988 г. по настоящее время — научная работа в ИГП РАН (заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН). Директор Московского исследовательского центра по проблемам организованной преступности и коррупции. В 1999 году получил Государственную премию в области науки и техники за цикл работ «Мировые, региональные и российские тенденции преступности XX века» (Указ Президента РФ от 29 сентября 1999 г.).

Научная проблематика: военно-криминологические проблемы, методика криминологических исследований, криминологическое прогнозирование, мотивация преступного поведения;

мировые, региональные и российские тенденции преступности. Участвовал в работе над проектами законов о борьбе с организованной преступностью и коррупцией, о предупреждении преступности и др. Автор около 250 публикаций, в числе которых: Советская криминология (1978); «Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с правонарушениями в войсках» (1979); «Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика» (1980); «Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР» (Учебник, 1986); «Мотивация преступного поведения» (1991), «Преступность XX века» (1997), и др.

МАГОМЕДОВ Асбег Ахмеднабиевич — г. Москва. доктор юридических наук, профессор. Нач. кафедры методологии и методики расследования экономических преступлений, полковник милиции. Область научных исследований: Проблемы предупреждения экономических преступлений.

МАКСИМОВ Сергей Васильевич — (р. 1961), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: общие проблемы криминологии, криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью, предупреждение коррупции.

МАЛИНИН Василий Борисович — (26.04.1956 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

В 1974—1976 гг. проходил службу в специальных частях милиции в Москве. За время службы был награжден знаком «Отличник милиции» и медалью «За отличия в службе» II степени. За время прохождения службы (2 года) задержал около 1000 правонарушителей и 27 вооруженных преступников, имеет ранения. В 1976 поступил в Ленинградский государственный университет на юридический факультет, который в 1981 году окончил. Во время учебы был председателем кружка уголовного права.

В 1981—1984 гг. обучался в очной аспирантуре ЛГУ, в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Основания и пределы уголовной ответственности за бездействие» (в ЛГУ). После защиты оставался преподавателем на кафедре уголовного права.

С июля 1985 г. перешел на работу преподавателем кафедры уголовного права, уголовного процесса и исправительно-трудового права Ленинградского факультета Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР. С 1988 г., в связи с преобразованием МФЮЗО при Академии МВД

СССР в Высшую юридическую заочную школу МВД СССР, стал преподавателем кафедры уголовного права, уголовного процесса и исправительно-трудового права Ленинградского факультета ВЮЗШ МВД СССР; в 1991 году — новое преобразование вуза — в Ленинградскую Высшую школу МВД РСФСР; с 1992 года — доцент кафедры уголовного и исправительно-трудового права Санкт-Петербургской высшей школы МВД РФ. С 1994 работал в должности доцента кафедры криминологии уголовно-исполнительного права данной школы, преобразованной в 1995 году в Санкт-Петербургскую академию МВД России. На должность профессора назначен в 1998 году; в этом же году вуз преобразован в Санкт-Петербургский университет МВД России. Защитил докторскую диссертацию в 2000 году в Санкт-Петербургском университете МВД РФ по теме «Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики». С 2000 года по настоящее время работает в должности профессора кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. На сегодняшний день В.Б. Малининым опубликовано более 170 работ, из них 6 монографий, курс лекций (авторский, получивший гриф Министерства образования РФ), соавтор пяти учебников по уголовному праву. На данный момент Василий Борисович — издатель и ответственный редактор фундаментального издания «Энциклопедия уголовного права» в 35 томах.

Создатель такого направления в науке, как пенитенциарная социология, автор учебника по данной дисциплине (в соавторстве). Член редколлегии журнала «Юридическая мысль». Пишет художественные и исторические книги (рассказы о зоне (цикл книг); книга «Тайны правителей России», готовятся к изданию). Увлекается шахматами. Международный гроссмейстер, участник многих международных турниров. Вошел в книгу рекордов Гиннеса как последний чемпион СССР через 10 лет после ее распада.

МАЛКОВ Виктор Павлович — (08.10.1931 г.р.), доктор юридических наук. Заслуженный деятель науки РФ. Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института экономики, управления и права.

В 1967 г. в Московском государственном университете им. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию «Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уго-

ловно-правовое значение», в 1974 г. там же — докторскую диссертацию «Множественность преступлений по советскому уголовному праву».

Инициировал и выиграл дело в Конституционном Суде России по поводу неверного увольнения с работы заведующего кафедрой (в связи с достижением пенсионного возраста). Им опубликовано 14 монографий, 9 крупных учебных пособий и более 180 научных статей, рецензий, учебно-методических разработок, принимал участие в написании 10 учебников, 15 комментариев к УК и УПК. Автор многих работ по уголовному праву, среди которых: «Повторность проступка и уголовная ответственность» (1968), «Повторность преступлений» (1970), «Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания)» (1974), «Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву» (1982), «Множественность преступлений» (1995, в соавторстве), «Совокупность приговоров и применение наказания: вопросы законодательного регулирования, теории и практики» (2003, в соавторстве), и др.

МАЛЫЦЕВ Василий Васильевич — г. Волгоград. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права Волгоградской Академии МВД России. Автор 140 научных работ. Основные работы: Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989; Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995; Введение в уголовное право. Волгоград, 2000; Принципы уголовного права и их реализации в правоприменительной деятельности.

МАРЦЕВ Альберт Иванович — (28.02.1930 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 1958 году окончил Высшую школу МВД СССР. В 1965 году, после окончания адъюнктуры Высшей школы МВД СССР и защиты кандидатской диссертации, направлен в Омскую высшую школу милиции МВД СССР (ныне Омская академия МВД РФ), где прошел путь от преподавателя до заместителя начальника школы по научной работе. В 1975 году А. И. Марцев защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам общего и специального предупреждения преступлений, в 1977 году ему присвоено звание профессора. В 1994 году Сибирское отделение Академии Наук Высшей Школы избрало его своим членом-корреспондентом.

В 1997 году ему присвоено почетное звание — «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В настоящее время Альберт Иванович — профессор кафедры юридических дисциплин Омской академии МВД России. Период, в течение которого А. И. Марцев осуществлял руководство кафедрой уголовного права, характеризуется активной научной деятельностью. Кафедра проводила комплексные научные исследования и осуществляла связь с правоохранительными органами. Сферу научных интересов А. И. Марцева составляют проблемы учения о преступлении, о категориях преступлений, виновного вменения, вопросы объекта преступления, уровня карательной практики государства, категории целесообразности и возможности ее влияния на основные институты уголовного права, квалификации преступлений против собственности квалификации посягательств на общественную безопасность. Видение указанных проблем нашло отражение не только в опубликованных работах, но и в докладах на международных конференциях, проходивших на базе высших учебных заведений России и стран ближнего зарубежья.

А. И. Марцев является автором более 140 научных публикаций. Среди них 7 монографических исследований и 30 учебных пособий, свыше 100 научных статей. Научная деятельность А. И. Марцева направлена на разработку теоретических основ уголовного права и криминологии, а также уголовно-исполнительного права. За многолетнюю и плодотворную работу по подготовке кадров для органов внутренних дел А. И. Марцев награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, рядом медалей, ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник МВД», в 1997 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Автор многих работ по уголовному праву, среди которых: «Преступление: сущность и содержание» (1986), «Необходимая оборона. Задержание преступника. Крайняя необходимость» (1987, в соавторстве), «Общее предупреждение преступлений и его эффективность» (1989, в соавторстве), «Вопросы учения о преступлении и ответственности» (1998), «Диалектика и вопросы теории уголовного права» и др.

МИЛЮКОВ Сергей Федорович — (01.06.1950 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

В 1975 перешел на преподавательскую работу в Воронежский госуниверситет. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовое значение криминологической

характеристики преступника». С 1981 г. преподавал уголовное и уголовно-исполнительное право, уголовный процесс и криминологию в ведомственных вузах МВД СССР г. Горького (Нижний Новгород) и Ленинграда (Санкт-Петербург). В 1996 г. ему присвоено ученое звание профессора криминологии и уголовно-исполнительного права. В 1995 избран действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук по секции геополитики и безопасности. В июле 2000 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства». Был членом рабочих групп Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ по разработке модельных Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов. Один из учредителей Международной криминологической ассоциации; академик РАЕН (1996).

В настоящее время — профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (с 2001 г.).

Награжден почетным знаком РАЕН, медалью «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России». Автор более 200 научных, научно-практических и учебно-методических работ, в том числе четырех монографий и 18 учебников, пособий, лекций. Основные из них: «Криминология. Учебник для вузов» (1995, 1998, 1999), «Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа» (2000), «Криминология — XX век» (в соавторстве, 2000), «Уголовное право Российской Федерации. Общая часть»: Курс лекций (2001, в соавторстве), «Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел» (в соавторстве).

МИХЛИН Александр Соломонович — г. Москва. Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ. Заслуженный деятель науки РФ. Область научных исследований: пенитенциарная преступность, проблемы реформы уголовно-исполнительной системы, исполнения наказания в виде лишения свободы, преступная субкультура. Автор многих комментариев к УК и УИК РФ, учебников.

НАРБУТАЕВ Эркин Халбаевич — г. Ташкент. Доктор юридических наук, профессор кафедры Академии МВД Республики Узбекистан. Автор свыше 100 научных трудов, из них 10 монографий и учебников.

НАУМОВ Анатолий Валентинович — (17.03.1939 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

В 1962—1964 гг. — преподаватель средней специальной школы милиции. В 1967—1978 гг. — ст. преподаватель, доцент, зам. начальника кафедры, профессор Волгоградской высшей следственной школы МВД СССР. В 1978—1989 гг. — профессор, начальник кафедры МВШМ МВД СССР. С 1990 г. по 2005 г. работал в секторе уголовного права Института государства и права РАН. В настоящее время — гл. научный сотрудник Академии Генеральной Прокуратуры РФ. Принимал участие в работе над проектами Основ уголовного законодательства 1991 г. и УК РФ 1996 г. В качестве эксперта участвовал в Конституционном Суде в деле о конституционности ст. 64 УК РСФСР 1960 г.

Автор более 220 научных работ, в том числе авторского курса лекций по уголовному праву, неоднократно переиздававшегося. В числе монографий и учебных пособий А. В. Наумова: Мотивы убийств. — Волгоград, 1969; Применение уголовно-правовых норм. — Волгоград, 1973; Законы логики при квалификации преступлений. — М., 1978 (в соавторстве с А. С. Новиченко); Реализация уголовного права. — Волгоград, 1983; Основы уголовного права и процесса Демократической Республики Афганистан. — М., 1987; Уголовное право зарубежных социалистических государств. — М., 1989; Основные концепции современного уголовного права. — М., 1998 (в соавторстве с Дж. Флетчером); и др. Соавтор книг: Российское уголовное право. Курс лекций. — М., 1996; Российское уголовное право Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. К. Козлова. — М., 1996; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М., 1996; Российское уголовное право / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. — М., 1997; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. — М.: СПАРК, 2000; Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. — М., 2000; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М., 2000; Курс лекций Российского уголовного права. 4-е изд., в 3 томах. М., 2007 и др. Хобби: пушкинист — написал две книги и несколько статей, помещенных, в частности, в трудах Института мировой литературы РАН. В феврале 2007 г. принят в члены Союза писателей по рекомендации Риммы Казаковой, Член Совета при Президенте РФ

по совершенствованию правосудия, член Исполнительного комитета Международного научно-консультативного Совета ООН по предупреждению преступлений и уголовной юстиции (ISPAC).

НОВОСЕЛОВ Геннадий Петрович — (1953 г.р.), доктор юридических наук, профессор, советник юстиции 1 класса, зам. начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области.

В 1978 г. поступил в очную аспирантуру и одновременно работал преподавателем по совместительству на кафедре уголовного права с почасовой оплатой.

В 1981 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Критерии определения судом меры наказания» и начал работу штатным преподавателем уголовного права. В 1984 г. ему присвоено звание доцента. В 1985—1987 гг. работал в Республике Куба преподавателем уголовного права и криминологии. В 1990—1992 гг. состоял в докторантуре на должности старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации. В 2001 году Г.П. Новоселов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты». В 2002 году он был избран на должность профессора по кафедре Уголовного права. Автор многих научных работ, в том числе монографии «Учение об объекте преступления», соавтор и соредактор учебников по уголовному праву, подготовленных коллективом кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии.

НОЙ Иосиф Соломонович — (1928—1996 гг.), г. Саратов. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: личность преступника, соотношение биологического и социального в детерминации криминального поведения.

НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич — (23.01.1949 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

В 1991 г. в Московском юридическом институте (ныне — МПЮА) защитил докторскую диссертацию «Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность».

В ДВГУ работает с 1974 г. в должности ассистента. В настоящее время — профессор кафедры уголовного права. В 1975—1989 гг. являлся заместителем декана юридического факультета ДВГУ. С 1996 года заместитель директора Юридического института ДВГУ по научной работе. С 1994 по 2000 гг. был председателем диссер-

тационного совета ДВГУ по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право). С 1997 г. по настоящее время возглавляет Центр по изучению организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ, созданный и действующий на грант Министерства юстиции США. В 1999 г. награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». Член-корреспондент РАЕН, Вице-президент Российской Криминологической Ассоциации, Председатель Приморского отделения Российской Криминологической Ассоциации. Область научных исследований: проблемы причинности и ответственности; проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. В последний год продолжена разработка нового научного направления — исследование транснациональной организованной преступности (ТОП). Изучены взаимосвязь глобализации и преступности, теневой экономики и глобализации, факторы криминальной глобализации, а также влияние глобализации информационных процессов на преступность. Рассмотрено соотношение российской и транснациональной организованной преступности, конкретно исследована роль преступных группировок Дальнего Востока России в криминальном вывозе природных ресурсов за рубеж. Проанализированы взаимосвязь глобализации, миграции и торговли людьми и особенности этих процессов на Дальнем Востоке РФ.

Полученные данные направлены в правоохранительные органы Дальнего Востока и СМИ и используются в оперативно-розыскной и профилактической деятельности. С конца декабря 2003 г. включен в состав экспертно-консультативного совета при Управлении Госнаркоконтроля по Приморскому краю. Автор 173 научных, учебных и учебно-методических трудов, включая несколько монографий, учебников, пособий и статей в области уголовного права и криминологии. Основные работы: Преступное поведение: детерминизм и ответственность (Владивосток, 1989), Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты (Владивосток, 1998), Организованная преступность — 4 (М., 1998), Организованная преступность: тенденции и перспективы борьбы (Владивосток, 1999), Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность (Владивосток, 2001), Россия в фокусе криминальной глобализации (Владивосток, 2003).

ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович — (р. 1955), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Советник Председателя Конституционного Суда РФ. Область научных исследований: борьба с организованной преступностью, предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи.

ОСТРОУМОВ Сергей Сергеевич — (1909—1979) — доктор юридических наук, профессор МГУ. Область научных исследований: правовая статистика, преступность и ее причины в дореволюционной России.

ПАВЛОВ Дмитрий Борисович — доктор юридических наук, профессор, генеральный директор компании «Ника Холдинг». Автор более 20 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 монографий по проблемам борьбы с правонарушениями в сфере экономики и малого предпринимательства. Награжден «Орденом почета», «Орденом дружбы», орденами «За честь и доблесть» и Сергия Радонежского II и III степени, медалью Даниила Московского, национальной премией «Человек года — 2004» и почетным титулом «Российский созидатель — 2004».

ПИКУРОВ Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного права Российской академии правосудия. Автор 80 научных работ, основные из них: Квалификация преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1987; Взаимосвязь уголовного и административного права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел. М., 1990 (в соавторстве); Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998; Преступления против конституционных прав граждан. М., 2004.

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович — (р. 1937), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН. Государственный советник юстиции 3 класса. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса МГИУ. Область научных исследований: борьба с организованной и насильственной преступностью, теория и практика профилактики преступлений.

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе ИМПЭ им. А. С. Грибоедова. Специалист в области криминологии и профилактики преступлений. Основными направлениями научных исследований являются следующие: проблемы предупреждения преступлений несовершеннолетних; криминологический анализ

взаимовлияния различных видов преступлений на примере изучения взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних. Им разработаны основы теории криминологической безопасности. Опубликовано более 100 научных и учебно-методических работ. Академик РАЕН.

ПУДОВИЧКИН Юрий Евгеньевич — (11.08.1975 г.р.), доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России.

С 1996 года занимается преподавательской деятельностью: прошел путь от ассистента до заместителя заведующего кафедрой уголовного права Ставропольского государственного университета; в 2003 году присвоено ученое звание доцента. В 2004 — 2005 годах работал профессором кафедры уголовного права Ростовского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ. В 2005 году во Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России защитил докторскую диссертацию по теме «Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних» (научный консультант — профессор М. М. Бабаев). С 2005 года работает профессором кафедры криминологии Московского университета МВД России. На данный момент опубликовано более 70 работ Ю. Е. Пудовочкина, среди них 13 монографий, комментариев к Уголовному кодексу, несколько учебных пособий. Среди своих наиболее значимых работ Юрий Евгеньевич выделяет: «Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты» (М., 2001), «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по Российскому уголовному праву» (СПб., 2002), «Понятие, принципы, источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран-участниц СНГ (СПб., 2003, в соавторстве), «Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты» (Ростов-на-Дону, 2004, в соавторстве), «Энциклопедия уголовного права» (СПб., 2005, в соавторстве), «Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации» (М., 2006, в соавторстве).

РАРОГ Алексей Иванович — г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель РФ, заведующий кафедрой уголовного права МГЮА. Автор 250 научных и учебно-

методических работ, соавтор 20 учебников по уголовному праву и 8 комментариев к Уголовному кодексу. Основные работы: Общая теория вины. Монография. М., 1980; Вина в советском уголовном праве. Монография. Саратов, 1988; Проблемы субъективной стороны преступления. Монография. М., 1991; Вина и квалификация преступлений. Монография. М., 2001; Квалификация преступлений по субъективным признакам. Монография. СПб., 2003.

РЕВИН Валерий Петрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки, академик РАЕН, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского института предпринимательства и права. Участвовал в разработке и выступал в качестве эксперта федеральных программ борьбы с преступностью. Опубликовал около 350 научных работ, в том числе 12 монографий и 9 учебников. Под его научным руководством подготовлены и защищены 79 кандидатских и 14 докторских диссертаций.

РОМАНОВА Лариса Ивановна — доктор юридических наук, профессор, декан заочного факультета ЮИ ДВГУ, директор Института человековедения ДВГУ.

В 1975 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Преступность несовершеннолетних в условиях портового города (на материалах г. Владивостока)». В Дальневосточном государственном университете занимала должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры уголовного права.

В 1989 г. была назначена на должность заместителя декана юридического факультета ДВГУ. И с этого года ведет большую административную работу. Была деканом юридических факультетов в П.-Камчатском и Ю.-Сахалинске. В настоящее время является деканом заочного факультета Юридического института и директором созданного в 2001 г. Института человековедения ДВГУ. В 1999 г. награждена нагрудным знаком «Почетный работник Высшего профессионального образования Российской Федерации». Л. И. Романова является членом Российской криминологической ассоциации, действительным членом Петровской академии наук и искусств, успешно осуществляет научное руководство аспирантами и соискателями. В 2001 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе

(криминологические и уголовно-правовые аспекты)». Область научных исследований: криминальный наркотизм, причины деструктивных форм зависимостей, личность преступника, региональные особенности преступных проявлений, юридическая антропология.

В 2003 г. Л. И. Романова возглавила работу Научно-методического центра ДВГУ по профилактике наркомании, который занимается подготовкой и переподготовкой специалистов для Приморского края. Она — автор около 150 научных, научно-практических и учебно-методических работ, включая монографии, учебники, пособия и статьи в области уголовного права и криминологии. Основные работы: «Наркотики и преступность» (1998), «Наркотики: преступления, ответственность» (2000), «Квалификация преступлений, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества» (2001), «Наркопреступность в Дальневосточном регионе» (2002), «Наркомания и наркотизм» (2003).

РУСТАМБАЕВ Мирзаюсуп Хакимович — (р. 1954), г. Ташкент. Доктор юридических наук, профессор. Ректор Ташкентского государственного юридического института — сенатор Парламента Республики Узбекистан. Область научных исследований: концепция причин преступности; преступления против правосудия. Автор фундаментальных трудов по уголовному праву, автор Комментария к Уголовному кодексу Республики Узбекистан.

РЫБАЛЬСКАЯ Виола Яновна — доктор юридических наук, профессор (Иркутск). Область научных исследований: проблемы виктимологии и предупреждения преступности.

СТАРКОВ Олег Викторович — (26.11.1952 г.р.), доктор юридических наук, профессор (Краснодар). Главный редактор журнала «Российский криминологический взгляд». Область научных исследований: криминология, криминопенология, групповая профилактика преступлений, теория государства и права, религиоведение. Опубликовано более 20 книг, в том числе монографии и учебники.

СУХАРЕВ Александр Яковлевич — (1923 г.р.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, почетный работник прокуратуры РФ (Москва). Область научных исследований: причины преступности; теория и практика предупреждения преступлений.

СЫДЫКОВА Лейла Чинтургановна — (р. 1957), г. Бишкек. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: проблемы уголовно-исполнительного права, коррупционной преступности, виды и система наказаний. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

ТАГАНЦЕВ Николай Степанович — (1843—1923). Выдающийся русский ученый, профессор С.-Петербургского университета. С 1881 г. Находился на государственной службе в Министерстве юстиции. Один из инициаторов Уголовного уложения 1903 г. Указывал, что причина перевеса отрицательных побуждений человека может заключаться или в недостатке способности сдерживать свои влечения, или в отсутствии понимания своих обязанностей. Основные работы: «Курс уголовного права», «О повторении преступления» (1867), «О преступлениях против жизни по русскому праву» (1870—1871).

ТРАЙНИН Арон Наумович — (1881—1949), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки РФ (Москва). Автор фундаментальных работ по уголовному праву. Представитель левой группы российских социологов.

ТУГЕЛЬБАЕВА Бермет Галиевна — г. Бишкек. Область научных исследований: профилактика преступлений и проблемы женской преступности. Автор более 10 монографий и учебников.

УСТИНОВ Владимир Самуилович — (р. 1942), г. Санкт-Петербург. Доктор юридических наук профессор. Область научных исследований: правовая профилактика, особенности профилактической деятельности органов внутренних дел.

ФАДЕЕВ Виктор Николаевич — (23.06.1954 г.р.), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России. Круг научных интересов обширен и связан, главным образом, с исследованием проблем молодежной преступности, криминологических аспектов исламского традиционализма, криминологических взаимосвязей и последствий мировых геополитических трансформаций, использования и адаптации потенциальных природных и социальных ресурсов в обеспечении криминологической и национальной безопасности России.

ФИЛИМОНОВ Вадим Донатович — (р. 1931), г. Томск. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследова-

ний: личность преступника, формирование антиобщественного сознания, профилактика преступлений.

ФИЛИМОНОВ Олег Вадимович — (р. 1953), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Начальник Правового управления ФСИН РФ, генерал-майор юстиции. Область научных исследований: посткриминальный контроль, индивидуальная профилактика и криминологические основы уголовного права. Опубликовано более 10 учебников и монографий.

ХОХРЯКОВ Геннадий Федорович — (р. 1945), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Область научных исследований: криминология и уголовно-исполнительное право, предупреждение преступности несовершеннолетних.

ЦЕПЕЛЕВ Валерий Филиппович — (29.10.1949 г.р.), доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, член Ассоциации юристов России.

Затем в течение почти десяти лет находился на следственной работе в ГУВД города Москвы (Петровка, 38). В 1981—1983 гг. обучался в Академии МВД СССР (ныне — Академия управления МВД России), получил специальность «юрист — организатор управления в сфере правопорядка».

В октябре 1985 года В. Ф. Цепелев поступил в очную адъюнктуру Академии МВД СССР по кафедре уголовной политики и уголовного права. С апреля 1988 года работает в той же Академии на постоянной основе. За это время занимал должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента и заместителя начальника кафедры уголовной политики и уголовного права (1988—1996 гг.), возглавлял факультеты Академии (1996—1998 гг.). В 1993 году получил ученое звание доцента. В 2003 году ему присвоено ученое звание профессора. Имеет специальное звание «полковник милиции»

С октября 2002 года является начальником кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России. Входит в состав трех диссертационных советов при Академии управления МВД России и диссертационного совета при Государственном университете — Высшая школа экономики. Является учеником и последователем взглядов своего научного руководителя профессора Г. М. Миньковского. Осуществляет научное руководство адъюнктами и соискателями.

Имеет 8 учеников, защитивших кандидатские диссертации. В настоящее время под его руководством работает 10 адъюнктов и соискателей. Выступает оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Принимает активное участие в научных конференциях и семинарах, проводимых в Москве, других городах России и за рубежом. В настоящее время участвует в осуществлении совместных проектов по проблемам прогнозирования преступности с Академией Полицейского корпуса Словацкой Республики (г. Братислава) и Национальным университетом внутренних дел Украины (г. Киев). В мае 1988 года в Академии МВД СССР защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами на территории СССР».

В октябре 2001 года в том же заведении, но с новым названием — Академия управления МВД России, защитил докторскую диссертацию по теме: «Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью». Сфера научных интересов: проблемы соотношения и взаимодействия уголовной политики и уголовного права, теория и практика применения уголовного закона, уголовно-правовые и криминологические аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью, уголовная ответственность иностранных граждан, проблемные вопросы преступности мигрантов. На данный момент опубликовал более 90 работ (включая 3 монографии), среди них: «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: уголовно-правовые, криминологические и организационно-правовые аспекты», М.: Академия управления МВД России, 2001; «Модель регионального криминологического и уголовно-правового прогноза», М.: Академия МВД РФ, 1994 (в соавторстве); «Уголовная ответственность иностранных граждан», М.: Академия МВД РФ, 1992.; «Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел», М.: Академия управления МВД России, 2003 (в соавторстве), Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Под общ. ред. А. Э. Жалинского», М.: Эксмо, 2005.

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — (13.02.1950 г.р.), доктор юридических наук, профессор МГЮА.

Работал в редакциях газет, радио и телевидения Мордовии. На юридической работе — с 1972 года, на научно- педагогической — с 1979 г. В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1990

— докторскую. С 1994 года декан, заведующий кафедрой Ульяновского государственного университета, с 1997 г. — директор Института права и государственной службы в УлГУ. В настоящее время — профессор кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии. Почетный профессор Университета Тихоокеанского побережья (США), действительный член Академии социальных наук, член союза журналистов.

Имеет более 130 научных публикаций, в их числе такие монографии и учебные пособия, как «Нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспорта (ст. 85 УК РСФСР)» (1985), «Преступления на воздушном транспорте (понятие и виды)» (1986), «Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Уголовно-правовые проблемы» (1988), «Цели наказания в советском уголовном праве» (1989), «Личность преступника и вопросы наказания» (1990), «Принудительные меры медицинского и воспитательного характера» (1995), «Лишение свободы и проблемы ее реализации» (1996, в соавторстве), «Право в художественной литературе» (1996), «Преступления против движения и эксплуатации транспорта» (1997), «Преступления против правосудия» (1997), и др. Соавтор и ответственный редактор многих современных учебников по уголовному праву и комментариев к уголовному кодексу. Активно занимается вопросами преподавания права в школе. Имеет авторскую программу и ее учебно-методическое обеспечение.

ШАВАЕВ Андрей Гургенович — (1959 г.р.), доктор юридических наук (Москва). Область научных исследований: криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики.

ШАРГОРОДСКИЙ Михаил Давыдович — (1902—1979), доктор юридических наук, профессор (С.-Петербург). Область научных исследований: причины преступности, соотношение уголовного права и криминологии.

ШЕСТАКОВ Дмитрий Анатольевич — (р. 1949), г. Санкт-Петербург. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского Криминологического Клуба, главный редактор журнала «Криминология», действительный член Академии социальных наук, криминолог, член Российской юридической академии, писатель. Область научных исследований: конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор, понятия и история криминологии. Автор около 220 публикаций, в том числе труды по криминологии, семейной криминологии, уголовному праву, а также публицистики.

ЭМИНОВ Владимир Евгеньевич — (р. 1934), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ. Почетный работник прокуратуры РФ, президент союза криминалистов и криминологов. Область научных исследований: криминологическая характеристика преступлений, история криминологии, предупреждение преступлений в сфере экономики, борьба с преступной неосторожностью на транспорте, воинской преступностью.

ЯКОВЛЕВ Александр Максимович — (р. 1927), г. Москва. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ, лауреат Государственной премии СССР. Область научных исследований: социология преступности, теория причинности в криминологии, концепции причин преступности в зарубежных странах.

ЯНИ Павел Сергеевич — (21.11.1961 г.р.), доктор юридических наук, профессор.

С 1984 г. работает в органах прокуратуры: следователем районной прокуратуры, прокурором следственных управлений прокуратур столицы и Гепрокуратуры, в настоящее время — профессором Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. Главный (научный) редактор журнала «Уголовное право».

В 1995 г. защитил кандидатскую, а в 1997 г. — докторскую диссертацию. С 1997 г. — на преподавательской работе. Научная проблематика: актуальные проблемы квалификации экономических преступлений и служебных преступлений.

Автор монографий: «Преступное в бизнесе» (1995), «Правоохранительные органы и предприниматель» (1996), «Экономические и служебные преступления» (1996), «Проблемы квалификации экономических преступлений» (1997), «Посягательства на собственность» (1998), «Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство» (2001), а также автор свыше 200 статей.

ЯСТРЕБОВ Владислав Борисович (1937 г.р.) — доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры РФ (Москва). Область научных исследований: предупреждение хищений, должностных и хозяйственных преступлений.



Известный ученый Казахстана в области уголовного права и криминологии Алауханов Есберген Оразович родился 19 мая 1958 г. в г. Сарыагаш Южно-Казахстанской области. Трудовую деятельность начал с 1976 г. учетчиком тракторной бригады совхоза «Красная звезда» Жанакорганского района Кызылординской области.

Окончил юридический факультет Ташкентского государственного университета, Саратовскую высшую школу МВД СССР и экономический факультет Казахско-Турецкого международного университета.

С 1981 г. по 2004 г. работал в правоохранительных органах РК: председатель Сарыагашского районного суда, председатель судеб-

ной коллегии по уголовным делам Южно-Казахстанского областного суда, начальник Управления юстиции Восточно-Казахстанской области, начальник Департамента финансовой полиции по Восточно-Казахстанской области, затем начальник Департамента финансовой полиции по Мангыстауской области.

Алауханов Е. О. является автором более 200 научных трудов (свыше 300 п.л.), из них более 20 книг опубликованы в научных изданиях МГУ им. М. В. Ломоносова и МГЮА.

В 2005 г. в г. Санкт-Петербурге издал монографию «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений». Впервые в Республике Казахстан подготовил и опубликовал учебник «Криминология» на казахском и русском языках, монографии и учебники: «Уголовный кодекс Казахстана. Каким ему быть?» (1994); «Квалификация хищений, совершенных по подложным документам» (1994); «Борьба с хищениями собственности путем подлога документов» (1995); «Проблемы правовой борьбы с вымогательством» (1997); «Профилактика преступлений» (2008), «Борьба с коррупцией в государственных органах РК» (2008), а также является ответственным редактором «Комментария к УК РК» на каз. языке.

Алауханов Е. О. подготовил более десяти кандидатов и докторов юридических наук и руководит соискателями и докторантами. С 2006—2007 гг. председатель Диссовета, а с 2008 г. — ученый секретарь докторского Диссовета Академии МВД РК. С 2005 г. — главный редактор международного научного журнала «Научный мир Казахстана». Награжден государственными и общественными наградами.



Каирова Нелля Имамуратовна, родилась в 1964 году. В 1989 году окончила исторический факультет Гурьевского педагогического института, и в 2001 году юридический факультет Казахского Государственного Юридического Университета.

Педагогической деятельностью занимается более 20 лет. С 1999 года работает в Западно-Казахстанском юридическом институте КазГЮУ г. Актобе на различных должностях: старшим преподавателем-методистом, начальником УМО, деканом факультета дневного и заочного обучения, старшим преподавателем кафедры уголовно-правовых дисциплин. Заслуженный работник КазГЮУ, учитель высшей категории. Является

общественным консультантом Центра поддержки женщин г. Актобе. Аспирант Алматинской Академии МВД РК. Имеет 10 научных публикаций.

*Есберген Оразович Алауханов
Нелля Имамуратовна Каирова*

ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Учебное пособие

*Генеральный директор
ТОО «Нур-пресс»
Н. Н. Жансеитов*

*Оператор: Т. В. Карбушева
Компьютерная верстка: А. А. Сляднева
Корректор: К. З. Жаппар
Дизайн: А. О. Савельев*

Издательство ТОО «Нур-пресс»
050057, г. Алматы, ул. М. Озтюрка, д. 12.
Тел./факс: (727) 2747-833, 2742-650.
E-mail: law-literature2006@rambler.ru